

Кирилл ФИЛОВ

**БЛИЗКИЕ
ЛЮДИ**

Кирилл ФИЛОНОВ

БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТЬ

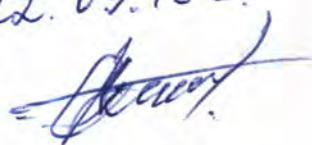
Автор выражает благодарность
Василию Коноплеву за помощь
в издании книги.

Северо-Казахстанской библиотеке
им. С. Муканова

с любовью
и читательским
признанием!

г. Петропавловск
2018

22.09.18г.

УДК 821.161.1(574)
ББК 84 Рус-44
Ф 55

Кирилл Филонов

Ф 55 «Близкие люди» / К. Филонов. Изд-во «Северный
Казахстан», Петропавловск, 2018 г., 216 с.

ISBN 978-601-7958-06-0

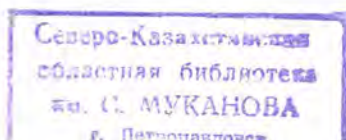
В книге «Близкие люди» автор рассказывает о своих со-
временниках: простых людях, ищущих себя в современной
жизни, оказавшихся чужими в мире чистогана и наживы.

560699

УДК 821.161.1(574)
ББК 84 Рус-44

ISBN 978-601-7958-06-0

© Филонов К., 2018
© Издательство «Северный Казахстан», 2018

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ

Искренне радуюсь появлению на библиотечных полках новой книги – «Близкие люди». Это первое полноценное издание, собравшее под одной обложкой произведения начинающего автора Кирилла Филонова, публиковавшегося ранее только в журналах. Читателям, ценителям хорошей литературы, предстоит знакомство с молодым писателем. Несмотря на то, что Кирилл закончил не литературный, а железнодорожный вуз, он с уверенностью владеет и живым языком, и чутким слогом, и умением управлять художественными образами. В этом отношении Кирилл Филонов вполне может стать достойным продолжателем русской писательской традиции: ведь инженерами по образованию были и Достоевский, и Гаршин, и Замятин, и Платонов. Это не лесть и не аванс. Начнёте читать эту книгу и согласитесь со мной.

Герои повествований К. Филонова – наши современники, простые люди, с их, казалось бы, обычными судьбами. «Казалось бы», это потому что заканчиваются они трагично. Такова воля автора. Хотя и в этом молодой сочинитель является достойным продолжателем литературных традиций. У Карамзина утонула бедная Лиза, у Пушкина Ленский погиб на дуэли, у Лермонтова Арбенин отравил жену на маскараде, у Гоголя Башмачкин простудился и умер. Да что и говорить, все мы вышли из гоголевской шинели... В том смысле, что смерть героя или героини не повод для раскручивания детективной истории, как это модно стало в современной беллетристике, а предлог заглянуть в душу «маленького человека». Хотя маленький человек у писателя Филонова и с высшим образованием – врач, учитель,

железнодорожник, но он по-прежнему беспомощен в противостоящем ему социальном окружении. И вроде жил честно, достойно, не только для себя, а оказался лишним в этом мире чистогана и наживы.

Интересен подход автора к названиям своих прозаических произведений. «Близкие люди» – это об оставшемся нам в наследство от «Отцов и детей» конфликте между сыном и матерью, отцом и дочерью. Куда уж ближе родство? Ан нет, недопонимание, обиды, ложные мечтания разводят близких людей по разным углам коммунального бытия. «Преданная» – это название на суд читателя, каждый сам определит: осталась ли героиня до конца преданной клятве Гиппократата, или предали сельского фельдшера неблагодарные сограждане. «Исключённый из программы» – о том, как просто вычеркнуть человека из списка и из жизни.

Хочется пожелать счастливой судьбы этой новой книге, уверен, она найдёт своих достойных читателей. А у автора, я знаю, созрели уже свежие сюжеты, и он работает над новыми образами. Надеюсь на скорую встречу с ними в следующей книге.

Василий КОНОПЛЕВ,
обладатель медали М.Ю. Лермонтова,
член Международной федерации
русскоязычных писателей

ПРЕДАННАЯ

«Докторша», «лечилка», «фельдшерша» – как только не называли в Андреевке Тамару Егоровну Воробьеву. Каждый житель деревни приходил к ней за помощью, зная, что Тамара Егоровна и среди ночи готова обработать даже самый неглубокий порез, остановить кровотечение или просто дать таблетку от боли в животе. За это и ценили Егоровну – за доброту и безотказность. И уже как-то по-другому, не оскорбительно и даже нежно звучали прозвища односельчан: «докторша» или «фельдшерша». «Третий день голова болит, пойду к лечилке нашей», – говорили люди, по-доброму при этом выговаривая прозвище, будто вспоминали о старом, давно забытом друге.

В свои восемьдесят два года Тамара Егоровна была единственным медработником в андреевской амбулатории, ветхое деревянное здание которой помнило и раненых в годы войны, и покалеченных во время уборки хлеба, когда люди по собственной неосторожности попадали под шнеки комбайнов, очищая забившиеся барабаны, лезли в контейнеры и падали на раздатки. Наравне с амбулаторией помнила всё и её бессменная хранительница.

Ещё в далёкой юности, закончив медицинский институт, отправилась Тамара Егоровна в родную деревню. Понимала свою нужность Андреевке и понимала дочерний долг перед родителями, жившими там же. Не успела вернуться домой, как вскоре назначил район Тамару Егоровну старшим фельдшером. Врачей в амбулатории в ту пору было немало, но образование их не удовлетворяло высоким требованиям районного отдела здравоохранения, и молодой работник Воробьева стала вскоре заведующей сельской амбулаторией.

Сколько коллег поменялось с тех пор, ответить трудно, только сама Тамара Егоровна за всю свою жизнь не променяла родную амбулаторию на тёплый кабинет в районной или городской больницах. Фельдшер считала свою работу служением медицине, а саму медицину – едва ли не святыней. Она имела большую научную библиотеку у себя дома, а те книги, что нужны были Тамаре Егоровне при работе с пациентами, хранились в её кабинете. Не считая зазорным заглянуть лишний раз в книгу по физиологии или анатомии, Воробьева не расставалась с различными справочниками и пособиями.

Воробьева приходила утром на службу и первым делом затапливала печь, мыла пол, готовила всё необходимое и только тогда начинала приём больных. Правда, в последние годы больных стало заметно меньше: совхоз распался, люди стали покидать Андреевку, а Тамара Егоровна с её амбулаторией стали вовсе не нужны ни райздраву, ни (тем более!) облздраву. Зарплату перестали платить, а вскоре фельдшера Воробьеву отправили на пенсию – тихо, без поздравлений. Погибла бы амбулатория, но беспокойная Тамара Егоровна спасала, как могла, андреевскую медицину и вопреки всему продолжила вести приём пациентов, порой не имея ни медикаментов, ни средств.

– Егоровна, ты проблем захотела? – нервно поглаживая длинные, неаккуратные усы ругался председатель сельсовета Иван Дорофеев, едва войдя в кабинет Воробьевой.

– Иван Петрович, я только дела завершить...

– Дела ей завершить! А знаешь, как это называется? – не унимался председатель.

И сколько ни запрещали ей вести приём – всё бесполезно: хоть и оставляли силы Тамару Егоровну, но фельдшер ежедневно (сколько могла) колола дрова, топила развалину-печь, а летом всё мечтала побелить в амбулатории

потолки. Но здание неумолимо разрушалось: проваливался прогнивший пол, деформировались дверные проёмы.

– Нахождение людей в помещении небезопасно, – убеждали какие-то люди, называвшие себя «комиссией». Они заходили в кабинеты, о чём-то совещались, но вскоре уезжали.

А Егоровна после таких «комиссий» плакала и думала о невозвратном времени, когда ей помогали санитарки – люди ответственные, на кого можно было положиться: и печь истопят, и пол помогут, и разложат инструмент, и в картотеке порядок наведут.

Вспоминалась Тамаре Егоровне деревенская жизнь другой, и становилось на душе всё больнее. В какие-то считанные годы Андреевка превратилась из деревеньки-труженицы в деревню-пьяницу, потерявшую в угарном бреду и память, и ум, и доброту, и любовь. Осталось лишь горькое похмелье, будто в шутку называемое синдромом, когда на короткий миг наступает прозрение – как живет она, матушка, с кем она, – и снова выпивка. И находятся в этой прострации и старики, прожившие жизнь, и молодежь, потерявшая всякие надежды уехать в город, и даже не рожденные дети, ещё в утробе матери получающие свои граммы «горькой».

Многое повидала Тамара Егоровна за свою долгую трудовую жизнь и знала, что все беды – от водки. Не забыть ей мальчика Толю, которого пыталась задушить родная мама, обезумевшая от спиртного; больно от воспоминаний о детях семьи Смирновых, когда родной отец на глазах у детей убил свою жену. «Господи, ну почему страдают дети?!» – долгими зимними вечерами сидя в кресле-качалке, оставшейся после мужа, с книгой в руках, подолгу думала Тамара Егоровна.

А ведь изменилась не только жизнь в деревне. Воробьева понимала, что к ней самой изменилось отношение.

Но Тамара Егоровна не обижалась даже когда последний забулдыга обращался к ней на «ты». Врожденная доброта не давала ей впадать в недостойный гнев и обиды.

Были в Андреевке и не только потерявшие себя люди. Видя, с каким трудом Тамара Егоровна колет дрова для амбулатории, молодая женщина Екатерина Вдовина пошла в сельсовет к Дорофееву.

– Иван Петрович, Воробьева старается не для себя, понимаете, – начала разговор Вдовина.

– Да что вы всё так печетесь о бабке, выжившей из ума, – с пренебрежением отвечал Дорофеев. – Мало ли что ей взбредет в голову!

– Послушайте, районная больница находится где? – наступала Екатерина.

– В районе.

– Да, за тридцать восемь верст.

– Ну и?

– Дорога в райцентр хорошая?

– Будет дорога.

– Когда?

– Будет, я сказал! – дергая рукой усы, закричал Дорофеев так, что в кабинет заглянула секретарь.

Разговаривать с председателем было не о чем. Недаром говорили люди, что после распада совхоза он продал всю технику хапуге-предпринимателю, который отобрал у села последнее и наживался на горе простых людей.

Вот и стала, как могла, помогать Тамаре Егоровне Екатерина. Но и такая, женская, едва заметная помощь ей была необходима, ведь силы старушку неумолимо оставляли. И давление мучило её, и бесконечные мигрени, после которых Тамара Егоровна подолгу не могла восстановить и без того оставляющие её силы. Катерина (так звали в селе Вдовину) знала своё дело: едва появлялась свободная минута,

спешила к Воробьевой. Помогала ей в амбулатории, а если Тамара Егоровна просила, то и работала по дому.

Радовалась помощи Тамара Егоровна. Глядя на молодую, справную Катерину, невольно вспоминала свою молодость, удалую и шальную, как порывистый ветер, клонящий верхушки берез. В те времена был ещё жив муж Тамары Егоровны Алексей. Уважали его во всём районе: честно служил своему народу, своей деревне-матушке – был Алексей человеком не последним в районе – главным агрономом. Росли у Алексея и Тамары двое детишек, радовавшие родителей. Семья удивляла своей добротой и уважительным отношением к людям. Подрастающие дети стремились к знаниям, и после окончания школы Михаил и Наташа поступили в медицинский институт, пошли по стопам матери. После окончания института работали в городе. Но Михаил вскоре уехал в Москву, куда его пригласил друг – тоже врач. Дети изредка навещали родителей, но перебраться из деревни в город не предлагали. Да и сами родители не согласились бы оставить родную Андреевку. В возрасте пятидесяти двух лет муж Тамары Егоровны Алексей Трофимович заболел и вскоре скончался от рака желудка, так и не успев понянчить внуков.

– Глядя на вас, Екатерина Николаевна, я себя вспоминаю молодой, – частенько говаривала Тамара Егоровна, видя, как Катерина, не жалея собственного времени и сил, работала не покладая рук.

Сама же Катерина смущалась, когда её величали по отчеству, зато в отличие от остальных андреевцев очень уважительно относилась к возрасту Воробьевой, к её нелегкому труду. Обращаясь исключительно на «вы», Катерина Вдовина понимала, что имеет дело с интеллигентным человеком, и не позволяла себе лишнего в обращении к пожилой женщине.

Воробьева старалась поговорить с помощницей. Они находили темы для разговоров, ведь кроме телевизора, собеседника в доме Тамары Егоровны не было. Да что этот телевизор, смотреть его тошно: одни убийства – сводки, как в войну! Совсем другое дело – живой разговор с человеком. Правда, впечатления от просмотра телевизора Воробьева передавала, потому что не могла оставаться равнодушной. Как любого небезразличного человека, её очень возмущала атмосфера царящего вокруг уголовного фона, хорошо одобренного матерщиной, вперемешку с апатией и всеобщим неприятием друг друга. Вывод всех умозаключений Тамары Егоровны был таков: нравственная деградация достигла крайней точки. Нет, простой сельский доктор ни в коем случае не пыталась что-либо изменить, тем более что словами и призывами ничего не добьешься. Воробьева высказывала лишь свои переживания.

– Вы поражаете меня умением понимать суть всего происходящего вокруг, – говорила Катерина, занимаясь делами в амбулатории.

– Никакого умения здесь нет, – отвечала Тамара Егоровна. – Всё, что вещают наши голубые экраны, происходит и в деревне.

Унизительное, постепенное умерщвление деревни стало для Тамары Егоровны едва ли не личной драмой. Она не понаслышке знала, как быстро погибает село. А сколько таких Андреевок? Неимение работы, нормальной современной школы и больницы, наконец, отсутствие воды, и как следствие такого регресса – преступность, пьянство, безработица, иждивенчество, болезни и отток населения.

– А ведь наша больница фактически уже не существует, Екатерина Николаевна, – с грустью в голосе поясняла Тамара Егоровна, и уже улыбаясь, продолжала:

– Так что мы с вами вне закона, голубушка!

Председатель сельсовета устал ругать Воробьеву за такую деятельность, но весной пришла бумага из района, которая требовала немедленного сноса ветхого здания бывшей амбулатории.

– Егоровна, лачугу твою снесут, а землю продадут, – запыханно пояснял Дорофеев, прибежавший к фельдшеру, едва прочитав предписание района.

– Ах, Иван Петрович, вы только что из печатающей вашей машины вытащили эту бумагу и уже готовы расправиться с медицинским учреждением, – удивлялась Егоровна, вглядываясь в ликующие глаза Дорофеева.

– А никакого медицинского учреждения, как ты говоришь, у нас давно уже нет и быть по статусу села – не может!

– Ах, Иван Петрович, Иван Петрович...

– Да. И, кроме того, дело теперь обрело законную силу! – напоследок проговорил председатель, выделяя особо выражение «законную силу», будто упоминая о чем-то значительном, что имеет действительно силу.

Как ни старалась не обращать внимания на такие провокации Тамара Егоровна, а переживания сказывались на ее здоровье. Всё реже Воробьева принимала больных в амбулатории, всё чаще дома. Но за судьбу родной больницы переживала всё больше. Сколько лет она билась за её существование! Пока Тамара Егоровна работала, амбулаторию не закрывали – жалели, но стоило вынудить человека уйти на пенсию, как здание стало мешать, а земля, на которой оно стоит, кому-то срочно понадобилась. Поговаривали, что место хочет выкупить местный торгаш, с которым Дорофеев в давнем сговоре.

– Странные они оба, – возмущалась Тамара Егоровна Катерине.

– Почему странные, пронырливые...

– Сколько земли пустует! Она руки человека позабыла, уход, строй – не хочу...

– Тут, видно, другой интерес, – задумалась Вдовина. – Вы знаете, я, кажется, догадываюсь: земля принадлежит райздраву, здание сбросят с учета и продадут землицу не как ведомственную, а как собственность сельсовета, за кругленькую сумму. Сговор, круговая порука!

– Да, ведь пашни бывшего совхоза продали, вот они и дерутся за любые кусочки земли...

Права была Катерина, погожим апрельским деньком явилась в деревню ещё одна комиссия. Комиссия не комиссия – два пузатых мужичка с папками прикатали на джипе. И, конечно же, сразу пожаловали в амбулаторию. Туда же поспешил и Дорофеев: глазенки перепуганные, усы топорщатся и руки трясутся, как у алкоголика. Что-то бубнил в ответ на многочисленные вопросы, нёс какую-то чепуху, будто чего боялся или скрывал. Весь его ответ:

– Да я, это самое...

Тамара Егоровна имела неосторожность спросить:

– Зачем эти люди приехали?

– Уйди, Егоровна, прошу тебя, уйди! – нервничал председатель от волнения, то и дело поправляя усы.

Ушла Воробьева домой. Не успела запереть дверь в сенях, как постучали в ворота. Это был сам председатель, доселе сроду не казавший носа в её доме.

– Дай напиться воды! – впопыхах сказал он.

– С каких пор, Иван Петрович, вы стали к бедной старухе наведываться ради воды?

– Да я по другому поводу...

– Гонятся за вами, что ли?

Дорофеев перевел разговор:

– Они списывали здание. Столько вопросов задавали.

– А вы почему боитесь?

Председатель ничего не ответил, выпил воды и собрался было уже уйти, как вспомнил:

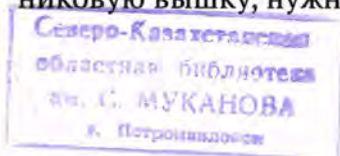
– А-а, это, я что хотел-то: инвентарный номер у твоей амбулатории есть?

Тамара Егоровна отрицательно покачала головой. Дорофеев нервно хлопнул дверью...

Дня через два после комиссии в Андреевку явился глава района и прямехонько – к председателю. Машина УАЗ «Патриот» районного главы целый день простояла под окнами сельсовета. Измучившийся водитель то спал, разложив сиденье, то открывал крышку капота (копался в системе зажигания, которая давно барахлила), то читал журнал «Автолюбитель». О чем разговаривали руководитель района и председатель сельсовета – неясно, только после обеда Пустовалов и Дорофеев решили пройтись по деревне. Они вальяжно вышагивали по центральной улице, и даже постоянно суетящийся, едва не бегущий Дорофеев теперь шел важно: кожаный пиджак расстегнут, руки в карманах. Повернув в сторону заброшенного элеватора, Пустовалов остановился и стал оживленно махать руками, то и дело, тыкая пальцем в пузо Дорофеева. Председатель сельсовета лишь опустил голову и виновато смотрел себе под ноги, пиная камушки. Потом Дорофеев пытался кому-то звонить: достал мобильник, водил трясущимися пальцами по дисплею смартфона, прикладывал телефон к уху. По-видимому, не было связи.

Тамара Егоровна шла из амбулатории домой. Она не остановилась бы (подумаешь, Пустовалов груб с председателем), но её внимание привлек местный предприниматель, который в это время подошел к мужчинам. Высокий, худощавый литовец Локис Петраускас спокойно и деловито что-то объяснял Пустовалову. Поговорив втроем, они отправились в сторону Воробьевой. Петраускас бодро разговаривал с главой района, слегка улыбаясь и активно жестикулируя.

– Понимаете, Сергей Федорович, чтобы поставить спутниковую вышку, нужны средства, и немалые, – говорил

Петраускас, когда они приблизились к Воробьевой. Предприниматель Петраускас очень плохо изъяснялся по-русски. У него был прибалтийский акцент: тянул слова, неправильно ставил ударения. Но все, кто слышал Петраускаса, говорили, что русский язык, наоборот, становился мелодичным и даже благозвучным.

– Здравствуйте! – один предприниматель поздоровался с Тамарой Егоровной, всегда вежливый и тактичный с окружающими.

Пустовалов не обратил на старушку никакого внимания, а Дорофеев, недобро посмотрев, с глубоким отвращением прошипел: «Вынюхиваешь всё!..».

Мужчины прошли в сторону амбулатории. Воробьева не стала задумываться, зачем им понадобилась прогулка, и успокоила себя, мысленно рассуждая: «Районная власть разнос устроила нашему... Пора бы... Пусть полюбуется, до чего деревню довели вместе с хапугой длинноногим на пару!»

Апрельский день располагал к прогулкам: весеннее солнце пригревало, весело щебетали птицы, где-то слышался голос петуха, особенно звонкий, словно радующийся наступлению тепла. Оживали поля. На одной стороне, ближе к лесу, ещё белел снег, а на другой появлялась первая трава. Ещё не растаял лёд на андреевском озере, но ближе к берегу льда уже не было, и с мостика местный пацан бросал камни, пытаясь попасть в корягу, торчащую из-под льда.

Пустовалову нравилось по-свойски журить Дорофеева. С особым смаком он делал это в присутствии посторонних. Не успеешь как следует обрушиться с критикой на этого дурачину, как он уже привычно говорит: «Ну, я это самое... не думал, что так получится...». После этих слов на него можно было давить. Говоришь ему: «Иди-ка ты к Петраускасу в чернорабочие!», а Дорофеев усами уже шевелит, как таракан. «Сколько тебе, Иван Петрович, до пенсии,

а? – спросишь у бедолаги. – Семь лет? Вот и поработай трактористом за мешок комбикорма!». Смотришь, ручки трясутся, губки надул, так и хочется обозвать «жуком навозным», да жалко – преданный, шаг боится сделать. Поругаешь как следует, чтобы не нагел в своей Андреевке, а он жалобно так: «Ну это, Фёдорыч... я это...». Жалко становится, смешной он, с усами своими дурацкими. А потом приедешь в район, да и выпишешь ему премию – пусть радуется, жук, купит себе ножницы для подстрижки ушей.

Можно было заметить, как тот же Петраускас поглядывал на Дорофеева смеющимися глазами, когда глава района давил на него, насмешливо тыкая пальцем, или бесконечно отправлял работать на какой-нибудь скотный двор.

– Всё хозяйство развалил! – Пустовалов повышал голос до крика, проходя мимо амбулатории в сторону цементного завода – главного хозяйства предпринимателя, и добавлял:

– Ты в пример возьми цементный завод. Любо посмотреть: за три года поднял с нуля!

– Ещё земельку прикупить бы, – продолжал разговор предприниматель, словно специально останавливаясь возле амбулатории. – Хочу открыть магазин на месте этого сарая.

– Амбулатория, по-моему? – показывая пальцем, спросил Пустовалов, обращаясь к председателю. – Ты решил вопрос по сносу?

– Решу, – неопределенно ответил Дорофеев.

– Ни хрена ты не решишь! – возмутился Пустовалов. – Что ты за хозяин такой: ни сотовой связи, ни элеватора, ни ферм и дорога в райцентр – убиться можно!

– Дорога в район не в моей ответственности, – попытался возразить Иван Петрович, но его быстро поставили на место:

– Ну-ка замолчи! Умник!

Пустовалов резко изменился в лице. Ему стало, видимо, плохо. Он хотел ещё больше обрушиться на Дорофеева,

но не смог: заболел живот и затошнило. Приступы тошноты стали частыми: это был второй за месяц. Плотный график работы мешал обращать внимание на собственное здоровье.

«Идите вперед, я догоню», – распорядился Пустовалов, поворачивая в кусты возле амбулатории.

– Что это с ним? – спросил Петраускас, мотнув головой в сторону кустов.

– Да черт его знает. Приехал, в сельсовете шороху навёл, потом сказал вызвать тебя, а связи нет, ну и понесло Остапа...

– Кого понесло, Остапа?

– Ты первый раз слышишь?

– За тридцать лет – впервые...

– Тебя только материться научили как следует, – язвил председатель.

– И то хорошо! – засмеялся Петраускас.

Акцент предпринимателя был неслучаен. Всю жизнь он прожил в глухомани, на границе Литвы и Польши. В восемьдесят шестом году Локис Петраускас «по горбачевскому призыву», как он смеялся, рассказывая историю переезда в Россию, приехал на уборку хлеба, где встретил красивую литовку Гинтаре. Девушка была наполовину русской, её родители жили в Андреевке с пятьдесят пятого года, с времен освоения поволжской целины. Локис влюбился так, что решил оставить тёплую Литву и уехать в холодную российскую деревню. Потом друзья присылали письма, в которых подшучивали над парнем, называя его «медведем». По иронии судьбы имя Локис в переводе на русский язык означает «медведь». Вскоре распался Советский Союз, и письма писать перестали, считая наверняка, что Локис либо спился, либо покрылся медвежьей шерстью. Но Петраускас занялся бизнесом. Теперь его имя знали не то что в районе, но и в области, он был человеком не самым

бедным. Любой житель Андреевки знал шикарный дом знаменитого литовца. Односельчане его недолюбливали, как любого успешного человека, да ещё и нерусского. Никто в открытую не показывал своего отношения, и, надо сказать, Локис, невзирая на это, относился к людям одинаково по-доброму, но помогать не спешил. Нет сотовой связи? Будет мучиться со всеми, но денег на спутниковую вышку не даст. Прав он или нет – трудно сказать...

– Дорофеев! А, Дорофеев! – выходя из кустов, прокричал руководитель района.

– Да, Сергей Федорыч! – отозвался председатель сельсовета.

– У тебя бумага была?

«О какой бумаге идёт речь?» – подумал Дорофеев.

– Спрятал от меня, небось, в кармане!

«С облегчением!» – злая мысль мелькнула в голове председателя. До него дошло, о какой бумаге говорил Пустовалов.

– У нас в Андреевке лопухи. Пользуемся... иногда, – сбивчиво и неуверенно проговорил Дорофеев, но испугался своих слов и, заранее чувствуя вину, опустил голову и стал пинать камушки.

– Фигня – твои лопухи. Они только для Дорофеева...

Иван Петрович ожидал, что на его реплику начальник разозлится и начнет кричать, но всё обошлось обычным сарказмом. Дорофеев облегченно вздохнул.

Не успев договорить, Пустовалов вновь изменился в лице и побледнел. Его глаза наполнились тревогой, и он поспешил вновь в те же самые кусты.

– Федорыч! – заволновался Дорофеев и пошел в сторону кустов, где находился руководитель района. – Тебе плохо?

– Да уйди ты! Куда лезешь! – закричал из кустов начальник Дорофеева. – Совсем озверел, что ли!

– Я только, это самое, узнать, – рванул от кустов Иван Петрович, словно побитый бездомный пёс.

– Дал же бог подчинённых!

Дорофеев подбежал к Петраускасу, который криво улыбался.

– Совсем сдурел!

– По-моему, надо позаботиться о здоровье руководства, – отворачиваясь от кустов, проговорил Петраускас.

Не раздумывая, Иван Дорофеев побежал зачем-то в сельсовет. Под окнами кабинета председателя стояла машина Пустовалова. Водитель собрал настоящий консилиум возле администрации деревни. Умельцы вместе с водителем пытались разобраться в системе зажигания.

– Какую гайку крутишь! Не эту надо», – склоняясь над капотом, глухо разговаривали мужики.

Перепуганный Дорофеев, ничего не замечая, забежал в кабинет и стал рыться в аптечке. Подходящих лекарств не было. Он ринулся к водителю, который уже лежал под машиной.

– Какого этого тут собрались? – закричал Дорофеев на мужиков.

– Кто там? – спросил из-под машины водитель.

– У тебя... это... лекарства есть? – взволнованно спросил председатель.

– Нет у меня ни шиша. Машина эта, провались она пропадом!

– Завести сможешь?

– Хрен там!

От мысли, что машина не заведется, Дорофеева начало буквально подбрасывать. Он бежал, не понимая, куда и зачем спешит. Пот промочил одежду настолько, что от резкого движения под кожаным пиджаком шелковая рубашка порвалась. Хотелось снять пиджак. Дорофеев остановился и с трудом снял верхнюю одежду. Тело обдало холодом, виднелся пар. Иван Петрович понял, что погода

изменилась: на небе (ещё совсем недавно чистом, безоблачном) появились тучи – серые, снеговые.

– Куда бегал, скажи? – допытывался Пустовалов, сидя на крыльце амбулатории. – Какой толк от этих метаний?

– Я... это...

Председатель сельсовета попытался открыть дверь амбулатории. Воробьевой не было. От досады Дорофеев пнул дверь. Посыпалась штукатурка.

«Чёртова бабка!» – выругался председатель.

– Ну, Иван Петрович, хвалю! – воскликнул Пустовалов, когда Дорофеев спускался с крыльца.

– За что? – повернулся Иван Петрович.

– За порванную на спине рубашку. С каким рвением стараешься!

Петраускас, заметив дырку на спине Дорофеева, едва не расхохотался.

Гостя из района рвало, мучила диарея.

– Пошли к машине, – твердо сказал Пустовалов. – Мне надо ехать.

Он попытался встать с холодного крыльца, как вдруг сдавило живот с такой силой, что Пустовалов вскрикнул. Его подхватили Дорофеев и Петраускас и повели домой к Ивану Петровичу.

Погода окончательно испортилась: небо затянуло тучами, пошел мелкий, по-осеннему нудный дождь. Апрельский день обманул людей, надеющихся на продолжение тепла. За окном просторного дома Дорофеевых понуро стояли мокрые березки. У одинокой, давно нежилой соседской избушки повалился забор и стал заметен, как никогда раньше. Пустой палисадник, сиротливо раскинувшийся возле неасфальтированной дороги, напоминал упадок и захудалость. Всюду стояла прошлогодняя трава, местами полёгшая, местами высокая.

Иван Петрович и Локис, уложив больного на кожаный диван, ринулись звонить начальнику райздрави, но связи, как обычно, не было.

– Давай к твоему смартфону привяжем палку, – предложил Петраускас, когда стало понятно, что связь доступна только в одной точке – в огороде Ивана Петровича, над кучей перегноя.

– Давай лопату...

Умельцы привязали телефон к черенку и, включив громкую связь, стали вызывать начальника районной медицины.

– Алло, Алексей Степаныч! Алло! – орал на всю Андреевку взволнованный Дорофеев, стоя на куче перегноя под мелким дождём, в одной рубашке. Вид его был нелепым: мокрые, растрепанные усы, большая дыра на спине, черенок и дорогой, современный смартфон, привязанный куском грубой проволоки...

– Да-да, Иван Петрович, говори! – кричал начальник райздрави. – Слушаю!

– Степаныч, скорее выезжай, у меня Пустовалов, ему плохо стало, слышишь?!

– Что случилось?

– Не знаю, рвота...

После этих слов связь прервалась. Дорофеев перезвонил.

– Степаныч, может, санавиацию поднять?

– Да ты что, Иван Петрович, кто полетит в такую погоду?!

– Что делать?

– Я выезжаю сам.

– Не проедешь, поди.

– Почему?

– Дорогу видел?

– Нет.

– Липун везде.

– Выезжаю, а то хуже будет – всех разнесёт к чёртовой бабушке!

- Это – да, правда! Он мне таких лещей отвесил с утра.
- С полкило?
- С кило, пожалуй.
- Ладно, выезжаю.

Переговорив, Дорофеев стал советоваться, кому позвонить ещё.

- Жене? – спросил Локис.
- Нет, только с его ведома.
- Тогда, менту.
- Точно! Райполиция.

Связи долго не было, но всё же дозвонился.

– Понятно, – бодро ответил полковник Хаимович. – Еду.
 – Ждём, – с какой-то радостью в голосе ответил Дорофеев, видимо, испытывая удовольствие от участия в помощи руководителю. Иван Петрович испытывал смешанные чувства, потому что понимал, что в случае удачного исхода его, конечно же, оценят, но если что-то пойдёт не так – Дорофееву несдобровать.

- Кому не позвонили, вспоминай.
- Спасателю.
- Точно, МЧСнику.

Набрав номер, Дорофеев долго ждал, трубку не брали, но вскоре сонный голос ответил. Спасатель молча выслушал рассказ председателя сельсовета.

– И что делать? – растерянно спросил МЧСник, окончательно проснувшись.

- Ты сможешь выслать транспорт?
- Да. «Урал» с медработниками, потому что вертолёт не полетит – на нас движется снег, скоро начнется снежная буря.

Дорофеев, поговорив, повернулся к Локису и сказал:

- Слыхал, снег пойдёт.
- Первый раз что ли.

Завершив важное дело, Иван Петрович немного успокоился. Он знал, что Пустовалов дома не один. С ним осталась жена Дорофеева, которая дала руководителю какие-то таблетки и принесла больному подушку и покрывало.

Из-за непогоды рано стемнело. Дождь усилился и стал переходить в мокрый снег. От непонятной радости председатель, стоя на куче, предложил Петраускасу зайти в сельсовет:

– У меня там неначатая бутылка коньяка в кабинете, давай дёрнем, а то я весь вымок и продрог.

– Отличные идеи рождаются спонтанно.

Размотав проволоку и освободив смартфон от лопаты, Дорофеев стал спускаться с кучи. Из перегной торчал кусок доски. Председатель сельсовета его не разглядел и рухнул на землю так, что выронил из рук телефон. Петраускас и Дорофеев долго пытались его найти, но ничего не вышло – смартфон пропал. Расстроившись, они пошли к Ивану Петровичу домой, даже забыв о коньяке.

– Слушай, где ты ходишь, ему стало хуже, – дома обрушилась жена Дорофеева на своего супруга.

– Мы звонили в райздрав.

Пустовалов лежал на спине, глаза его были закрыты.

– Федорыч, – Дорофеев осторожно дотронулся плеча руководителя, словно хрупкого предмета.

– А-а, это ты, Иван Петрович... – произнёс Пустовалов таким голосом, будто умирал.

Увидев своего начальника, Дорофеев вернулся в прежнее состояние суетливой обеспокоенности.

– Может, это самое... жене позвонить? – спросил Дорофеев у Сергея Федоровича.

– Позвони, – слабым голосом сказал Пустовалов и добавил:

– Скажи, что... дорогу размыло.

Деревенский глава вдруг вспомнил, что телефон остался где-то на огороде. Просить телефон у начальника не смел.

«У жены такая развалюха, что ничего не услышу, – думал председатель, – Локис поможет».

– Дай свой телефон, надо позвонить жене.

– Ещё не хватало угробить мой телефон в этой куче навоза!

– Что ты за человек!

– Ладно, бери, – протянул телефон предприниматель.

Дорофеев, не снимая порванной рубашки, надел старый зимний бушлат и выскочил на улицу. Валил густой снег. Ему не хотелось идти на огород. Иван Петрович вспомнил, что не знает телефона жены Пустовалова. Пришлось вернуться.

«Как же спросить у него номер жены?» – думал он, подходя к больному.

Как ни старался переломить себя, ничего не выходило. Дорофеев подходил к Пустовалову, но, постояв, снова уходил. Заметив нерешительность председателя, Петраускас отворачивался, чтобы не расхохотаться.

– Позвонил? – спросил Пустовалов, резко повернув голову и открыв глаза.

– Да... – нерешительно ответил Иван Петрович, испугавшись столь резкого пробуждения начальника.

– Что ты предпринял?

– Я... позвонил в райздрав.

– Да нахрена же в райздрав! Ещё Хаимовичу позвони, додумайся!

– Ну, я это...

Не знал Сергей Федорович, что о происшествии в Андреевке уже знают все «шишки» района.

– Зови эту бабку свою, неумогу мне! – требовательно сказал глава района.

В панике председатель выскочил из дома в одной рубашке и, выдохнув, не раздумывая побежал в сторону дома Воробьевой. Снег слепил глаза, на дороге было скользко.

Возле избушки Тамары Егоровны Иван Петрович упал прямо в грязь.

– Чёртова бабка! – злобно проговорил он, поднимаясь на ноги.

Тамара Егоровна затопила печь и готовилась перед сном прочесть пару страниц книги по анатомии, как неожиданно кто-то постучал, да так громко и напористо, что в округе залаяли собаки. Тамара Егоровна вышла и удивилась: Дорофеев был сам не свой от волнения. Весь грязный, мокрый, с дырой на спине, он казался гадким утенком.

– Егоровна, спасай!

– Что за диво такое! Вы откуда, красивые, спешите? Иван Петрович стал заходить ко мне попить! Водички никак отведать желаете?

– Не время зубы скалить сейчас! – раздражался председатель.

– Что случилось? – спросила Воробьева, понимая, что дело касается чего-то серьезного.

– Пустовалову плохо.

Обеспокоенная Воробьева взяла кое-какой инструмент врача, который у неё всегда был наготове, медикаменты, покупаемые, кстати, на личные деньги – с пенсии, и отправилась к больному. «Выезд» – так называла Тамара Егоровна походы к больным.

Пустовалов был бледен и слаб, его знобило, высокая температура сменялась холодным потом. Воробьева проверила живот: при пальпации, у пациента возникала резкая боль в правой подвздошной полости.

– У вас аппендицит был?

– Нет, – ответил Сергей Федорович.

– Ну что, голубчик, как диагност могу сказать с уверенностью девяносто девять процентов – вас надо оперировать. Хорошо бы анализы посмотреть, но, увы, не располагаем всем необходимым.

– Сделайте хоть что-нибудь! – нервно заговорил Пустовалов.

– Нет! Я диагност, а если и оказываю первую помощь, то у меня для этого есть минимальный набор инструментов и медикаментов, – строго отрезала Воробьева.

– Не довезу я, чувствую.

Раздражительность в голосе Пустовалова сменилась едва не мольбой о помощи. Старушка вспомнила, что дорога в райцентр напоминала огромную яму с глиной и ухабинами.

– Сколько было приступов боли за последнее время?

– Второй за месяц.

– Хорошо, – сказала Тамара Егоровна.

– А я ничего хорошего не вижу!

– Знаете, у вас свои «матерки», у меня – свои, – деловито дала отпор старушка, – как вы думаете, я имею право использовать те слова, которые ясны только мне?

– Да.

– Договорились.

Тамара Егоровна долго думала. Раздался телефонный звонок. Пустовалову звонила встревоженная жена. Сидевший в углу гостиной Дорофеев удивился, как она сумела дозвониться в деревню, где не брала сотовая связь.

– У меня всё хорошо, Света, – говорил в трубку Сергей Федорович. – А разве тебе не звонили?

После разговора с женой Пустовалов повернул голову в сторону Ивана Петровича и ничего не сказал, лишь укоризненно глянул на как обычно растерянного председателя сельсовета. Обман Дорофеева, видимо, разозлил главу района.

– Скажите, вы ещё долго будете думать? – раздраженно заговорил Пустовалов, обращаясь к Воробьевой.

– Нет, а что?

– Да ничего, просто мне плохо.

– Сейчас всем плохо, – спокойно сказала Воробьева, – взгляните хотя бы на Дорофеева. Вам его не жаль?

Сидящий в сторонке Иван Петрович сразу оживился и, поудобнее устроившись в кресле, с недоумевающим видом криво улыбнулся в топорщащиеся усы, словно двоечник, когда у него спросили домашнее задание.

– Сейчас мне жаль себя. Что делать? – прорычал сквозь зубы начальник.

– Судя по всему, аппендикс нужно удалять, и чем быстрее, тем лучше, – Тамара Егоровна говорила с уверенностью в знании дела.

– Тогда срочно ехать в центр! Что сидишь? – рывкнула районная голова в адрес вздрогнувшего председателя сельсовета.

– Э, нет! По разбитой дороге Вас так растрясёт, что аппендикс может лопнуть, а тогда перитонит и летальный исход неизбежен, – с неменьшей убедительностью продолжала фельдшерша.

– О, господи, – взмолился бывший коммунист. – За что мне такое наказание?

– Видимо, грехи-то были, – не удержалась старушка.

– Как же больно, – продолжал скулить большой начальник.

– Что делать-то, Егоровна? – оторопело прошептали дрожащие усы начальника маленького.

– Не знаю. И затягивать с удалением кишечного отростка опасно. Опасно для жизни, – ответила Воробьева, как ей казалось, шёпотом.

– Так вырежьте мне этот чёртов аппендицит! – закричал всё слышавший районный начальник.

– Успокойтесь, – невозмутимо ответила Тамара Егоровна, – вам категорически запрещено нервничать.

Руководитель администрации неистово стонал и слёзно умолял Воробьеву сделать операцию, и фельдшер посчитала

своим долгом помочь страдающему человеку, несмотря ни на что. Просил пациент – это главное.

– Ладно, – только и успела сказать Тамара Егоровна, как в дом Дорофеевых постучали. В открывшуюся входную дверь просунулась голова местного моториста Гигина.

– Прошу прощения, Сергей Федорович у вас? – спросил Гигин.

– Что вам нужно? – спросила жена Дорофеева, выходя из гостиной.

– Там водитель, он беспокоится, дело идёт к ночи...

– Сергей Федорович заболел.

– Но ведь у шофера почасовая оплата, я извиняюсь.

– Пусть едет попуткой. Как хочет...

Услышав разговор, из гостиной вышел Дорофеев.

– Никаких попуток, – прервал жену Иван Петрович. – Пусть заходит к нам, места хватит.

– Ваня, а если будет беспокойно?

– Ничего, он водитель шефа.

Через минуты две на пороге показался водитель. Переминаясь с ноги на ногу, он долго не решался заходить. Жена председателя пригласила мужчину пройти в гостиную, где Тамара Егоровна вдумчиво рассуждала:

– Для вас, больной, страшен перитонит, но вероятность его очень мала...

– Да вы будете меня оперировать?! – закричал Пустовалов. – Издеваетесь, что ли?!

– Дорофеев сейчас позовёт мою помощницу Екатерину Николаевну, а я тем временем начну готовить операционную. Вы, Иван Петрович, надеюсь, любезно согласитесь.

Несмотря на внешнюю невозмутимость, Тамара Егоровна сильно волновалась. Амбулатория не имела ни хорошей операционной, ни достойного оборудования, ни обязательных для этого случая медикаментов. Но не было в характере Воробьевой привычки отступать без боя. Фельдшер

с многолетним стажем, Тамара Егоровна, не имея права оперировать, много раз консультировала действующих хирургов. Причиной такого доверия стала хорошо известная история, произошедшая очень давно. Её Тамара Егоровна никому не рассказывала, поэтому нельзя утверждать, что этот случай действительно происходил.

По слухам, распространяемым, прежде всего, городскими врачами, Воробьева приехала в областную больницу по делу, и, перепутав нужный ей кабинет с залом для консилиумов, невольно стала свидетельницей обсуждения предстоящей сложной операции. Скромный фельдшер из Андреевки, Воробьева так поразила своими знаниями, что её пригласили поучаствовать в операции, где она проявила себя, работая с известными докторами.

По этой причине приезжали к Воробьевой хирурги или нет – неизвестно, но рекомендации получали они весомые. Прослушав целые лекции Тамары Егоровны о важной роли медицины как науки, люди покидали деревню просветленными новыми знаниями. Непризнанный гений медицины, она попросту не имела возможности практиковать. По мнению некоторых, советы, за которыми спешили врачи, являлись антинаучными. Труды всей жизни и собственные наблюдения оставались лишь рукописями. Воробьева и не мечтала защитить диссертацию, ведь главное для неё – служение великому делу.

– Нужно работать для людей, помогать им в сложной ситуации, а не разводить демагогию, – отвечала Тамара Егоровна на вопросы коллег, когда те недоумевали, почему Воробьева предпочла известности в науке скромную амбулаторию в Андреевке.

Желание лечить людей, стремление понимать чужую боль и стало основным мотивом во что бы то ни стало оперировать Пустовалова прямо в амбулатории. И в этом Тамару Егоровну не могла переубедить даже Катерина,

отлично понимавшая, что именно ей выпала честь быть той самой помощницей. Вряд ли можно сказать, что Катерина несказанно радовалась от вида крови, но отказать уважаемой женщине не смогла. Слишком уж настоятельными оказались просьбы Воробьевой. Катерину не остановили ни упрёки мужа, ни разбуженные дети, едва уснувшие под звуки телевизора. Она вышла, накинув на плечи свитерок, будто поспешила на одну минутку в сарай за оставленным ведром.

– Как же здесь оперировать, Тамара Егоровна? Надо всё же подключить старенькую кварцевую лампу, да и света недостаточно, – пыталась возразить Катерина, когда Воробьева готовила старую операционную.

– Да, Екатерина Николаевна, старуху Воробьеву пора выбросить на свалку медицины, но больного по страшному бездорожью мы не довезём, – упрямилась Тамара Егоровна. – Мы затянем, а вдруг перитонит и летальный исход.

– Я боюсь, – взволнованно проговорила Катерина.

– Голубушка вы моя, – засмеялась Воробьева, – в конце шестидесятых годов я бывала на вскрытиях в прозекторских, где быстро привыкла к хладнокровию.

– Тамара Егоровна, – с мольбой в глазах, едва дыша, заговорила Катерина.

– Вы, Екатерина Николаевна, будете лишь подавать мне инструмент и иногда придерживать место рассечения, так что не волнуйтесь понапрасну, – попыталась успокоить Воробьева.

Богом забытую операционную готовили несколько часов. Для тщательной подготовки и дезинфекции не нашлось и трети необходимых средств. Порядок наводили, как могли. Аппаратура оказалась устаревшей. Её использовали последний раз во времена, когда в амбулатории работал хирург.

Перед началом операции Тамара Егоровна сильно разволновалась. У неё резко подскочило давление, закружилась голова, но фельдшер взяла себя в руки, не отступилась от своего предназначения – помогать людям. Воробьева стала готовить больного.

– Ну как ты, Сергей Федорович? – волновался Дорофеев, склонившись над Пустоваловым в кабинете фельдшера.

– Спасибо, уважил, Дорофеев, – с укоризной проговорил Пустовалов.

– Я же это... не виноват...

– Да, а сколько тебе выделили на ремонт дороги? На новый лечебный комплекс, а? – горячился Пустовалов. – К тебе ни одна «скорая помощь» не доберётся ни за что!

– Ну, мы это...

Не знал, что ответить председатель сельсовета. Поэтому и отвечал, как всегда: «ну, мы это» да усы раздувал, да глазёнки бегали. А сам Иван Петрович прикидывал: на ремонт дороги деньги выделяли – да, только про лечебный комплекс речи не шло.

«Что-то путаешь ты, Сергей Федорович! Ой, путаешь! Ты мне сам подрядчиков по ремонту дороги подсунил, сами деньги поделили, а мне одну щебенку оставили! Совсем заврался ты, дружище!» – думал Дорофеев, жалостливо глядя в глаза Пустовалову.

Когда Воробьева вышла, Сергей Федорович тихонько спросил:

– Дорофеев, как ты думаешь, эта бабка сможет вырезать мне этот чёртов отросток?

Пустовалов уже не то чтобы сомневался в способностях Воробьевой удачно провести операцию, но испытывал естественный страх перед её началом.

Воробьева и Катерина вывезли больного в коридор и направились к операционной. Тамара Егоровна сразу заметила боязнь в глазах пациента и поспешила успокоить:

– Вы большой человек, Сергей Федорович, и страх у вас большой. Представьте, что вы ма-а-аленький начальник, как Дорофеев, – смеялась Тамара Егоровна и заметила, что Пустовалов начал улыбаться тоже.

А тем временем маленький начальник Иван Петрович Дорофеев испытывал совсем не маленький ужас. Причем не за больного – нет! – он жутко трясся за себя. Бедный Иван Петрович! Замечание получил, гость заболел... Ещё эта бабка со своей амбулаторией мельтешит! «Отправили бы в нормальную больницу, нет же, разорался: «Выре-зай, выре-зай!» – думал Дорофеев, временами выскакивая покурить. Не докуривал, ломал сигареты и снова зажигал.

Но операция шла хорошо. Тамара Егоровна проворно делала своё дело. Ни возраст, ни подскочившее давление не мешали ей ловко держать скальпель.

– Главное, чтобы руки не тряслись, – увлеченно работая, приговаривала она Катерине, которая то и дело нюхала нашатырный спирт.

– А вы оперировали когда-нибудь, Тамара Егоровна?

– Пусть это останется историей про фельдшера Воробьеву, ворвавшуюся по ошибке в зал для консилиумов, – отшучивалась Тамара Егоровна.

– Не могу смотреть, – говорила Катерина, которая то и дело поглядывала на место рассечения кожи.

– Да не нагоняйте вы страху на больного, а то он подумает, что мы проводим какие-нибудь опыты...

– Я всё слышу, – проговорил Пустовалов, словно о нём говорят из другой комнаты.

– Ну как чувствуем себя?

– Жарко здесь у вас.

– Вовсе нет, это нормальное состояние пациента во время оперативного вмешательства. Не волнуйтесь, – успокаивала Воробьева, изучая состояние аппендикса. – Намочите ему губы.

– Лучше дайте спирту, – волновался Пустовалов.

– Голубчик, алкоголь в крови делает человека марионеткой в руках порока. Он возбуждает в человеке зачастую самые низменные свойства души: скверность характера, беспричинную злобу. Не зря люди верующие говорят: «бес вселился» про человека пьяного...

– Выпивка мотает нервы всем, – поддерживала разговор Катерина.

– Правда, и медики, чего скрывать, грешат выпивкой, – добавила Воробьева. – Насмотрятся за рабочий день.

– Я бы не вытерпела, – сказала Катерина.

– Ничего, – ответила Воробьева, – медицина всё стерпит, она призвана терпеть и помогать.

Да, было время, когда алкоголь помотал нервы Тамаре Егоровне. Вспомнилась ей одна зимняя ночь, когда напился сосед Воробьевой Сергей Берестов и напоролся в пьяной драке на вилы. Тамара Егоровна прибежала, оставив новогодний стол, и всю ночь помогала хирургу спасать Берестова. Поножовщина в деревне сменялась драками, драки – убийствами, и всему виной – злополучный алкоголь.

– Тамара Егоровна, я хотела спросить, а вы верующий человек? – спросила помощница.

– Я не верующий человек, а просто верю в бога, – пояснила Воробьева. – Раньше нам запрещали это, тем более врачам, но то, как сегодня относится к религии сама церковь, я не одобряю. Лучше быть честным атеистом, чем ханжой и спекулировать на чувствах наивных людей. По-моему, лучше носить бога в душе, не выставляя это сокровенное чувство напоказ.

Воробьева убедилась, что аппендициту ничто не сопутствует. Приступая к удалению, она решила заглянуть в справочник, который специально взяла в операционную. Оставляя кровавые следы на страницах книги, Тамара Егоровна открыла нужный раздел и долго вчитывалась

в написанный текст. Потом громко захлопнула справочник и приступила к удалению. Одной Катерины не хватало – нужно было с двух сторон держать края разреза, а ещё с двух – соединительную ткань. Воробьева прикрикнула на помощницу:

– Да не закрывайте вы глаза, Екатерина Николаевна! Неужели не видите, что здесь и так не хватает ассистентов!

– Хорошо, хорошо... – ответила Катерина, пересиливая себя.

Помощнице становилось плохо. От увиденного кружилась голова и тошнило.

«Не упасть бы в обморок», – думала Катерина, глядя, как Воробьева удаляет отросток.

– Не знаю, показывать пациенту его «рудиментарный мешочек» или пожалеть? – с улыбкой под медицинской маской спросила фельдшер, обращаясь к Пустовалову.

Но Сергей Федорович ничего не отвечал: слушая разговоры Тамары Егоровны о боге, больной попросту отключился.

– Уснул, это хорошо, – принимаясь к зашиванию кишки, проговорила Воробьева. – Екатерина Николаевна, готовьте дренаж, надо подсушить небольшой абсцесс.

«Как готовить дренаж, разве я знаю?» – думала Вдовина, автоматически выполняя указания фельдшера.

Катерина почувствовала, что медленно падает в обморок, но Тамара Егоровна вовремя поднесла к её носу вату с нашатырём.

– Нужно собраться, – строго сказала Тамара Егоровна. – Скоро будем отдыхать. Нужно не допустить внутреннего кровотечения, это важно, Екатерина Николаевна. Сейчас не время для всех этих нежностей.

«Хороши нежности», – думала Вдовина, не на шутку обидевшись на резкие слова.

Фельдшер начала торопиться. Заканчивалось действие лидокаина, Пустовалов стал чувствовать боль и проснулся.

– Помогайте, Екатерина Николаевна! Держите, наконец! У меня не тысяча рук! – буквально закричала старушка.

– Что мне делать, я не врач, – нервно ответила Катерина.

– Я же сказала: держите. Сейчас буду зашивать ткань. Слышите, он стонет уже, ему больно становится.

– Это была первая и последняя моя авантюра, – не выдержала Вдовина.

– Сейчас не время для претензий. Жалобная книга сожжена в амбулаторной печи.

Тамара Егоровна проворно зашивала поврежденные участки подкожной ткани и приговаривала: «держите здесь», «зажимом подержите здесь», «левее»...

Когда зашивали кожу, Воробьева вновь закричала:

– Что вы думаете? Где йод? Почему вы витаєте в облаках?

– Знаете, вы не кричите, а лучше объясните, что делать.

– Йод, быстрее! Обработайте кожу возле рассечения.

Не там, по краю. Правильно...

Когда накладывали последний шов, Пустовалов едва не завопил от боли. Операция закончилась.

Возбужденная Катерина подошла к обложенной кафелем стене и громко, навзрыд, заплакала. Нет, не обида жгла её душу, а пережитый шок вырывался наружу. Наступило какое-то бессилие, она была готова упасть на пол, ноги едва не подкашивались.

– Вы утомились, сейчас будем отдыхать, – гладила по спине Воробьева.

– Я столько выслушала. Как первоклассница.

– Извините, от нас зависела жизнь человека.

Через пять минут Катерина успокоилась.

Пока шла операция, Дорофеев не находил себе места: выскакивал покурить, нервно покрикивал на жену, спящую из дома в амбулаторию, и обратно. От волнения он задёргал свои и без того неаккуратные, топорщившиеся, как у жука, длинные усы. К полуночи они напоминали веник, которым

подметали андреевскую амбулаторию. Дорофеев нервно поджимал губы, хватался за голову и всё время моргал так, как будто у него появился нервный тик.

– Ваня, тебе плохо? – спросила жена, заметив его необычное поведение.

– Да иди ты! – резко ответил он.

Ближе к концу операции Локис ушёл домой, сказав, что вернётся через час, но так и не пришёл. Водитель, провозившись с машиной, заснул сидя в кресле дома у председателя. Пока жена Дорофеева бегала в амбулаторию узнать, как идёт операция, на кухне рыжий длинношерстый кот, взобравшись на стол, прямо из тарелки сожрал всю колбасу, нарезанную хозяйкой специально для высокого гостя. В сумеречной, полутёмной гостиной мерцал телевизор, показывали концерт Киркорова. Жена Дорофеева очень любила отечественную эстраду, но посмотреть выступление не удалось: в амбулатории волновался муж, царило беспокойное ожидание, и, кроме того, из-за непогоды неожиданно пропало телевизионное изображение. Как назло, простудился Иван Петрович: громко чихал, появился насморк.

– Довыскакивался в одной рубашке, – ругалась супруга.

– Уйди, – гневно отвечал муж.

Издерганный и помятый Дорофеев, как узнал, что всё закончилось, забежал в кабинет к Тамаре Егоровне и давай на радостях трепать языком:

– Егоровна, Егоровна, – разорялся председатель. – Ты в сельсовете писала бумагу на ремонт кровли своей избы? Я тебе новый дом построю. За личные деньги построю.

– Не стоит беспокоиться, Иван Петрович, – по привычке отказывалась Воробьева, с малых лет (ещё родителями) приученная к скромности. – Окажите милость, радость вы наша, посидите с больным, а мы с Екатериной Николаевной поспим.

– Какой разговор, Егоровна, – радовался Дорофеев.

И действительно, не могла понять Тамара Егоровна, как прожила в старом доме она последнюю зиму. Пакля высыпалась так, что комната выстывала за два часа, а утрами невозможно было встать с постели – зуб на зуб не попадал. Весной и летом, в дожди, текла крыша, стояла сырость, а осенью ко всем «прелестям» добавлялся жуткий холод промозглых дней. Много было связано с ним, с родным домом. Коротали в нём тихие зимние вечера Воробьевы, наслаждались уютом, поднимали детей, провожали их в другие края. Все они глядели теперь с портретов и слова не говорили. Больно, что носа не кажут вовсе, а если едут, то как-то набегом, наскоком: ну как вы тут? Всё хорошо? Ну и ладно, живите. Побудут, погостят, на могилу к отцу даже не заглянут – и побегут опять в свои города телевизор смотреть. А отец на них с такого же портрета глядит и спрашивает будто: «Разве этому я вас учил, дети?». Что тут ответить?.. Оглянутся его детишки и скажут: «Угол-то вовсе заплесневел, дом окончательно покосился...».

Не дом, ой, не дом покосился, а покосились души людей, заплесневели сердца. Что поделать, возвращалась Тамара Егоровна в дом, где её любимые книги стояли в сырости да холоде, где портреты детей и мужа портились всё больше день за днём.

И сейчас взяла Тамара Егоровна книгу. Это была её давняя привычка: перед сном читать, сидеть в кресле-качалке, укрыв ноги пледом, и читать. Взяла медицинский справочник да тут же стала проваливаться в сон.

Спала Тамара Егоровна, вымотавшись за ночь, спала Катерина, насмотревшись на зажимы, скальпели и ножницы. Но Иван Петрович, согласившийся караулить больного, всё нервничал. Отправив домой беспокойную жену, он ходил из угла в угол, дёргал уже редкие, осыпающиеся усы. Когда хотелось чихнуть, выбегал в коридор. Ближе к утру,

вымотанный, с торчащими на голове волосами, он присел около кровати Пустовалова и, облокотившись на тумбочку, всё же уснул. Даже во сне Дорофееву не было покоя: бедный Иван Петрович вздрагивал, стонал и разговаривал. Сидя полусогнуто, неудобно, он нес свою сонную вахту до тех пор, пока Тамара Егоровна не разбудила его.

– С добрым утром, Иван Петрович, – неожиданно проговорила Воробьева. Дорофеев едва не свалился со стула, услышав громкий шепот доктора.

– Егоровна, я тут это...

– Отдыхайте, Иван Петрович, отдыхайте, – заулыбалась Воробьева. – Вы бы ступали домой. Скоро придет Екатерина Николаевна, пробудится больной.

Воробьева впервые заметила нездоровый вид Дорофеева.

– А что это вы, простыли?

– Почему? – спросил Дорофеев, словно не понимал фельдшера.

– Говорите в нос.

– С вечера ещё.

– Почему мне не сказали? – возмущенно заговорила Тамара Егоровна. – Я бы вас не допустила к больному. А если вы его заразили? Вы как маленький.

Ничего не сказав, Дорофеев вышел и с обиженным видом пошёл домой.

Всю ночь валил снег, дул порывистый ветер, пригибая молоденькие, тоненькие берёзки. Где-то разметало плохо заскирдованное сено, слегка разворошило верх у стога соломы и присыпало снегом. Ближе к обеду на следующий день пригрело солнце. На дорогах и на возвышенностях снег растаял, показалась черная, влажная земля. Снова наступила по-весеннему тёплая погода. Запели птицы, на краю деревни заговорил трактор, зашумели мужики – готовится, видно, Андреевка к посевной...

Вдовина не пришла в тот день помогать в амбулатории. Отдохнув после ночи, она проснулась и услышала в свой адрес упрёки от мужа. Катерина крупно поскандалила и даже ушла из дому, собрав вещи и взяв с собой детей. А через три дня к родителям Катерины пришел муж и забрал семью обратно.

Тамара Егоровна еле справлялась с пациентом. На всякий случай, чтобы не заразился от Дорофеева простудой, Воробьева дала больному таблетки. Но как ни старалась фельдшер, после обеда у Пустовалова поднялась температура. Трудно было определить, то ли после операции, то ли от передавшейся простуды, температура дошла до тридцати девяти с половиной. Ни кашля, ни насморка не было. Кроме того, Тамара Егоровна боялась образования спаек в брюшной полости. Стоило Воробьевой заставить Пустовалова начать двигаться, как столкнулась с капризами. Он вел себя, как маленький ребёнок: отказывался вставать с койки и привередничал. Много проблем доставляли ещё и посетители. Едва наступило утро, к амбулатории подъехала большая машина «Урал» с какими-то не то антеннами сверху, не то украшениями, правда, грязная после долгого пути. Из неё вышли двое представительных мужчин в пиджаках, при галстуках, а ещё бригада медиков. На машине виднелась надпись: МЧС. Медики изучили состояние больного, потом долго расспрашивали Тамару Егоровну.

– Я не имела права отправлять больного, – только и ответила Воробьева на расспросы коллег.

– Ну и перепугал ты нас, Сергей Федорович, – говорили представительные мужчины.

– Так перепугал, что ехали восемь часов, – язвительно говорил Пустовалов.

– Поехали, устройм тебя в нормальную больницу.

– Вы извините, что вмешиваюсь, но ему пока не следует никуда ехать, – услышав разговор людей, сказала Воробьева.

– У нас современный передвижной медицинский комплекс, – велевременно проговорил кудрявый мужчина. Фельдшер сразу признала в нём руководителя райздрави. Вторым мужчиной – руководителем районного МЧС.

– А у меня несовременная, богом забытая амбулатория с дырами в полу, и я вам не рекомендую вести пациента к черту на кулички! – резко, но тактично ответила Воробьева, показывая пальцем на давно некрашеный пол.

– И спрашивать не будем, – проговорил второй мужчина.

Пустовалов лукаво улыбнулся в сторону Тамары Егоровны и дернул за рукав первого, до которого дотянулся с койки.

– Не надо огрызаться с ней, бабулька в медицине шарит, по-моему, больше, чем твой министр в Москве, – сказал руководитель районной власти.

Помня добро, Пустовалов после операции стал иначе относиться к Воробьевой и, если надо было, никому не давал её обижать.

В амбулаторию вошел приехавший следом за машиной МЧС полковник Хаимович, а за ним забежал как всегда перепуганный Дорофеев, весь помятый, по-видимому, едва проснувшийся.

– Ну-у, всех принесла нелёгкая, – лукавил Пустовалов, скрывая чувство радости. – А ты, Хаимович, какими судьбами?

– Дорофеев позвонил, – растерянно говорил Хаимович. – Я и прилетел.

– Долго же ты «летел», – укоризненно сказал Пустовалов. – За это время Дорофеев мне аппендицит вырезал, собственноручно.

В этот момент Иван Петрович чихнул так, что сидевшая через стенку Воробьева испугалась. Ей показалось, что больному стало плохо. Тамара Егоровна зашла в перевязочную (временно обустроенную под палату специально для Пустовалова) и спросила:

– Вам не плохо? – обратилась она к Сергею Федоровичу, но увидев рядом с ним Дорофеева, указала на дверь:

– Прошу вас, Иван Петрович!

– Егоровна, иди к себе, – спокойно сказал Дорофеев, привычно меняясь в присутствии начальства: становясь высокомерным и нетерпимым к простым людям.

– Иван Петрович, прошу вас! Вы нездоровы, – настаивала фельдшер, но председатель сельсовета и не собирался уходить.

– Выйди, – тихо произнес Пустовалов.

Гости просидели часа два. Уходя, начальник райздрави зашел в кабинет Воробьевой.

– Как прошла аппендэктомия? – спросил начальник, подсаживаясь к столу фельдшера.

– Без каких-либо осложнений.

– Можно взглянуть на анализы?

– Каюсь, не брала.

– Как же так? А если бы...

– Знаю, – перебила Воробьева, – но поймите правильно: ехать в район по бездорожью...

– Ну, хорошо. Скажите, каково состояние пациента после вмешательства?

– Слава богу, мы имели дело с обычным катаральным обостренным аппендицитом.

– Вероятность перитонита?

– Мала.

Начальник райздрави выслушал фельдшера и достал из кармана деньги.

– Возьмите, пациент не должен нуждаться в хороших лекарствах.

– Чудной вы, – удивилась Тамара Егоровна. – Где же я за ваши деньги куплю нужные лекарства? В Андреевке нет даже аптеки.

Мужчина смутился и ответил:

– Тогда считайте, что это в знак благодарности.
 – Никаких знаков! Лечить – это святое дело, – пояснила старушка, – лучше пришлите лекарств.

– Напишите, что нужно.

– У меня есть список, – Воробьева достала из ящика стола бумагу и подала его начальнику райздравицы. – Он был подготовлен мной ещё года три назад, только не могла вам его вручить, не было личной встречи.

Взяв список, руководитель райздравицы уехал.

После полудня, когда у больного поднялась температура, приехала жена Пустовалова.

– Светлана Игоревна, как ваши дела? – заискивал председатель, потеряв стыд.

– Какие дела? – возмущалась жена. – Вы тут мужа мне едва не угробили, дела.

– Да что вы, Светлана Игоревна, что вы...

Стоя на пороге дома, жена Пустовалова кричала на Дорофеева, срывая на нем свое пережитое беспокойство, а потом отправилась в амбулаторию. Иван Петрович семенил за ней. Она села за руль своего внедорожника, рванула с места, не дождавшись, пока Дорофеев сядет в машину. Униженный председатель сельсовета отправился в амбулаторию пешком, то и дело чихая и нервно теребя свои облезлые усы.

Тамара Егоровна не стала обращать внимание на крики супруги руководителя, а тихонько занималась своими делами. Светлана Игоревна, не унимаясь, отчитывала Дорофеева. Иван Петрович стоял в коридоре и, теребя усы, невинным взглядом, как нашкодивший пацан, смотрел на людей. Он боялся подойти к больному по двум причинам: во-первых, в перевязочной находилась жена Пустовалова, во-вторых, Тамара Егоровна запрещала появляться в амбулатории с насморком.

– Опять вы здесь, Иван Петрович, – сказала Воробьева, проходя с уколами к пациенту.

– А это ещё кто? – указала Пустовалова на Воробьеву, но ей никто ничего не ответил.

Тамара Егоровна поставила два укола и побрела домой, оставив свою амбулаторию, своих обидчиков и свои обиды, чтобы прийти в родную избёнку к любимому креслу и погрузиться в чтение.

Пустовалова хотели забрать домой, в район, но рабочий Дорофеев настоял на том, чтобы он ещё пару дней никуда не ехал. Жена укатила одна, даже ни с кем не попрощавшись.

Два дня у районного руководителя держалась высокая температура, а на третий, когда стало немного легче, Тамара Егоровна сказала своему пациенту:

– Теперь можно отправляться домой, голубчик! Швы заживают, их вы снимете дней через пять, перевязки будете делать по месту жительства. – Фельдшер держалась с пациентом доброжелательно, но без заискиваний, легко и свободно. Внимательно проверив место надреза на белой и мягкой коже Пустовалова, она добавила:

– Конечно, я напишу эпикриз, но поверят ли ему в районе.

– Не переживайте, вам поверят, – улыбался Сергей Федорович, – да и потом, я буду под наблюдением опытных специалистов.

– Вот и договорились, – приветливо улыбнулась фельдшер.

Воробьева вручила больному эпикриз, написанный от руки перьевой (ещё советской, старомодной) ручкой на пожелтевшем тетрадном листе в клетку. Посмотрев на бумагу, Пустовалов по-доброму улыбнулся.

– Как в Советский Союз вернулся, – проговорил Пустовалов.

- Вы наверняка имеете в виду чернила?
- И бумагу.
- Не от лучшей жизни. Использую старые запасы, а чернила и ручка – это память о муже. В моем быту много вещей, связанных с ним. Он был человеком, бережно хранившим дорогие его сердцу вещи. Я продолжаю хранить всё, что было частью его жизни и быта. Жизнь состоит из мелочей, на которые мы даже не обращаем внимания, но стоит лишиться этих, даже пустяковых, предметов – теряется смысл человеческого существования.

Казалось, Пустовалов разговаривал не с едва знакомой старушкой, а перед ним стояла его собственная мама – слегка наивная, но умная женщина, с теплотой во взгляде, готовая понять любимого сына.

В этот же день, ближе к вечеру, за Пустоваловым приехала супруга. Она держалась высокомерно. С Тамарой Егоровной попрощалась сухо, произнеся лишь едва уловимое, неразборчивое слово: «До свидания».

Как ни заискивал перед отъездом начальника Иван Петрович, а благодарности не услышал. Одна лишь фраза, вскользь брошенная Сергеем Федоровичем, говорила о многом:

- Не нам друг дружку судить, а за добро надо бы платить тем же – добром.

Сколько бы ни делал человек зла, а рядом с недобрым в душе таятся и благодарность, и прощение, и любовь. И не поймёшь порой, не разберёшься в своих чувствах, потому что просыпается в человеке то далеко упрятанное, о чём он и позабыл давно. Как ни говори, что добросердечие сегодня не нужно, оказывается, есть оно в тебе. И как не гони от себя это, почему-то не нужное – за добро злом не платишь. Вспоминаешь забытое, чему учила мама, что говорил первый учитель, и правда: жить надо по совести. Только забывает человек то, что вспомнил лишь на миг.

Новые обстоятельства заставляют его вернуться в прежнее состояние души. Смело отвергнув, как ему кажется, вредные суждения о доброте, о тёплом сердце, он вновь становится тем, кем был. Но даже в самый короткий миг, когда человека переполняет доброта, он способен на многое. Так устроен человек...

2

Катерина извинилась, что не помогала Тамаре Егоровне и объяснила своё отсутствие после операции. Воробьева понимала, что у Катерины семья и дети, поэтому не сердилась на неё.

– Да что вы, голубушка, маленькие дети у вас. Нет обязанности такой – помогать из ума выжившей бабушке, – говорила Тамара Егоровна, а сама не могла скрыть радости от возвращения помощницы.

Но мудрое сердце Воробьевой подсказывало ей, что Катерина всё же обиделась на резкие слова и требовательность при операции. Впрочем, разногласия продолжались недолго, и вскоре помощница, как ни в чем не бывало, как обычно приходила в амбулаторию, мыла пол, помогала принимать больных: поддерживала тех, кто плохо передвигался, обрабатывала раны.

И всё пошло вновь своим чередом. Председатель старался не замечать Воробьеву с её проблемами: с разваливающимся домом, прохудившейся крышей. Да и зачем обращать внимание, ведь дом ни сельсовету, ни району не принадлежал. Время частного имущества (где человек ничего не проси у государства) заставило людей самим полагаться на себя. Хочешь построить дом? Не проблема: копи деньги или возьми в банке. Только вот банки эти

далеко не стеклянные, в которых огурцы хранят. Возьми денежки из той банки, а отдашь сумму в три раза большую. Такая вот ерунда, эти свободные рыночные отношения. Вот уже и между соседями рыночные отношения, между родственниками и в семье одна беда – деньги. Умами людскими завладел всё поглощающий «доллар». Жизнь человеческая меряется им же. А если его нет – помирай?!

Благо, в каждом доме теперь имеется телевизор, да что там телевизор, летом в Андреевку провели какой-то кабель, а за кладбищем, на возвышении, поставили вышку. Говорят, провели «всемирную паутину» – Интернет называется. Что за паутина такая – не понять. Опутала она весь мир, и теперь Андреевка тоже в этой паутине. Деревенские жители теперь разговаривали с районным городом и видели собеседника через компьютер. Хочешь, в город звони, хочешь – в область, а хочешь – Мариуполь какой-нибудь набирай, и телефон не нужен. Жаль только то, что в центре этой паутины находится паук, который всему миру голову свернул своим долларом и своей паутиной так, что даже в Андреевке приученные к работе мальчишки стали думать, как приручить этот доллар себе. И повадились в Интернете делать ставки. Зачем – не понять, только деньги вылетали на эти ставки, а взамен ждали чуда: прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете...

В доме у Воробьевой тоже появилась такая штука – компьютер. Дело было так: утром сходила Тамара Егоровна в амбулаторию, а к обеду варила суп. В ворота постучали. Тамара Егоровна подумала, что либо пришла Катерина, либо привезли баллонный газ (его доставляли в этот день месяца), но когда открыла ворота, обомлела: стояли посторонние мужчины, солидно одетые и с большими коробками. Спросила Воробьева, не ошиблись ли. Нет, говорят, дом Тамары Егоровны Воробьевой.

– Мы установим вам компьютер, а рабочие проведут шестиполосный Интернет, – говорил самый серьёзный из мужчин.

– Шестиполосный? – иронично удивилась фельдшер. – Ой, как здорово!

Конечно, для неё пустой звук эти названия. Пусть Интернет будет хоть шестисотполосный – от этого ей не жарко и не холодно.

– Знаете, у меня крышу дома надо перекрыть и щели заделать, а шестиполосный интернат нужен председателю сельсовета, – с иронией проговорила Тамара Егоровна и добавила:

– Забав у него мало, пусть тешится.

Воробьева специально исковеркала слово «Интернет», сделала на нем акцент. Ей и самой было непонятно почему, но это название всегда хотелось перекривить, искоробить.

– Тамара Егоровна, это подарок Пустовалова Сергея Федоровича, – ответил серьёзный.

– Вот как! – изумилась Воробьева. – А Интернет туда же входит?

– А Интернет – всероссийская правительственная программа «С Интернетом – в село».

– Понятно, – заулыбалась Тамара Егоровна.

Да, погибающей, молящей о помощи деревне, где нет воды, кормов, больниц и школ, больше всего нужен Интернет. Разумеется, Тамара Егоровна ничего не сказала, но задумалась об этих шести полосах, про которые говорил серьёзный человек.

Для того чтобы вырастить хлеб, шестью полосами не обойдёшься. И даётся этот хлеб ой как трудно! А для того, чтобы Интернет служил горсправкой (как в давние времена), нужно, может быть, и три полосы. Тому, кому, кроме удобств, ничего не нужно, достаточно и одной полосы. Человек волен выбирать сам, что ему по душе. Только

ни одной программой правительства не решить проблему отъезда людей из села. Человеку нужна хоть самая малая надежда на будущее у себя дома, в селе. Что делать молодёжи? Играть на торгах и бирже, чем пестрит Интернет: «Нажми кнопку мыши – заработай миллион долларов!», Как всё просто! Да здравствует биржа труда!

До вечера возились наладчики с компьютером, а когда всё подключили, долго объясняли, как пользоваться такой машиной. Тамара Егоровна спросила:

- А медициной интересоваться я смогу?
- Думаю, это не проблема.

Пытались объяснить наладчики, как включать да подключать, но Тамара Егоровна ничего не могла понять, ей нужно было самой попробовать, чтобы начать пользоваться компьютером.

«Буду звать на помощь Екатерину Николаевну или Сашку, мальчишку соседей Устиновых. Он всё знает, понимает», – подумала Воробьева, когда ушли мужчины.

Через минуту после ухода самый серьезный из гостей вернулся.

– Мы чуть не забыли, это тоже подарок от Сергея Федоровича, – сказал человек, и, поставив на пол большую картонную коробку, ушел.

– Что в ней? – только и успела спросить Воробьева, но статный господин даже не повернулся.

Каково было удивление старушки, когда она увидела содержимое коробки – три пачки писчей белой бумаги, а ещё – двести тетрадей в клетку.

Всё же интересно уметь пользоваться такой техникой, как компьютер. Научились же пользоваться телефоном, телевизором, стиральной машиной. Телевизоры сначала шли без пульта управления – черно-белые, с маленьким экраном. Все соседи собирались смотреть любимые передачи, а обладатели такой техники считались людьми небедными. Трудно было себе представить, что через пятьдесят лет телевизоры будут рядовыми атрибутами каждого дома.

Включила Тамара Егоровна свой телевизор и наткнулась на программу, где двое интересных мужчин о чём-то умно говорили. Воробьеву всегда интересовали такие разговоры.

– Главное, на данном этапе сломить прогнивший, заскорузлый русский дух – особый менталитет, не дающий нам начать жить по-новому. Сколько преступлений замалчивается из-за боязни стать просто свидетелями, – говорил гость программы. – Люди боятся общественного порицания за сотрудничество с правоохранительными органами. За этим стоит исконная система ценностей, очень вредная и стойкая, с которой надо бороться всеми мерами. Необходимо отучить наш народ жить неверными понятиями, ведь вся прогрессивная европейская и американская общественность нас не понимает. Пока Россия живет такими ценностями, мы будем плестись в хвосте поезда, который называется «мировое сообщество и интеграция».

– Боже мой, слова-то какие говорят: интеграция, менталитет, сообщество! Какую глупость несут при этом, – говорила сама себе Тамара Егоровна. – Обидно, что на экраны телевизоров выползли такие вот люди.

Стыдно слушать пустые монологи. Воробьева считала, что проблема общества – не зловерный менталитет, а отсутствие вот этого самого менталитета, который был вырезан, словно опухоль, уничтожен вместе с деревней,

её обычаями и традициями, вместе с нравственностью народа. Так с чем мы должны расстаться? С тем, чего давно лишены? И как ни пытайся красноречиво унижать свой народ, славу не заработаешь, потому что слишком много желающих заработать на светлом имени миллионов простых людей, пороча их, унижая, низводя до говорящих имен нарицательных обычных представителей деревни и народа в целом.

Полный упадок сил почувствовала Тамара Егоровна после просмотра передачи. Она отчётливо понимала, что идёт война с тем самым духом, который так ярко запомнился ей с малых лет. Маленькая Тома с братьями Гришей и Яшей ловили рыбу на озере и носили домой – маме, радовали её, а мама Тамары Егоровны Ольга Павловна пекла пироги с рыбой. С этим призывал расстаться умник из телевизора... А может, Тамара Егоровна должна была сломать назойливую память о родных братьях, погибших в страшных муках. Яшка умер в марте 1961 года в Киеве, во время прорыва дамбы. Он был в числе тех, кто ехал в трамвае по улице Телиги. Трамвай смыло грязной волной. Второй, Гришка, нашел свою смерть тоже в Киеве. Произошло это в 1973 году. Брат Тамары Егоровны работал на судостроительном заводе. При установке гребного винта получил сильный удар по голове. Григорий находился в коме три дня. Сестра успела лишь попрощаться (три дня ехала из родной Андреевки), и через час он скончался.

Странные люди, много и не по делу говорящие, такие демагоги из телепередач – рвачи и самоуверенные наглецы – стали назойливо входить в нашу жизнь. Их теперь много, они крутятся вокруг обычных людей. Они всё чаще появлялись в гостях у Ивана Дорофеева. Ещё весной Тамара Егоровна услышала разговор Ивана Петровича с приехавшим на дорогой машине человеком. С ними рядом стоял

Петраускас. Он поначалу держался в отдалении, но вскоре активно включился в беседу.

– ... А на месте клуба мы построим новый магазин для местных пахарей, – насмешливо говорил незнакомец, поглаживая крышу автомобиля.

– Да, водку покупать будут, – хохотал Дорофеев.

– Погодите вы, сначала надо мне помочь убрать сарай, – оживился Петраускас. – Я открою свой магазин, а потом уже ты хоть супермаркет открывай в этом бермудском треугольнике.

– И тебе поможем, конкурент, – уверенно говорил незнакомец.

– Ты же знаешь, со мной трудно конкурировать. Мой магазин будет иметь такую выручку, что твой супермаркет закроется, – смеялся Петраускас.

– Или сгорит, – добавил Дорофеев.

Фельдшер сразу поняла, о каком «сарая» идет речь.

Ходили слухи, что всю андреевскую землю Дорофеев продает этим людям, что деревню вскоре снесут, а на её месте откроют огромное казино. Но среди самых нелепых слухов был ещё один – будто Пустовалов дал интервью районной газете, в котором рассказал о своём аппендиците, вырезанном пожилой женщиной, бывшим фельдшером Тамарой Воробьевой. И разговоры остались бы разговорами, если бы Тамаре Егоровне не показали ту самую газету, где Пустовалов благодарил Воробьеву за операцию, проведенную в сложных, почти полевых условиях. Но даже статья Пустовалова в газете не остановила председателя сельсовета от провокаций.

Ближе к осени Дорофеев снова пришел с предписанием снести амбулаторию. Он вновь говорил про «законную силу», но на этот раз всерьез угрожал. Дело в том, что поменялся глава района. Пустовалов пошел

на повышение – заместителем губернатора, а на его место назначили какого-то молодого, по слухам – дальнего родственника Дорофеева.

Тамара Егоровна ничего не говорила в ответ на угрозы председателя и лишь молча плакала, подавляя в себе обиду. Её воспитание не позволяло отвечать по-хамски. Иван Дорофеев никогда не отличался прилежностью поведения, а чувство такта и уважительное отношение к людям казались ему чем-то пустым и обременительным. Чаше Дорофеев вовсе не задумывался о такой, как ему казалось, ерунде. Но не ко всем, далеко не ко всем Иван Петрович относился заносчиво и неуважительно. Он разделял людей. Простым односельчанам, конечно, приходилось выслушивать его ругательства и крики. Стоило зайти в сельсовет с любым вопросом, как председатель начинал нервно раздувать усы и вести себя высокомерно. Другое дело, когда люди вились вьюном. Они ломали шапки и заискивали перед ним.

За такое отношение к людям Дорофеева в деревне не терпел даже последний пьяница Митя Михеев. Собственно, Митя прослыл под таким именем, будучи Витей. Но поскольку Витя напивался до состояния невменяемости, в такие дни он говорил разный бред. Позабыв своё имя, однажды Михеев назвал себя Митей. Так и прозвали заблудыгу, будто и не было у него имени Витя.

Он любил заходить к Тамаре Егоровне в амбулаторию, потому что там всегда водился спирт. Причем, Мите было не столь важно, какой спирт употреблять, главное – выпивка. Безобидный и общительный, Михеев, как ни странно, умел думать и рассуждать. Казалось, переизбыток алкоголя не мешал ему утверждать и четко мыслить. Правда, мнение мыслителя менялось так же быстро, как и количество спиртного. Нередко Митя начинал выступать за то, что совсем недавно для него казалось неприемлемым. Всегда серьезный, он хорошо знал творчество отдельных писателей.

Это очень нравилось Воробьевой, и она с удовольствием слушала его рассуждения. В такие минуты ей было не жалко ни спирта, ни потраченного личного времени.

– Знаешь, Егоровна, я вчера сказал, что ранний Пастернак пресен и пустоват, – серьезно, с расстановкой, говорил Михеев. – Это неправда.

– Вы всерьез так считаете? – спешила спросить Воробьева. – Почему?

– Налей мне – скажу.

Фельдшер хорошо знала Митю, его детские хитрости, и поэтому не обижалась, а спешила выполнить просьбу.

Михеев долгие годы работал библиотекарем в местной школе (пока учебное заведение не закрыли) и хорошо знал классику литературы. Над рассуждениями бывшего библиотекаря смеялось всё село. Начнет, бывало, спорить, а люди специально подзадоривали горячего спорщика.

– Вот шут-то гороховый, – говорили ему в глаза, не обращая внимание на обиды бывшего библиотекаря.

– Здорово, Егоровна, – как-то заходя к Воробьевой, проговорил Михеев. – Я тут встретил Ивана нашего.

– Какого Ивана? – удивилась фельдшер, глядя на Митю.

– Ну как? Дорофеича.

– Дорофеева, что ли? – не понимала Тамара Егоровна.

– Да, председателя.

– Не морочьте мне голову! И что?

– Наградить тебя хотят.

– Кого? – растерянно взглянула Воробьева, оставив дела.

– Тебя! За твой тяжелый труд врача.

– Что за ерунда, – начала всерьез волноваться женщина. – Ошарашите вы меня, хоть успокоительное пей.

Поняла Тамара Егоровна, что Михеев зашел к ней неспроста, и поспешила налить ему остатки заканчивающегося спирта. Выпив, Митя поблагодарил Воробьеву и поспешил покинуть амбулаторию.

– Ну а как же моё награждение? – засмеялась Тамара Егоровна, отложив переборку бумаг.

– А-а, – вспомнил Митя. – Обязательно наградят: у тебя сердце доброе – мамино.

– Надо же.

Она привыкла к чудачествам Михеева и старалась подыгрывать ему. Вдоволь насмеявшись, Воробьева вновь принялась за бумаги, как вдруг дверь отворилась и в амбулаторию влетел ошеломлённый Митя.

– Егоровна, – прохрипел Митя, то и дело оборачиваясь назад.

– Что случилось опять? Награждение началось? Меня потеряли? – радостно щебетала Тамара Егоровна.

– Да нет же. Бульдозер там...

– Вы что, бульдозера испугались? – поспешила спросить женщина, думая, что Михеев вновь чудачит. – У меня спирта больше нет, голубчик!

– Какой спирт ещё, ты что?

Митя выбежал вон, распахнув настежь дверь. Вслед за ним поспешила и взволнованная Тамара Егоровна.

Действительно, по деревне двигался огромный рычащий бульдозер с мощной мехлопатой впереди. Куда он держал путь, непонятно. А рядом с ним шла толпа людей. Среди них были жители деревни и незнакомцы. Некоторые что-то кричали бульдозеристу, другие смеялись, а кто-то угрюмо молчал. Когда странное шествие подошло к Тамаре Егоровне, трактор остановился. Воробьева ничего не могла понять. Вдруг из толпы вышел Иван Дорофеев и прямоком направился в амбулаторию. Люди притихли, будто чего-то ждали. Тишину прерывало тарахтение трактора. Через минуту из амбулатории вышел председатель и скомандовал человеку в кабине:

– Давай, Миша!

Но в ответ на команду высунулся молодой парень Мишка Ткаченко и нервно закричал:

- Не буду!
- Что-о! Приказ не выполнять, да ты...
- Не буду, говорю, – перебил Ткаченко и отошел от трактора.

Из толпы выскочила Катерина и закричала что есть сил:

- Какое вы имеете право?
- Вот бумага, – размахивал предписанием Дорофеев. Усы его вновь топорщились, руки тряслись.

Катерина успела выхватить предписание и порвать его, но Дорофеев лишь расхохотался в ответ на действие Вдовиной. К председателю обратилась Тамара Егоровна:

- Что за представление вы устроили, Иван Петрович?
- А к вам, Воробьева, отдельный разговор, – указал на человека в обычной клетчатой рубашке Дорофеев. – Это прокурор нашего района, он интересуется, каким образом человек, не имеющий права осуществлять хирургические вмешательства, вырезал аппендицит бывшему главе района Пустовалову.

Тамара Егоровна взглянула на прокурора и увидела крайнее недоумение на его лице. Он ничего не говорил, а вместо этого лишь переводил взгляд с Тамары Егоровны на Дорофеева, и обратно. Как потом узнали, прокурор приезжал вовсе не разбираться с пенсионеркой Воробьевой, а повидаться с сестрой, которая живет в Андреевке, и случайно увидел сцену посреди села.

На трактор поднялся солидный мужчина в футболке с непонятной надписью «Патриот русской деревни» и крикнул в сторону стоящего неподалеку Мишки Ткаченко:

- Покажи мне, как тут рулить.

Мишка не доверил трактор постороннему человеку и, заведя мотор, поехал было в обратную от амбулатории сторону, но откуда-то выскочили двое здоровенных мужчин.

Они на ходу ловко забрались в кабину бульдозера, который, дернувшись, остановился. Весь этот маскарад продолжался ещё с минуту. Потом двое покинули кабину, и машина с «патриотом» двинулась в сторону амбулатории. Люди что-то вновь кричали, но их голоса среди шума и суматохи были едва различимы. Когда мехлопата бульдозера с грохотом врезалась в стену ветхого здания, Тамара Егоровна бросилась на многотонную махину, но бульдозер, понятно, не остановился. Фельдшер будто спасала родное дитя. Она вырывала это дитя из лап смерти – бегала за бульдозером, бросала в него камни и доски, отлетающие от разрушаемого здания, пытаясь хоть на миг остановить безумие. Но всё было напрасно. Под гусеницами «мирного танка» погибла скромная андреевская амбулатория, стоявшая на самом видном и уважаемом в деревне месте – Соборной горке, где когда-то рядом с ней уживалась церковь, забытая сегодня, варварски уничтоженная в известные времена. Нет, ни фашистами, ни войсками Мамаёва – простыми русскими мужиками, которые строили новую жизнь, где нет места Богу.

Ещё с месяц жители растаскивали брёвна и уцелевшие материалы, оставшиеся от амбулатории. Плакала Тамара Егоровна и никого не винила.

Митя Михеев помог Воробьевой отыскать погребенные под кучей хлама книги и тетради, которыми она очень дорожила. Развалины особенно полюбились местным мальчишкам. На развалинах искали ценные вещи, били колбы, банки.

Зима скрыла страшную неприкрытость смерти своим белым саваном. Весной приехал грузовик, рабочие загрузили оставшийся мусор, называвшийся когда-то амбулаторией. Место, святое для скромной интеллигентной старушки, летом заросло травой в рост человека. Никакого магазина не построили, видимо, что-то у Петраускаса не вышло.

Часто вспоминала Тамара Егоровна солидного мужчину в футболке с надписью «Патриот русской деревни». Узнала она тогда этого человека: именно он был гостем программы на телевидении, который говорил:

– Главное на данном этапе – сломить русский дух, особый менталитет, не дающий нам начать жить по-новому...

4

Не прошло и года с того дня, как погибла андреевская амбулатория. Обычным жарким июльским днём, сходяв за пенсией на почту, Тамара Егоровна решила почитать любимый медицинский справочник. Как обычно, старушка захотела поудобнее расположиться в дорогом для неё кресле-качалке. Оно и до того давно уже скрипело, стонало и шаталось под ней, а в этот раз кресло просто развалилось под Тамарой Егоровной. Расщепившаяся опора, как штык, пронзила её насквозь. Воробьева растерянно взглянула на проступающую сквозь ткань одежды густую тёмно-коричневую кровь. В её голове промелькнула последняя мысль: «Венозная кровь... это плохо, видимо, повреждена печень...».

Умерла Тамара Егоровна с медицинским справочником в руках.

БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

За окном вагона резво пробегали деревеньки и петляли просёлочные дороги. В вагоне пахло китайской лапшой быстрого приготовления и стойким запахом пота, как это часто встречается в плацкартных вагонах. Пассажиры мило беседовали. За двое-трое суток пути многие уже нашли общий язык. Делились проблемами, давали советы, хвастались и перемывали кости соседям, друзьям. Мужчины выпивали, выходили в тамбур покурить, на остановках выскакивали на перрон: покупали водку, коньяк, пиво и семечки. Женщинам же только и оставалось, что делать замечания выпивавшим мужьям. Вагон напоминал коммунальную квартиру. Когда появлялся новый пассажир, к нему долго присматривались, словно боясь впустить в свой, понятный только им мирок. Если новичок переодевался в домашнюю одежду, брал бельё и покупал чай, его негласно принимали в жильцы.

Иван Сергеевич Веденяпин изредка поглядывал на соседей и мало с кем разговаривал. Ему меньше всего хотелось сейчас общаться. Чувство обиды жгло его душу. Не так давно он остался совершенно один, и вот последние надежды обрести родственников рухнули. Единственная дочь так и не смогла простить ошибок отца.

В 2010 году у Ивана Веденяпина умерла жена. Детей у них не было, и смерть супруги заставила понять, что он остался на земле совсем один. Сестра жены жила в Иркутске – за сотни километров от степного города в Восточном Казахстане, который Иван Сергеевич считал родным.

Вставал Иван Сергеевич рано, делать ему было нечего. Дача, которая им с женой всегда служила отдушиной, уже давно стояла разграбленной и заросла травой в пригороде Павлодара. После смерти супруги Иван стал выпивать.

Одиночество скрашивали лишь дружки-собутельники, которые навевались к нему ежедневно.

– Где моя пенсия? – однажды грубо спросил Иван Сергеевич у одного из таких приятелей.

– Ты её за долги в магазин снёс, идиот! – живо ответил тот.

Действительно, из дома пенсионера то и дело пропадали вещи и деньги. Только их хозяин не всегда об этом знал, потому как всё реже и реже его можно было встретить трезвым. Когда пенсионер в очередной раз уснул на лавочке у подъезда, у него из кармана вытащили всю пенсию, которую он задолжал в магазин.

В эту торговую точку ходили все алкаши района и под запись брали на имя ничего не подозревающего Веденьпина выпивку и закуску. Таким образом от пенсии до пенсии он оставался должником. Продавец магазина всегда называла кругленькую сумму, которую он каждый раз вынужден был отдавать.

Изредка заходившие соседи приносили ему поесть. «И как вам, бичам, эта водка в глотку лезет!» – говорили прохожие лежавшему на тротуаре Ивану Сергеевичу. Всё чаще он становился посетителем отделов полиции, где у него отбирали последнее. Ключей от собственной квартиры у него не было, он их то ли потерял, то ли просто отдал. Как-то после долгого запоя Иван Сергеевич вернулся домой, но в собственную квартиру уже не попал. Постояв у двери минут десять, сел на лавочку у подъезда. Что случилось, понять он не мог. В затуманенной голове не появлялось ни мысли: всё, что с ним происходило, напоминало сон. Крайняя степень возмущения овладела его сознанием, он не мог понять, почему не может попасть домой. Это был почти животный гнев. Пенсионер пытался что-то сказать, но у него получались не слова, а малопонятные междометия. Язык не слушался хозяина, и от этого Иван

Сергеевич ещё больше на себя злился. Бессилие угнетало его, ноги были словно из ваты, и чем дольше он сидел на месте, тем больше они становились непослушными. Сколько он так сидел? Кто знает...

– Давно сидишь? – заходя в подъезд, спросил Ивана какой-то мужчина, наверное, сосед. И, не дождавшись ответа, снова спросил: «Давно сидишь, говорю?».

– Давно?.. Как?.. А-а! Давно, – медленно проговорил Веденяпин.

Мужчина зашел в подъезд и больше не выходил. Соседи, прохожие, спешили по своим делам. Одни, проходя мимо, старались не замечать сидящего пенсионера, другие – просто отвернуться.

А ведь у Ивана Сергеевича Веденяпина, как у любого человека, было прошлое. Он всю жизнь проработал учителем словесности в павлодарской средней школе. Прекрасно знал русскую литературу и русский язык. Был предан поэзии и сам неплохо писал стихи, даже печатался в литературном журнале. Книг же своих никогда не печатал, потому что не считал себя поэтом, но любовь в поэзию пронёс через всю жизнь.

Иван много читал, любил творчество Николая Рубцова. Поэт для него оставался неким идеалом духовности. А когда Иван Сергеевич доставал из книжного шкафа книгу, как он говорил, «Коли Рубцова», то читал стихи непременно вслух. Спокойно, по-рубцовски выговаривая каждое слово, Иван настолько уходил в себя, а точнее – в стихи, что начинал мерно раскачиваться, стоя у окна. Словно видел перед собой не казахстанский городок, а Вологодчину. В такие минуты Веденяпин смотрел в одну точку и видел себя стоящим на берегу могучей северной реки, отчетливо различал мусор, прибившийся полой водой к берёзам. Только крыши домов виднеются из воды. Люди спасают хозяйство: вот старик подгоняет палкой телят, а вот

трактор тянет скромные пожитки на старой телеге, сверху вещей сидит бабка и крестится, ругаясь на судьбинушку. Всё печально вдали. Русь...горевая сторона!

А где-то виден лес. Берёзы там ровные-преровные, вода вплотную подступила к ним. Чуть левее видны кресты погоста. Половина села затоплена, а второй повезло больше – чуть выше стоит! Вот ведь: повезло людям, что на взгорке живут! Помогают они друг другу – и то радость! И читал тогда Иван Веденяпин:

Улыбнись! – повторяю я милой,
Чтобы нас половодьем не смыло,
Чтоб не зря с неизбывною силой
Солнце било фонтаном лучей!

Потом остановится, не выдержит, книгу закроет, и скупая мужская слеза скатится по его щеке. Светом наполнится его душа, светлой грустью. Такое состояние бывает у людей, когда они кого-либо сильно любят, но не могут об этом рассказать. Душа наполняется трепетом, добротой, а сердце щемит. В такие минуты он вспоминал своё алтайское детство: деревеньку свою, избёнку на краю села. Зимние вечера, наполненные уютом, когда он прибежал из школы домой...

Торопливо шагает Ванечка, дорога из школы не близкая – вёрст семь, хорошо бы успеть дотемна. Минует пригорок, а там и огни деревни покажутся. Увидит во мгле огонёк, обрадуется, веселее зашагают ноги к родному дому. Только подойдёт к калитке, а за оградой собака хвостом виляет, навстречу бежит, радуется. Дым из трубы идёт – знать мама уже ждёт. Откроет Ваня дверь, а в избе пирогом пахнет. Только тогда поймёт, как зябко ему, когда снимет валенки. А за окном метель поёт. Вот оно, детство-то...

Бывало, забудется Веденяпин, да вслух так и скажет на выдохе: «Мама!». Потом опомнится, встрепет и... станет ему ещё грустнее. Сзади подойдёт жена, молча обнимет и скажет: «Ну что ты, что ты! Успокойся!». Сядут супруги напротив друг друга, поговорят о безвозвратной молодости, вспомнят былые времена: противоречивые, но спокойные, запомнившиеся незабываемым по вкусу мороженым, шумными Первомаями и блаженством домашнего очага. Потом походит по квартире, закроет окна, чтобы не слышать городского шума с улицы, сядет, покурит, подумает и достанет из старого чемодана все свои бумаги да тетради, найдёт чистый лист и станет писать. Долго работает над стихом, а написав, уберёт его в стол. Только через неделю вернётся к написанному, сядет переписывать, доделывать.

Людмила, жена Ивана Сергеевича, понимала, как дорога ему литература, поскольку преподавала русский язык в колледже. Она не могла иметь детей, и поэтому Ивану Сергеевичу, словно своему сыну, и привила литературный вкус.

Семья Веденяпиных считалась интеллигентной. Отличительной чертой супругов стало то, что никто из них не был благоразумным и по сути своей даже недолюбливал тупое благоразумие, которое распространено среди наших людей. Видимо, поэтому ни того, ни другого нельзя было увидеть ни на доске Пчёта, ни на страницах областных и республиканских газет.

Когда все сдавали партбилеты, Иван Сергеевич даже не собирался с ним расставаться, поскольку понимал: теперь это просто модно. Он не любил всё то, что «модно», не уважал конъюнктуру. На ехидный вопрос: «Вы, кажется, один из коллектива в рядах партии?» – тихо ответил: «Пока вы выходите из КПСС с таким рвением, с каким туда вступали, не изменится ничего!». Бывшие ярые активисты

ошеломлённо спрашивали: «Что вы имеете в виду?». Иван невозмутимо отвечал вопросом на вопрос: «А вы что имеете в виду?...».

Новой жизни Веденяпин не признавал. Она ему казалась торгашеской. Руководство школы задевало, что Веденяпин на уроках много говорил о творчестве Николая Рубцова и Юрия Кузнецова, о поломанной судьбе затравленного поэта Павла Васильева, в общем, о том, что не входит в школьную программу и вряд ли войдёт. На этой почве развились слухи, что Веденяпин пренебрегает программой обучения. Начались разбирательства, подкосившие здоровье жены. Через семь лет после ухода Ивана Сергеевича на пенсию (в 2003 году) Людмила умерла от рака.

Так кто же поселился в квартире Ивана Веденяпина? Что же теперь делать и куда идти? Когда человек оказывается в такой ситуации и понимает, что обманут, сначала его недоумение и волнение сменяется на гнев, потом одни смиряются со своей участью, другие начинают искать правду и добиваться справедливости.

Веденяпин же так и не понял, а был ли он обманут? Потому и правду искать не стремился.

– Тебе чего тут надо? – спросил Ивана Сергеевича кто-то в темноте, когда он мало-мальски осознав, что ему больше некуда идти, спустился в тёмный, сырой, пахнувший канализацией подвал.

– М...м...мне, это...холодно, – еле пробормотал Веденяпин и робко присел на что-то мягкое.

– Что ты тут сел? Это Нинкина постель, слышь? – раздался из темноты хриплый, недоброжелательный голос.

Иван Сергеевич, в силу своей природной тактичности, был воспитанным человеком, всегда чувствовавшим неловкость в присутствии чужих людей, особенно сейчас, когда он был подавлен и раздавлен, но и встать с места он тоже не мог. Жутко гудела голова, и ныло всё тело. Вскоре глаза

стали привыкать к темноте, и Веденяпин сумел различить лица троих, сидящих неподалёку. Люди молчали. Видно было, что все они – мужчины. Их лица: опухшие, грязные, изуродованные бесконечной выпивкой, напоминали героев фильмов ужасов.

Обитатели подвала были молоды но, несмотря на свой возраст, оказались настоящими бомжами. Иван Веденяпин, потупившись, сидел и не знал, что говорить и делать. Бомжи тоже не спешили представиться, а лишь угрюмо и тупо молчали. Веденяпин понимал, что здесь он лишний. После продолжительной паузы, показавшейся Ивану вечностью, он решил лишь произнести: «Ребята, я...это... пойду». Сказал, как ему показалось, очень робко, от чего ещё больше смутился и стал подниматься с места. Страх овладевал им всё больше...

Иван долго искал выход из этого помещения: шел по длинному коридору и только после этого оказался на улице. Было темно. Подмораживало. Иван Сергеевич полной грудью вдохнул свежего морозного осеннего воздуха и тут же свободно выдохнул. Впервые он понял, насколько опасны случайные знакомые – угнетающе молчащие, пребывающие в каком-то полуреальном мире. Их отрывистые слова – невнятные, произносимые с хрипом, испугали его. Выйдя из подвала и сделав пару шагов, он вдруг почувствовал тупой удар в спину. Когда упал, на него обрушился шквал пинков: в живот, в голову, опять в живот... Нападавшие отрывисто выкрикивали бранные слова. Потом удары так же неожиданно, как и начались, закончились. Иван был ещё в сознании. Кто-то проверил его карманы...

Веденяпин то терял сознание, то пытался куда-то ползти. По лицу текла кровь, ноги не слушались, тело болело. Сколько времени он так пролежал – не известно. Вскоре он вовсе обессилил и то ли уснул, то ли отключился.

Очнулся Иван Сергеевич от женского голоса. Потом стал слышен ещё один голос, но уже мужской. Люди что-то спрашивали у него, но он не мог открыть глаза – светило яркое солнце и болела голова. Но разговор людей стал более отчётлив.

– Кто это? – спросил незнакомый мужской голос.

– Да бог его знает, мужик какой-то, – ответили ему. – Шевелится! Идите сюда. Кто он?

– Да этот, в седьмом доме живёт, учителем был. Жена-то у него полгода как умерла.

Потом была какая-то неразбериха: люди спорили и ссорились, а Иван опять терял сознание.

– Мужчина...мужчина, у вас документы есть? Вы слышите? – вдруг спросил приятный женский голос. Но Иван ничего не мог ответить, получались лишь звуки, похожие на мычание.

– Это «скорая помощь».

– Н-Н-Н! – получалось в ответ. Опять была возня: кто-то кричал, кто-то смеялся.

– Вот куда его без документов, без всего?! – говорила женщина.

– Давай, поехали... – отзывался кто-то ещё.

– Вы поедете с мужчиной? Поедете?

– А почему я?

– А кто?

– Вон, мужик бежит, знает его, говорит! Полежай! – послышался ещё один низкий голос. Иван Веденяпин почувствовал, что его подняли, потом положили в душное, пахнущее лекарствами помещение. Захлопнулось что-то металлическое, послышался звук двигателя. Иван понял: его повезли в больницу. Он находился в каком-то болезненно-бессознательном сне. Воспоминания пугали своим ужасом, он вздрагивал, когда перед ним в очередной раз возникали физиономии трёх грязных мужиков. Их

опухшие лица и заплывшие глаза наводили ужас на Ивана Сергеевича. Он отчётливо понимал: именно эти люди его избили. Лишь одно ему было непонятно: сколько времени он находится в больнице?

Постепенно Иван стал без труда открывать глаза, и его перевели в травматологическое отделение: из полной тишины он попал в палату, где громко говорили, смеялись и сновали туда-сюда пациенты. Иван Сергеевич почти ни с кем ни о чём не разговаривал. Всё, что с ним произошло в последнее время, оставило в памяти страшные воспоминания. Всю свою жизнь Веденяпин давал людям знания, как ему казалось, свет... И вот благодарностью стали эти побои. Обида душила его, словно подползшая к горлу змея. Время тупого безразличия к самому себе и жизни вокруг прошло. Пришло глубокое осознание своей собственной трагедии. Но кто ему поможет?

Постепенно он начал отличать день от ночи, окончательно пришел в себя и начал передвигаться по палате.

– А где ваш родственник? – однажды спросил Ивана Сергеевича врач, зашедший в палату. Лицо доктора хотя и было самодовольным, но доброжелательным и участливым, поэтому пациенты с охотой доверяли ему свои беды и радости.

– Какой родственник? – с недоумением спросил Веденяпин, – как... родственник?

– Я ваш лечащий врач, Марат Бремжанов. Это я к сведению. Вы идёте на поправку, с чем и поздравляю вас! А на счёт родственника: вас привезли без документов, а потом их привёз какой-то мужчина, сказал, что родственник.

– Мои документы? – всё больше удивлялся Иван Сергеевич, – у меня их отобрали вместе с квартирой.

– Ну, я не знаю, он привёз удостоверение личности Ивана Сергеевича Веденяпина.

– Тогда я вообще ничего не могу понять! – в недоумении произнёс Веденяпин. В ответ врач улыбнулся и выходя из палаты сказал: «Он приходил, интересовался у меня вашим состоянием, с бородой такой мужчина. Готовьтесь, скоро мы выпишем вас».

Честно говоря, такая новость шокировала Ивана. Он не спал несколько ночей, думал, что за родственник. Все надежды на обретение нормального человеческого существования для него рухнули уже давно, а человек с бородой стал загадкой.

Этой ночью Ивану Сергеевичу не спалось. Чувство радости переполняло сердце: его судьба стала вдруг кому-то небезынтересна! А что ещё нужно пожилому человеку? О нём помнят! Но и чувство неопределённости и страха тоже овладевало.

«Кто же этот человек с бородой?» – взволнованно думал Веденяпин. Мягкий свет ночных уличных фонарей способствовал этим размышлениям. Хорошо было видно, как падает снег и что в середине ноября он уже не растает до весны. Деревья одевались в кружева, наступала зима. Такая погода успокаивает человека. Над крышей больницы гаража вдруг промелькнул пантограф трамвая. Токоприёмник скользнул по контактному проводу, оставляя после себя искры. Это за больничной территорией проходит трамвайный путь. Ночной трамвай...в этом есть что-то блоковское...не правда ли?

«Ну, допустим, меня ищут, ждут... Ради чего они это делают? Может, чтобы отобрать последнее: подсунут на подпись бумагу – и дело с концом, всё подарю им. Ведь для чего-то привезли они моё удостоверение. В доверие втираются, судя по всему». Даже эта сказочная ночь за окном палаты: эти фонари, отражающие падающий снег, этот одинокий трамвай не вдохновляли его, наоборот, желтое ночное

небо своим блаженным спокойствием отталкивало и всё более тревожило.

«Так, больные! На укольчики проходим!» – слышался сквозь дрему голос медсестры, поднимающей стационар на утренние процедуры. Ивану не хотелось вставать, поскольку сильно хотелось спать. Бессонная ночь сделала его нервным, он чувствовал себя больным и усталым. После процедур Иван крепко уснул.

«Больной! Больно-о-ой!» – слышалось сквозь сон. Иван Сергеевич встрепнулся и поднял голову с подушки. Перед ним стоял доктор Бремжанов.

- Ну, будем выписываться? – с участием спросил доктор.
- Даже и не знаю, что вам сказать...
- А почему? Радоваться надо, ваш родственник пришел! Ждёт уже!

Сердце Ивана Сергеевича стало биться раза в два быстрее прежнего. «Как, неужели?» – думал он.

– Вам плохо? – спросил Бремжанов у побледневшего Ивана.

– Нет. Я просто уже и не жду, что обо мне вспомнят. Да и кому вспоминать...

– В общем так. Я распоряжусь, вам помогут, родственник принёс тёплые вещи, – проговорил доктор и вышел из палаты.

«Родственник...родственник...» – крутилось в голове, пока медсестра помогала надеть рубашку. Сердце уже готово было выскочить из груди, как вдруг в дверях возник человек. Лицо его было угрюмым, а маленькие глазки, близко посаженные к переносице, казались очень умными. Овальное и худощавое лицо с седой бородой придавали ему действительно интеллигентный и изящный вид. При виде такого человека можно было сказать, что по профессии он геолог или археолог. Такого вида людей встретишь сегодня нечасто, они как-то не вписываются в образ

современного человека. Хотя, быть может, это и есть вид нормального человека, не испорченного временем.

«Толя?! Осколков!» – пронеслось в голове Веденяпина.

– Толя! Ты? – почти одновременно с мыслью воскликнул Иван Сергеевич.

– Да, Вань, я! – смутившись, отвечал человек, беря Ивана под руку.

– Толька!

Анатолий Алексеевич Осколков – тот человек, которого Иван Веденяпин считал не более чем приятелем. Они когда-то вместе работали в школе, потом Осколков ушел, и их взаимоотношения как-то прервались, хотя Анатолий жил через два дома. Видимо, потому, что Осколков никогда не поддерживал Ивана в его стремлении выпить (особенно после смерти жены), они редко встречались. Да и проходили эти встречи при весьма странных обстоятельствах: Иван Сергеевич пил с «верными» друзьями около подъезда, где живёт Осколков, а Анатолий Алексеевич гулял в это время с внуком на детской площадке.

Так бывает: считает один человек другого приятелем, иногда встречается, разговаривает, но не более. Открываться – не открывается. В общем, ведёт себя ни как с другом. Зато может без труда найти его среди тех, кто ну никак не подходит для этой роли. Когда человек начинает понимать цену такой дружбы, бывает поздно. Так сколько же надо времени, чтобы человек открыл глаза на жизнь?! Иногда для этого нужна целая вечность! А как мы любим осуждать других, не разобравшись в собственной жизни!

– Это я, Ваня, запер дверь. Пришел к тебе, твои соседи сказали, что ты серьёзно запил. Ты в курсе, что у тебя стали пропадать вещи? Мне об этом рассказали добрые люди, – спокойно говорил Осколков, уже сидя за столом в квартире Ивана.

– Спасибо, Толя! – грустно отвечал Веденяпин. В этот момент он был похож на провинившегося школьника, получившего двойку.

Когда-то Иван Веденяпин учил детей. Он был вправе поставить «неуд», указать на ошибки и даже осудить поступок, а теперь сам стал «двоечником».

– Мой тебе совет, Иван, тебе надо ехать к родне, – серьёзно и твёрдо говорил Осколков.

– Всё так... всё так... только нет у меня никого. Вроде и дома родного нет.

– У тебя сестра жены в Иркутске живёт.

– Кому я нужен?

– Нужен! К родне, понимаешь, надо ехать, к Валентине!

Иван Сергеевич не верил, что Валентина будет ему помогать, ведь у неё своя семья, да и не мог он стеснять кого-либо. А продав квартиру в Павлодаре, вряд ли бы смог купить сносное жильё в Иркутске.

Приятели долго сидели за разговором. Тёплый и душевный, он как нельзя лучше их сблизил. Иван Сергеевич начал всерьёз понимать, в какую яму мог угодить, как низко опуститься в моральном, бытовом и духовном смысле. Именно Анатолий смог объяснить Веденяпину, что если он не остановится, то жизни будет конец. «Кроме себя самого, тебе больше никто не сможет помочь, имей это в виду!» – твёрдо говорил Анатолий Алексеевич.

Существуют такие люди, которые понимают слова настоящих друзей и родных. Иван относился к таковым. Пусть он был малоразборчив в выборе друзей, но с одним ему всё-таки повезло. Когда неделями находился в запоях, именно Анатолий приходил к нему, чтобы убедиться, что он ещё жив. Сам Иван этого не помнил, поскольку постоянно находился в пьяном бреду. Двери в квартиру были открыты настежь. А Анатолий каждый раз обнаруживал пропажу тех или иных предметов. За три-четыре недели

исчезла вся посуда, потом украли кухонный гарнитур, диван и стенку. Тогда Осколков перенёс к себе домой на хранение чемодан с хранившимися там рукописями Веденяпина. Туда же положил несколько уцелевших книг, в том числе томик Николая Рубцова «Скелет звезды».

Как-то Анатолий Осколков снова заглянул в квартиру Ивана. Хозяина не обнаружил, зато нашел целую шайку местных алкоголиков, спокойно живущих в квартире Ивана Сергеевича. Только с помощью зятя, с криками и ругательствами, «гости» были из неё выдворены. Осколков долго искал документы Веденяпина, а когда нашел, принёс домой и положил в чемодан. Для Ивана рукописи были сокровищем, он бережно хранил их в своём старом чемодане, с которым впервые приехал когда-то в Казахстан. Правда, выпивка помешала правильно сохранить эти ценности, не говоря о том, чтобы писать стихи: Всё остановилось в жизни Веденяпина со смертью жены.

На следующий день Анатолий вновь отправился на квартиру Веденяпина, но и в этот раз не встретил там хозяина. Тогда-то он и решил поменять замок входной двери и запереть её. Нужно было выбирать: либо спасти жильё, либо, жалея нерадивого хозяина, оставить дверь открытой. Осколков выбрал первое. Вот почему пришедший домой Веденяпин не смог попасть в собственный дом.

Соседи видели, что к Ивану Сергеевичу частенько заходит бородатый мужчина из соседнего дома, и когда нашли избитого Ивана, кто-то позвал Анатолия Алексеевича.

– Ты помнишь, где мои бумаги? – внезапно спросил Веденяпин.

– Вспомнил, – с укором в голосе произнёс Анатолий Алексеевич, – у меня они!

– Спасибо тебе, Толя! Я всё растерял бы, если бы не ты.

После долгого молчания Иван всё-таки решил задать неловкий вопрос:

– Толя, ты что, помыл пол, пока меня не было? – спросил суетливо и с явной неловкостью.

– Да. Куда бы ты пришел после больницы? В загаженную халупу?

– Прости меня! – ответил Иван, чувствуя свою вину.

– Ладно, только имей в виду, если не перестанешь пить, сдам на лечение. Пойдешь в другую больницу! – уже с улыбкой проговорил Осколков.

– Да какая выпивка, после всего этого!

– Вот-вот! И давай, поезжай к сестре жены.

Честно говоря, Ивану не хотелось даже писать в Иркутск, ведь письма теперь идут годами, а номер телефона он не сохранил. Они с женой редко ездили в Иркутск, а сама Валентина была у них всего раз или два.

Очень тяжело жилось теперь Ивану Сергеевичу одному, когда он перестал пить. К нему каждый день заходил Анатолий – это была его единственная радость. Иван старался никому дверь не открывать. Даже выходить на улицу не хотел. Получая пенсию, он потихоньку рассчитывался с долгами. Вскоре ему подключили газ, возобновили подачу электроэнергии, теперь он не покупал свечей и не питался тем, что ему приносил Осколков, готовил себе сам.

Как-то Веденяпин зашел в магазин, расположенный в соседнем доме. Продавщица знала, что Иван больше не пьет.

– Почему только полторы даёте?! – вдруг начала она возмущаться.

– А сколько надо?

– А долг – пятнадцать тысяч?!

– Сколько?! – буквально ошалев, спросил Веденяпин.

– Как сколько? Каждый день заходят ваши друзья и просят, чтобы мы записали водку в долг на ваше имя! Спрашиваете ещё!..

– Сама, небось, живёшь за мой счёт?! Так?! Живёшь ведь? – забыв о внутренней сдержанности, закричал Иван Сергеевич.

– Да ты обнаглел, старый чёрт?! – бесцеремонно закричала хамоватая торговка и продолжила отборной матерщиной. Такой Иван Сергеевич не слышал даже когда служил в рядах Советской Армии, на «лопате». Поняв, что нецензурная брань и ругань для некогда знакомой ему продавщицы дело привычное, Веденяпин лишь произнёс: «Извините!». И эта фраза «извините» после конфликта двух людей заставила опешить и продавца, и самого Ивана. Но поняв свою неловкость и пытаясь скрыть, она ещё сильнее закричала: «Извините, ему!.. Я т-те как извиню щас, старый дурак!...».

Испытывая чувство неловкости от несвойственного ему выпада, Иван Сергеевич просто вышел из магазина, но требуемые деньги, кроме полутора тысяч, не отдал. Раньше он мог платить за кого угодно, теперь же Веденяпин своё поведение резко изменил. Но присущие его натуре интеллигентность и чувство совестливости не давали ему покоя. «Может быть, она вполне честный человек? А если ей тоже обидно?!». «Что на меня нашло? Озверел совсем!» – то и дело думал Веденяпин. Чувство стыда и неловкости не давало ему больше заходить в этот магазин.

Иван всё чаще стал задумываться о судьбе любимого поэта Николая Рубцова. Времени теперь было много, и он даже «примерял» на себя его судьбу. Он много думал и живо представлял жизнь великого поэта, его метания, неустроенность и даже отшельничество. А сравнивать было с чем. Он ушел в себя, стал много рассуждать, что-то переосмысливать, а на что-то не обращать внимания. Тут-то и пригодился старый чемодан, в котором хранились его рукописи, дорогие ему письма, газеты и книги.

Вот она – дорогая ему память!.. Иван вновь увидел письма, никогда не показываемые жене. Он не мог их ей показать, потому что очень любил её. Письма были тайной, самой большой в его жизни тайной...

В далёком тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, когда Ваня Веденяпин только поступил в Новосибирский педагогический институт и ему пришлось уехать из родной деревни на Алтае, он познакомился с юной девушкой Полиной. Черноокая, большеглазая, она училась на его курсе.

– Здравствуй, как тебя зовут? – спросила вошедшая в учебную комнату мужского общежития хрупкая девушка.

– Иван, – бодро ответил Ваня.

Высокий и статный, с выразительным, по-мужски красивым лицом с правильными чертами, он смахивал на Юрия Гагарина. Ивана очень любили девушки, но сам Веденяпин себя красавцем не считал.

– Ты знаешь, Ваня, мне нужна твоя помощь. Кстати, меня зовут Полина. Ты не мог бы выступить на комсомольском собрании, – тонким голосом проговорила Полина, при этом часто запинаясь.

Ване сразу понравилась её скромность. Девушка заметно отличалась от представительниц комсомольского актива: бойких и пронырливых карьеристок.

– А какова тема моего выступления или доклада?

– Роль молодёжи в свете последнего доклада товарища Хрущёва на пленуме ЦК КПСС, – посмотрев в папку, которую принесла с собой, уже громче и увереннее произнесла Полина.

– Хорошо, – ответил Иван, не задумываясь ни на секунду.

– Тогда, пожалуйста, постарайся подготовиться и подучить вот этот текст, – весело говорила девушка, подавая листы.

– А когда будет комсомольское собрание?

– Я ещё зайду и скажу. Номер твоей комнаты я знаю.

– Ну а почему именно я?

– Ты же комсомолец! Мне посоветовал наш комсорг.

Когда Полина ушла, Иван впал в раздумья: «Почему именно я? И зачем я согласился, ведь мне всегда не нравились эти шумные мероприятия с пустыми выступлениями?».

В свои девятнадцать лет Иван отчётливо понимал суть этих мероприятий, все они проводятся «для галочки». А если и вступил когда-то в комсомол, то только для того, чтобы не осложнять свою дальнейшую жизнь.

Больше всего Ивана раздражало то, что он никак не мог понять, почему он не только согласился участвовать в собрании, но и выступить на нём. Скорее всего, не мог уступить перед натиском этой хрупкой девушки.

В день мероприятия на главном корпусе пединститута были вывешены лозунги и шары. Ивана мучило беспокойство, оно лежало тяжелым камнем на сердце, а у студентов был праздник. Кто-то сразу после занятий отправился в пивную, кто-то готовился к торжественному открытию слёта. За полтора часа до открытия к Ивану подошла Полина.

– Волнуешься? – мягким голоском спросила она у Ивана.

– Нет, – с плохо скрываемым волнением проговорил молодой человек.

Полина зацепила Ивана силой своего характера и тем самым заинтриговала. Она начала всерьёз ему нравиться.

– Вань, ты не волнуйся!

– Хорошо, Полина, спасибо за поддержку!

Эти слова произвели на Веденяпина успокаивающее действие. Однако первые минуты его выступления прошли как в тумане. Иван плохо разбирал напечатанный текст и от этого ещё больше смущался. Ему казалось, что он молот какую-то бессвязную чушь и поэтому краснел, а юноши и девушки откровенно смеются над выступающим, что собрание он сорвал и секретарь комсомольской организации уже всерьёз спрашивает у ректора, кто такой

товарищ Веденяпин и нельзя ли его исключить из института и ВЛКСМ...

Но с каждой минутой ощущение провала становилось меньше. Ивана уже не смущало, что он в центре внимания огромной аудитории. Буквы уже не расплывались, в голосе появилась уверенность. Он постепенно входил во вкус, и голосом оратора провозглашал: «Овладение всем богатством научного коммунизма будет тем успешнее, чем больше оно опирается на использование активных форм и методов учёбы среди молодёжи...».

Внезапно яркий свет, направленный ему в лицо, ослепил, и Иван потерял то место на листе, где читал. Текст наизусть не знал, а останавливаться было нельзя. Иван смутился, почувствовал возникающую красноту на лице, самоуверенное поведение и вальяжность быстро прошли. «Я – беспартийный, неизвестно почему вдруг продолжил Иван, – но в нашу ленинскую партию верю...». Осознав, что сказал какую-то глупость, смущённо добавил: «Спасибо, товарищи!». Зал гомерически захохотал и захлопал.

А Веденяпин, не ощущая ног, бежал в общежитие. Скомкав листы своего выступления, он наспех затолкал их в портфель. Чувство, которое овладело им, напоминало трусливый побег от толпы, где бьют твоего друга. Иван понимал, что изменить в своей судьбе и карьере он уже ничего не сможет.

Три дня он не ходил на занятия, да и выходить из комнаты не желал. Но вскоре в комнату постучались, и в дверях появилась Полина. Она, как и раньше, вошла нерешительно. Её большие тёмные глаза были испуганными.

– Ваня, ты не должен так убиваться. Хотя...тебя вызывают на собрание, но все ребята на твоей стороне. Я не понимаю, зачем вообще это собрание нужно...

– Уйди! – грубо ответил Иван, отрывая голову от подушки.

– Я уйду, но...

– Не просился я на этот слёт! Ты сама попросила, сама!

Полине ничего не оставалось, как извиниться перед Веденяпиным и выйти.

С того момента, как Полина покинула комнату, Иван не находил себе места. Ему было стыдно, что оскорбил девушку, а понимание того, что этот человек ему ещё и небезразличен, добавляло боли.

Вскоре Веденяпина вызвали в комитет ЛКСМ. Среди массы обсуждаемых вопросов члены совета назвали дополнительный пункт: «Выступление комсомольца Веденяпина на комсомольском собрании, посвящённом выступлению товарища Хрущева Н. С. на пленуме ЦК КПСС». Сидящий в зале Иван понимал: ему несдобровать. Полина, сидящая неподалёку, всё время пыталась что-то ему сказать. Это раздражало окружающих, и они делали замечания. Тогда один из комсомольских вожаков, не выдержав, сказал: «Симонова, успокойтесь!». Полина замолчала и вышла из зала. Но вскоре снова вошла, и началось обсуждение последнего вопроса.

– Где комсомолец Водоняпин? Простите, Ве-де-няпин, – поправился самый хмурый из членов комитета.

Иван испуганно встал и ответил:

– Это я.

– М-м-да... Сколько вам лет?

– Девятнадцать.

– То есть в свои девятнадцать лет вы кандидат в члены партии?

– Нет.

– Тогда зачем вы громогласно заявили, что вы беспартийный?

Иван начал объяснять что-то про свет, помешавший его докладу, но комсомольский актив не слушал его. Один то и дело зевал, другой что-то шептал на ухо третьему и они громко смеялись, а хмурый что-то рисовал у себя

в блокноте. Когда же Иван Веденяпин закончил оправдываться, хмурый заулыбался и спросил:

– Да ладно тебе, свет! Как маленький! Чё, в партию захотел, ага?

– Нет. Да я же вам говорю...

– Не хочешь?..

Этот малограмотный парень совсем запутал парня. Ваня столько времени пытался всё объяснить, а безучастный товарищ вот уже второй раз задаёт какой-то бредовый и ехидный вопрос. Неловкую ситуацию неожиданно прервал громкий смех членов комитета комсомола – они продолжали что-то увлечённо друг другу рассказывать... И только хмурый продолжал тупо смотреть в лист своего изрисованного блокнота. Наступила пауза.

– Он не виноват! – вдруг закричала сидящая в зале Полина.

– Си-мо-но-ва! – стукнул по столу кулаком «хмурый» и перевёл взгляд на Ивана:

– Понимаешь, то есть понимаете, ну я имею, так сказать, в виду, этот...Веденяпин, то есть вы вот этим своим балаганом превратили саму суть слёта в ералаш. А тема-то серьёзная. Пленум ведь, понимаете? Ты как учишься?

– Троечник по прошлому семестру.

– Вот! Вот и всё понятно!

– Кто тебя назначил лектором или докладчиком?

– Меня попросили выступить.

– Кто?

– Полина Симонова.

– Симонова, кто должен был назначать выступающего?

– Мы не могли найти, кто бы выступил. А вообще, вы.

Понимая, что «телега» поворачивается в его сторону, «хмурый» сказал:

– Ладно, подведём итоги. Предлагаю собранию, то есть комитету, значит, ограничиться устным предупреждением. Кто «за»?

Зал единогласно поднял руки.

Через минуту Иван Веденяпин выходил на улицу. Майский вечер пьянил запахом цветущей сирени. Прохлада, наступившая после жаркого дня, ещё больше опьяняла большой город. Молодёжь гуляла по пыльным улицам, а где-то далеко то и дело звенел трамвай. Это было совершенно необыкновенное время, люди почувствовали свободу, они жадно вдыхали её, как человек, долго сидевший под водой и только вынырнувший. Шла эпоха «оттепели».

Ивана окликнул женский голос. Это была Полина. Она подошла и сказала:

- Ваня, я думаю, что ты меня простил.
- Да, конечно, что ты?

Видно было, что Полина что-то хочет сказать, но не решается. Иван это заметил и, осмелившись, произнёс:

- Слушай, а что если нам пойти в кино?

– Здорово! – сразу же согласилась девушка. Они шли, разговаривали и смеялись. Беззаботнее их не было никого на белом свете. После просмотра кинофильма молодая пара гуляла по городу и ела эскимо. Дружеские взаимоотношения переросли в первую любовь...

Через четыре года была защита дипломов. Иван все эти годы учился не очень хорошо, поскольку каждое произнесённое лектором слово вызывало у него сомнение. Молодой человек хотел понять, дойти до сути, а ему затыкали рот. Каждый вопрос Веденяпина заставлял нервничать всех без исключения преподавателей, а их у юноши была масса. На четвёртом курсе на лекции по основам марксизма-ленинизма он спросил у лектора: «Вы сами-то понимаете, что сейчас сказали?». А через день его вызвали в деканат, где пучеглазый декан Мережко, почесав лысину,

сказал: «Мой тебе совет, пересмотри своё поведение, пока не нажил себе врагов!». Да и сам он мог стать для Ивана врагом в одночасье. Анатолий Александрович Мережко любил третировать беззащитных студентов. Так, например, за чтение на парах томика Есенина студентка Щеголихина поплатилась своим дипломом, за попытку углубленного изучения трудов Маркса то же самое случилось с двумя другими молодыми людьми. Но, несмотря ни на что, Иван Веденяпин окончил институт. После окончания учёбы в шестьдесят втором году ушел в армию. А в тысяча девятьсот шестьдесят пятом, вернувшись со службы, получил направление на работу в казахстанский Павлодар. Это означало, что в родное село Зазимки Алтайского края он больше не вернётся. И самое главное, не увидит Полину!

Девушке после окончания института повезло больше: по распределению она попала в родной Тобольск. Наступала пора расставания. Молодым казалось, что их любовь вечна, ничто не может разлучить их на земле.

У вагона Иван говорил Полине: «Я приеду за тобой после армии, слышишь, любимая!». Он гладил прямые чёрные волосы и плакал. Лил тёплый июньский дождь, влюблённая пара промокла до нитки, но им было всё равно. Иван целовал чёрные глаза. Неужели он их больше не увидит?! Природа сострадала их боли, их тоске и горю, но и давала надежду. Надежда – это выглянувшее солнце, озарившее огромный сибирский город...

Вот поезд тронулся. Последний взгляд. Последний жест. Последний вагон, в последний раз мелькнувший окнами. Поезд изогнулся длинной змейкой по стрелочным съездам и исчез вдали.

После армии Иван Веденяпин уехал в степной Павлодар. Устроился в школу рабочей молодёжи. Ему дали комнату в общежитии. Письма от любимой приходили регулярно и в Тобольск уходили часто. Иван писал настоящие поэмы, вкладывая в каждое слово всю душу. Он страдал, ведь каждый день его жизни был наполнен только Полиной. В своих письмах девушка была как прежде ласкова, мила и любезна. Она писала, что ей дали седьмые классы, где она преподаёт историю, что ей очень тяжело без Ивана, просила любимого скорее приехать, что не выдержит долгой разлуки. От этих просьб Иван не находил себе места, ведь ему приходилось делать выбор между дорогим человеком и работой.

В октябре тысяча девятьсот шестьдесят пятого года Иван решил съездить в Тобольск. К этому времени в их отношениях появился холодок, словно пришла осень – время, когда остывает земля, а сердце открывается для боли. Долгая разлука сделала своё дело: Полина уже почти не отвечала на письма Вани, не писала, что любит его. А молодой человек, старался быть по-прежнему нежным с ней и ради приличия изредка напоминал девушке о том, что любит её, прекрасно понимая, что врёт самому себе. Иван отправился в Тобольск, чтобы понять, нужны ли ему эти отношения. Он написал ей письмо, в котором сообщил, что едет. Перед отъездом дал телеграмму и, не дождавшись ответа, поехал. Ни трепета, ни боли он не испытывал, он просто ехал к Полине. Когда же приехал, с первого слова и взгляда понял, что между ними всё кончено. Она его встретила, была добра, но в её глазах Иван не видел света счастья. Странно, но никто из них уже ничего не мог поделать с нахлынувшим безразличием.

Через три дня Иван вернулся в Павлодар. Ни ностальгия, ни память не мучили его. Жизнь текла своим прежним ритмом. Письма он больше не писал. Вскоре Ивану встретилась другая девушка, звали её Людмила. Она работала преподавателем в техникуме и была значительно ближе по духу. Иван оценил их взаимоотношения, признав, что отношения с Людмилой – это чувства двух взрослых людей.

В декабре шестьдесят пятого года, через два месяца после встречи с Полиной, Иван получил письмо, в котором бывшая возлюбленная писала, что у неё будет от него ребёнок. Парень был шокирован и не знал, как себя вести, что предпринять, ведь появление детей не входило в жизненные планы Веденяпина. Струсив, Ваня не стал отвечать на письмо, ведь у него была Людмила, а значит, была совсем иная жизнь, в которой Полине с ребёнком явно не было места.

Полина продолжала писать. Просила помочь, хотя до этого никогда об этом даже не упоминала. Видимо, положение было действительно трудным. Иван же трусил, он не хотел и не мог потерять Людмилу, потому не отвечал и не помогал. Конечно, переживал, но даже не осмелился спросить, кто родился. Потом Полина написала, что родила дочь и добавила, что им не нужен такой папаша, а его помощь – это просто подачка. После такой тирады Ивану не стало легче, он страдал от собственной трусости и подлости, но недолго, ведь Иван и Людмила сыграли свадьбу. Полина и дочь ушли на второй план и в его жизнь никак не вписывались.

Иван Веденяпин знал, где живёт его дочь. После двадцати одного года безвестия, в середине восьмидесятых, она сама дала о себе знать. Её звали Татьяной, она была уже замужем и жила отдельно от матери, в Подмосковье. Полина всю жизнь прожила в Тобольске. Работала сначала преподавателем, потом библиотекарем. Об этом

рассказала в своём письме Татьяна, отправив его наудачу по сохранившемуся адресу. Оказалось, это было не первое письмо дочери к отцу, но потеряв даже всякую надежду на связь, она всё равно периодически писала. И хорошо, что письмо от дочери Иван получил лично. Он не хотел, чтобы о Татьяне узнала Людмила, и потому тщательно прятал конверты. Они лежали в его личных вещах, к которым Людмиле доступа не было. Все последующие письма Иван Сергеевич получал уже в отделении почты. Дочь писала, что счастлива и счастлива мама. Читая между строк, Иван сразу же понял, что Татьяна пишет такие письма намеренно, чтобы причинить отцу боль. Её озлобленность была вполне ясна.

Тайком от Людмилы Иван отвечал на письма, в которых извинялся за поступки молодости. Он рыдал по ночам и проклинал себя за малодушие. Родственные чувства заставляли его поехать к дочери и рассказать обо всём Людмиле, а другие этого не позволяли, потому как знали реакцию жены. Страшно было не от того, что тайна станет очевидна, а за то, что столько лет Иван молчал, а этого не могла бы понять ни одна женщина. Вскоре переписка с дочерью прервалась: начались передраги на работе, в быту и, конечно, в обществе. Постепенно след дочери пропал, но Иван Сергеевич надеялся, что когда-нибудь расскажет всё жене и увидит родную дочь. Всё оборвалось, когда Людмилы не стало.

Иван Сергеевич сидел за кухонным столом и плакал. Он перебирал дорогие ему письма, которые хранились вместе со стихами и немногочисленными публикациями в чемодане.

«Что я хорошего сделал в жизни?» – спрашивал себя Иван Сергеевич. Предательство по отношению к родной дочери казалось теперь ему слишком явным. Но сколько бы человек не пытался убежать от самого себя, бег получался

по замкнутому кругу. «Доченька, родная моя!» – полушепотом говорил он.

А ещё Веденяпин вспоминал своё детство, родной очаг в глухом алтайском селе и, конечно же, маму. От нахлынувших воспоминаний Иван зарыдал ещё сильнее, и на сердце постепенно легчало. Это была светлая грусть, напоминавшая тёплый летний ливень после зноя.

Под письмами от дочери и мамы Иван Сергеевич увидел на дне чемодана книгу, лежавшую на старых пожелтевших от времени газетах. Это был томик рассказов Василия Шукшина. Шукшин был олицетворением целого народа: кроткого, простого и добродушного. Читая его рассказы, как и стихи Рубцова, Иван очень остро ощущал необъяснимую духовную связь с родным алтайским селом Зазимки. К тому же Василий Макарович был, можно сказать, земляком Ивана: деревня Сростки находится в ста пятидесяти километрах от села Зазимки, в соседнем районе.

С годами эта связь становилась всё крепче. Иван особенно это ощутил, когда остался один. Теперь на всём белом свете у него была единственная родная душа – дочь, которую он никогда не видел. И от того желание увидеть её становилось равносильно физической боли.

– Я нашел её адрес, Толя, – сказал Веденяпин Осколкову, зашедшему как-то в гости.

– Чудес не бывает, Ваня. Она по этому адресу наверняка уже давно не живёт. Не занимайся ненужными поисками. Когда она последний раз написала тебе письмо с адресом?

– Где-то в июле восемьдесят шестого года.

Анатолий ничего не сказал, а лишь улыбнулся в ответ.

Конечно, Ивану Веденяпину не хотелось рассказывать о своей тайне Осколкову, но и не говорить он тоже не мог. И надо сказать, друг не был ошеломлён новостью. Он внимательно выслушал, но посоветовал никуда не ехать:

– Это твоё дело, но дочь тебя может не принять, и по праву, заметь! Нужно съездить, посмотреть и понять: нужен ли ты ей!

«Действительно, – думал Иван Сергеевич, – надо всё узнать, скоропалительность здесь не нужна».

Иван Сергеевич стал не только выходить в магазин, но и прогуливаться по городу. Как же менялся на глазах его город! К сожалению, изменения происходили, по мнению Ивана, не в лучшую сторону. Город уже давно не строился, как когда-то, целыми районами. И куда делась старая трамвайная линия, по которой он ездил каждое утро на работу? Город становился чужим, поскольку в толпе Иван всё реже встречал знакомых ему людей, а некогда добрые улыбки превратились в ехидно ухмыляющиеся, полубандитские, порой чванливые физиономии живущих (якобы) в достатке людей. Особенно в глаза бросалось то, что порочное выставлялось как несомненное достоинство, а стремление к показухе и мнимому богатству – как показатель успеха.

Вернувшись после очередной такой прогулки по майскому Павлодару, Иван Сергеевич положил в холодильник продукты и собирался уже готовить себе обед, как вдруг услышал звонок в дверь. Ему показалось, что пришел Осколков. Иван отворил дверь и увидел незнакомую женщину, которая подала ему какой-то конверт. Веденяпин заволновался, писать ему некому, может, это письмо от дочери! Вскрыл конверт, там действительно лежало письмо. Размашистый почерк был незнакомым. Надев очки, понял, что это вовсе не дочь, письмо писала родственница жены, которую Иван почти не помнил, потому что видел давно. Родственница писала, что сестра Людмилы – Валентина умерла этой зимой после операции на сердце. Иван понял: его ставят в известность, но не мог понять, почему родственники не сделали это по телефону.

– Почему у тебя дверь настежь? – Веденяпин вздрогнул, услышав громкий и неожиданный вопрос. В дверях стоял Осколков.

– Да так... Валентина умерла.

Осколков прошел в зал и, присев в кресло, сказал:

– Ладно, у тебя есть ещё дочь.

– О которой мне ничего не известно.

– Узнаешь. Надо ехать!

В этот момент в дверь неуверенно постучали. Анатолий открыл дверь.

– Ваню дай! – хамовато говорил чумазый алкаш, видимо, минут десять назад пробудившийся.

– Что надо?! – с напором спросил Анатолий.

– Ты чё, Ваня, а?!

– А ты не помнишь, как тебя отсюда выпроваживали, а?!

– Меня? Кто? Ты знаешь, кто перед тобой стоит?

– Знаю. Передо мной стоит деградированный алкоголик, пропивший всё, даже совесть.

– Ты!! Да я...

– Иди, иди отсюда! – вступил в перепалку Иван, который терпеть не мог нахалов. Без лишних, ненужных разговоров Иван и Анатолий вытолкнули пьяницу на лестничную клетку и захлопнули дверь.

Всю неделю Иван Сергеевич не находил себе места: вставал утром и первым делом открывал чемодан, чтобы ещё раз прочесть дорогие его сердцу письма. Так он делал по несколько раз в день. Иному человеку могло бы показаться, что Иван учит их наизусть. А он не столько читал эти письма, сколько всматривался в родной почерк.

Получив пенсию, Иван Сергеевич решил ехать в подмосковный Воскресенск, именно оттуда пришло письмо от дочери в восемьдесят шестом году. Утром девятнадцатого мая сел в автобус до Омска. Анатолий провожал своего друга и очень возмущался, что Иван взял с собой

один лишь чемодан, в котором не было места для личных вещей. После девятнадцатичасового переезда, таможенных процедур, Иван Сергеевич прибыл в Омск. Ожидая на вокзале поезд, Веденяпин разговорился с приятной старушкой:

– Живу вот, а внука схоронили, – рассказывала женщина.
– Да что вы! Что с ним произошло?
– Допился, родимый! Уж как ему говорили, как советовали, не прислушался, всё у Тоньки вытаскал, теперь вот и сам допляслся!

– А Тонька – это его жена, да?

– Ага!

После четырёхчасового разговора и ожидания Иван сел в свой поезд. Две ночи до Москвы он спал очень плохо: соседи по плацкарту – вахтовики, строившие трубопровод на Востоке Сибири, ехавшие в Екатеринбург, – пили сутки напролёт.

– Э, мужик! – обратился к Ивану краснорожий вахтовик, – Ваня, да? Не помню.

– Да, меня зовут Иван Сергеевич.

– Слушай, Иван Сергеевич, – с плохо скрываемым презрением обращался краснорожий, – сейчас Тюмень будет. Те чё надо-то?

– Я не пойму вашего вопроса.

– Жрать мож чего купить те.

– Да нет, я сам. Спасибо!

– Смотри, а то мы бы...как ветерану помогли те!

Соседи по плацкарту хихикнули над столь плоским юмором. Иван понял, что краснорожий боров в человеческом облике специально пытается вывести людей на конфликт. Это его суть, суть всего его существования: унижение слабого, беспомощного, пожилого – тех, кто ответить не может. Связываться с таким человеком – унижение для тех, кто обращает внимание на подобного рода

выпады. В обществе, где такое поведение приемлемо, его, несомненно, поддержат такие же невоспитанные, трусливые, как и он сам, люди.

Когда поезд остановился, Веденяпин вышел на перрон. В вагоне было душно, и он искал глазами прохладительные напитки. Увидев в руках Ивана бумажник, к нему подошел немолодой, плохо одетый человек.

– Вы не позволите, буквально пять рублей. Я от электрички отстал.

– Конечно, – ответил Иван и начал искать железную пятирублёвку.

– Да вот полтинничек у вас! Спасибо, дай бог тебе здоровьичка!

Бомжеватый мужчина с интеллигентной манерой разговора нахально вытащил из бумажника купюру и скрылся в толпе. Ошеломлённый Иван Сергеевич стоял не двигаясь, пытаясь понять ситуацию, а люди, высыпавшие на перрон, смеялись, смеялись проводники и вахтовики, пившие пиво и купившие в ларьке водку «на дорожку».

– Ты что, Иван Сергеич... Видать, первый раз замужем? – ржали краснорожий и его компания.

– А ты, видимо, бывал замужем? Опытный! – сорвался Веденяпин.

Иван вернулся в вагон под пристальным вниманием краснорожего и его компании.

Вторая ночь поездки была ещё более душной и неспокойной: вахтовики пили до умопомрачения. Ни бесконечные жалобы пассажиров, ни увещевания проводников не могли умирить компанию.

– Слышь, Иван, как там тебя! Ты мне только скажи, кто обидит тебя, тому...ну ты понял! – орал краснорожий, одурев от выпитого.

– Мне твоя помощь не нужна, молодой человек! Ты, я вижу, богатырь, перед стариком хвастаться. Вся сила твоя – в умении хорошо выпить.

– Да я быка валю кулаком, понял!

– Не спорю, только не кулаком, а языком.

– Ладно, не зли меня, а то я из заступника могу превратиться в обидчика!

– Это дело нехитрое, стариков пугать да ребятишек во дворе.

– Я в Тюмени на платформе не тронул тебя, а мог бы...

– Вот-вот, я и говорю: от слабости и беззащитности ты это всё говоришь, а не от силы. Впрочем, я тебя трезвым не видел, но думаю, что и трезвый ты такой же, а пока, ребята, мне пора спать, а вам сходить скоро. Давай оставим этот глупый разговор.

– Ладно! Успокойтесь! – вступил в разговор один из приятелей краснорожего. Вскоре компания сошла в Екатеринбург, и в вагоне наступило сонное царство.

«Найду ли я дочь по этому адресу? Неужели она там уже не живёт?» – мучительно думал Веденяпин. «Примет ли она меня? – не выходило из головы, – а вдруг... Если Татьяна сменила адрес, неужели новые хозяева квартиры не знают новый адрес дочери?».

Тяжелые мысли не давали Ивану Сергеевичу уснуть, и когда лежать стало невмоготу, Веденяпин не выдержал и подошел к купе проводника.

– Вы не спите? – спросил Веденяпин полную проводницу в годах.

– Да нельзя же...вся жизнь прошла на колёсах. Вроде была жизнь, думала, страдала, радовалась – всё было, а сказать о ней нечего, только морды пьяные да хамы. Вот... – Проводница, казалось, долго ждала такого разговора. Целую ночь они толковали с Иваном Сергеевичем.

Женщина рассказала, что мужа давно нет и она одна воспитала двоих детей.

– Постой, Анна Ивановна, ты деревенская, что ли? – услышав знакомый алтайский говорок, спросил Иван.

– Ну да, деревня Зазимки Алтайского края.

– Как! Зазимки!!! – буквально взвыл Иван и ринулся целовать проводницу.

– Вы чё ж, наш что ль?

– Да Веденяпин я! Веденяпин Иван!

– Иван? Веденяпин?

– Да, да! Родименькая!

– Веденяпины. Слышала, но не помню вас, Иван.

Это была Анна Иванова Долгушина – дочь бывшего председателя зазимкинского автоуправления.

– Как дом-то мамин? Не разобрали ещё?

– Да сам он уж развалился...

После недолгой паузы Иван продолжил:

– А я ведь вас помню, Анна. Вы тогда девчонкой маленькой были.

– А я не припоминаю. Да что мы с вами на «вы» да на «вы»?

– Правда, а давай на «ты»?

– Конечно!

Анна Ивановна и Иван Сергеевич долго говорили о родной деревне, о собственных судьбах. Как оказалось, многое их сближало.

– Вань, ты приезжай, слышь, Вань! Устала я одна. Муж ушел к городской, а мы с сыном одни в доме живём. Соберётся жениться – вовсе одна останусь.

Иван не ожидал такого предложения, но, подумав, нерешительно согласился:

– Да. Обязательно, но...я к дочери еду. Нашёл доченьку свою.

Многое вспомнить пришлось, многих помянуть и поплакать с Анной Ивановной.

- Кузнеца-то помнишь, Федота?
- Помню, золотые его руки...
- А Машку Краснуху? Нет, её не можешь помнить, ты ещё мала была, когда на покосе её молния убила.
- Мне рассказывала мама о том случае.

Вдруг Анна Ивановна затянула старую деревенскую песню, которую Иван смутно помнил из далёкой юности, когда по деревне ещё ходили с гармошкой его сверстники. Скупые слёзы текли по его щекам. Он вспомнил, как, забежав в избу, а мамы не было дома, он, голодный, в метель бежал на колхозный двор. Там мать работала дояркой. Она наливала в какую-то грязную кружку парного молока, и Ваня с жадностью, мигом выпивал его залпом, чтобы никто не видел.

Вот они, родные дома... Веденяпины, Щегловы, Яковлевы... Жизнь разбросала всех. Почему Иван не остался в деревне? Почему искал себя все эти годы? Такой же дом, как на Алтае – с окнами в сад, где цвела сирень, он не нашёл. Правда, нашёл жену, это важно, а что ещё? Что-то не припомнится. Не рано ли Иван оставил домашний очаг? Бывал ли на родительской могиле, на деревенском кладбище?

Когда рассвело, Иван Сергеевич сказал:

- Знаешь, Анна Ивановна, я только дочь найду и вернусь в деревню.
- Милости прошу! У меня и хозяйство есть, сын за ним ухаживает.
- Ладно, пойду спать, а то скоро уже, наверное, Москва. – Иди, Ванечка!
- «Ванечка!» – так ласково его звала мама.

Как только Иван Сергеевич лёг, сразу уснул, словно двадцатилетний – крепко-прекрепко, а между прочим, ему уже семьдесят...

После разговора с Анной Иван Сергеевич все меньше думал о будущей встрече с дочерью, больше – о родной деревне. Поезд подъезжал к Москве. Подмосковные деревеньки сменились городами. Прошел час, другой, а вокзала всё нет: всё станции, станции, поезда разъезжаются в разные стороны. Одни идут в Москву, другие набирают ход, будто торопятся покинуть огромный город.

Веденяпин с нетерпением ждал минуты, когда поезд остановится. Вышел на перрон, попрощался с Анной Ивановной. Она рассказала, как добраться до Воскресенска, вызвала такси, чтобы переехать с одного вокзала на другой.

Водитель-узбек объезжал пробки по каким-то проулкам, переполненным автомобилями, и в одном из них окончательно встал. Поняв, что выбраться не удастся, отъехал к обочине и с акцентом предложил Ивану Сергеевичу продолжить поездку на метро: «Пойдём, дедушка, метро. Как доехать знал, да?!». Иван Сергеевич поначалу ничего не мог понять, а когда понял, что узбек провожает его до станции метро, очень удивился. Иван пытался дать ему денег, но водитель ответил: «Я нет, я нет...отэц у меня, такой, как вы...». Отрадно было Ивану, что есть ещё на земле честные, благородные люди.

Приехав на вокзал, Веденяпин никак не мог понять, куда ему идти. На вопросы люди не только не отвечали, даже не замечали, а может, и не хотели замечать приезжего. С трудом разобравшись, он купил билет на электричку. Это была его первая дорога к дочери. А главное, в душе Ивана теплилась надежда на возвращение в родную деревню. «Вот приеду на Алтай и найду дом детства!». И от этих мыслей на душе становилось тепло и спокойно, не радовало только одно – маму, как в далёком детстве, он больше не увидит...

Через несколько часов Иван был в Воскресенске. Оказавшись в городе, он первым делом спросил, где находится улица Вагонная. В отличие от москвичей, прохожие были

более отзывчивыми и сразу объяснили дорогу. Зайдя в один из тихих и тенистых двориков, Иван Веденяпин спросил у сидящих на лавочке старушек, это ли дом пятьдесят один.

– Да, это пятьдесят первый дом, – ответила любопытная старушка. – А зачем он вам?

– А Хатунцевы здесь живут? У меня написано «квартира двенадцать».

– Хатунцевы... дак это ж... Они давно здесь живут?

– Они тут жили ещё в восемьдесят шестом году.

– Зайдите вон в тот подъезд, – старушка показала на дверь пальцем, – найдите квартиру, может, они ещё там живут.

Сердце готово было выскочить из груди. Дрожащей рукой Иван дотронулся до звонка, но нажав, сам того испугался. Сто мыслей промелькнуло разом в голове.

– Кто там? – услышал Иван мужской голос.

– Это квартира Хатунцевых? – неуверенно спросил Иван Сергеевич. Дверь отворилась, и Иван увидел мужчину лет тридцати пяти в футболке и шортах.

– Здравствуйте! – с облегчением проговорил Иван.

– Здравствуйте!

– Это квартира Хатунцевых?

– Моя жена была Хатунцевой, но мы – Черняк. А что вам нужно? – подозрительно спросил мужчина.

– Получается, вы Танин муж?

– Ну. А вы-то кто?

– Я?... Я её... отец.

Мужчина опешил. Первые десять секунд были наполнены молчанием.

– Проходите. – Мужчина шире отворил дверь и впустил Ивана. Остановившись на пороге, Иван увидел большую квартиру, обставленную мебелью «на широкую ногу».

– Проходите. Таня сейчас приедет с работы, – произнёс мужчина. На его лице было написано, что он не верит ни одному слову гостя, и, может, потому с лёгкостью обрается

к Ивану Сергеевичу, спокойно и уверенно глядит на него, пытливо сверля глазами.

– Да нет... мне, понимаете, очень неудобно. Кстати, меня зовут Иван Сергеевич Веденяпин.

– Я и не знал, что у Тани есть отец. Она мне говорила, что он умер.

– Так сложилась жизнь...

– Понятно. Игорь, – мужчина протянул руку. Крепкий на вид, он был складно сложен, от него исходила сила. Судя по выправке, он был спортсмен либо военный.

Иван присел в огромное кресло. Напротив на стене висел большой телевизор. Разговор не складывался. Игорь пытливо смотрел на Веденяпина, а Иван чувствовал себя подсудимым. Мозг сверлила только одна мысль: «Господи, зачем я здесь?».

– Вы думаете, что вы ей нужны? – нагло спросил Игорь, не стесняясь ни вопроса, ни возраста Ивана Сергеевича.

– Я думаю, она мне нужна, – не растерявшись, бойко ответил Веденяпин. Этот короткий диалог, казалось, напроць убил все первое дружелюбие двух людей. Наступила долгая пауза. Игорь сидел на диване боком и презрительно поглядывал на Веденяпина.

Выразительные глаза и телосложение Игоря напоминали орла, готового напасть на добычу. Тёмные волосы и аккуратный нос придавали этому человеку особую красоту.

Они долго сидели молча. Иван отчётливо понимал, что Татьяна не готова увидеть родного отца. Судя по тому, что её муж повёл себя не очень дружелюбно, разговоры в их семье об отце всё-таки велись.

«Почему я не вижу в этом доме ничего детского или подросткового, неужели у них нет детей?» – думал Иван, но спросить об этом Игоря не решался. Тот, насупившись, сидел на диване и смотрел в пол, нервно дёргая ногой. Иван ненавидел это глупое положение, когда ты приходишь

в дом, где тебя не ждут. Но нужно было что-то делать... Мёртвую тишину в квартире нарушил звук открываемой двери.

– Меня даже никто не встречает, вот это да! – послышался красивый женский голос, не испорченный куревом.

– Привет, – встав с места и выйдя в прихожую, гулко произнёс Игорь. Иван Сергеевич не мог найти себе места. «Что она скажет, когда узнает, кто я такой?.. А если начнёт выгонять?» – возникло в его голове.

– Ты почему такой грустный? Ты должен радоваться, я сегодня забрала двести шестьдесят тысяч! – весело говорил женский голос.

– Пройди... тебя там человек ждёт, – сказал Игорь и поспешил уйти в одну из комнат. В прихожей чем-то шуршали, но после слов Игоря стало тихо.

– Вы кто? – спросила женщина лет сорока, войдя в зал. Аромат довольно дорогих духов распространился по комнате. На женщине было лёгкое летнее платье, очень необычное и элегантно смотревшееся на ней. Она была стройная, а особенная красота её больших тёмных глаз делала лицо выразительным и привлекательным. Иван сразу приметил эти глаза, глаза той Полины, которую любил всей душой когда-то в юности. Если Татьяна встретила бы ему на улице, он узнал бы её из тысячи прохожих.

– Вы...Таня? – еле выговаривая от страха слова, спросил Иван. Он заметил, что Таня побледнела, но сразу овладела своими чувствами. Она ничего не ответила, а опустилась на кресло, с которого только что поднялся Иван. Странно, но встреча с дочерью ему представлялась совсем иной, и когда она закрыла лицо руками, он невольно растерялся, спрашивая себя: «Что делать?».

Иван Сергеевич не мог понять: плачет ли Таня, смеется ли? А может быть, ей плохо? В этот момент в зал буквально

влетел Игорь. Он обнял Таню и, уводя жену прочь, прошипел в адрес Веденяпина:

– Слушай! Шел бы ты! Без тебя жила она... Когда сорок четыре года дочери исполнилось, приехал!..

И хотя именно такую развязку предполагал Веденяпин, а когда она всё же произошла, буквально ушёл в себя и готов был провалиться от стыда. В душе он испытывал ощущение, похожее на то, когда студент проваливает экзамен, а профессор, весь семестр предполагавший, что он куда более способный, не знает, что поставить ему в зачётку. Не понимая, что произошло, словно в бреду, Иван взял свой чемодан и выскочил на улицу. Пройдя несколько десятков метров в неизвестном направлении, вдруг услышал за спиной стук каблучков. Это бежала Татьяна, пытаясь догнать отца.

– Папа! Папочка! – доносилось до Ивана, который сразу же повернулся и быстрым шагом пошёл навстречу дочери.

– Таня, прости меня за всё! – обнимая дочь, говорил Иван. Татьяна плакала навзрыд. Люди, проходившие мимо, находили странным поведение двух разных по возрасту людей, закативших истерику прямо на улице.

– Папа, я сразу тебя узнала!

– Прости меня...

– Пойдём, папа! Я тебя всю жизнь ждала, даже квартиру не меняла, знала, что ты будешь меня искать по этому адресу. Домой, папа...п-п-пойдём! – всхлипывая, говорила дочь.

– Нет, Танечка. Твой муж меня выгонит.

– Ты что! Нет! Этого не может быть, ведь ты – мой папа! – говорила дочь, размазывая ладонью тушь на своём лице.

– Он у тебя милиционер, да?

– Нет, папа, он бывший военный. По здоровью комиссовали.

Войдя обратно в квартиру, Иван ушел на кухню, где Татьяна уже хлопотала об ужине. Иван Сергеевич терпеть

не мог грубости, и в отношениях с Игорем ему всё было понятно – человек он жестокий, невоспитанный, по-офицерски груб и нагловат. Таких людей Веденяпин называл «упырь». Почему, собственно, «упырь»? Видимо, у Ивана были какие-то ассоциации, но к литературе это название не имело никакого отношения. Можно было, конечно, подойти к «упырю» и сказать: «Извини и ты меня...», но Игорь был высокомерен, а для Ивана Сергеевича это означало прямое неуважение.

Татьяна накрывала на стол, когда Иван подошёл к дочери и сел рядом. Он не знал, как начать разговор, но дочь, заметив отца, сказала:

– Как ты меня нашёл? По старым письмам? Сколько меня ни толкала жизнь к тому, чтобы продать нашу старую квартиру, я не хотела и правильно сделала, оказывается! Сейчас бы не встретились.

- Я ехал наугад.
- А почему не написал перед выездом?
- Приехал бы, а тут другие живут.
- А где же твоя жена?
- Умерла...

Разговор быстро перешёл в ностальгические воспоминания. Татьяна рассказала о своей жизни: о том, что живёт в этой квартире давно, что Игорь – это второй муж, первого убили какие-то отморозки, когда он однажды ввязался в драку, что перед смертью, в больнице, она пообещала ему быть сильной. Игорь младше её, и детей у них нет. Отец же рассказал о своей горемычной судьбе.

Татьяна накрыла на стол, позвала Игоря, и они выпили за встречу. Муж вёл себя отчуждённо, с плохо скрываемым презрением к отцу жены. Закусив молча, вышел из кухни. Тanya и Иван Сергеевич этого даже не заметили.

- Доченька, где ты работаешь?

– Я обещала первому мужу быть сильной, в душе храня память о нём. Теперь у меня своё предприятие.

– А я сразу понял это, как только ты вошла в квартиру.

У Татьяны были глаза точь-в-точь как у Полины, её черты лица. Иван вглядывался в дочь весь вечер.

– Не наливай мне спиртного, доченька. У меня были одни беды от него.

– Ты выпивал, да?

– Давай не будем об этом!

– Я просто хотела...

– Не будем. А у тебя мамины глаза, которые я никогда не забуду.

– Мама ушла три года назад...

Иван не сразу понял значение слова «ушла», но спустя какое-то время осознал. Таня изменила тон разговора:

– В Тобольске она запила, а когда мне пришлось её забрать, врачи поставили диагноз – цирроз печени.

После этих слов Татьяна замолчала. Её лицо стало озлобленным. Было видно, что дочь хочет что-то сказать, но сдерживает себя. Это выражение лица пугало Ивана Веденяпина. После долгого молчания дочь рассказала отцу в подробностях, что мать пила, особенно последние лет десять и скончалась в страшных муках. Затем опять наступило долгое молчание. Татьяна налила себе водки и выпила её залпом. Только минут через двадцать, когда Иван уже не мог переносить это молчание, дочь заговорила жутким, грубым и тихим голосом:

– Всю жизнь я тебя ненавидела, особенно последние три года. Я знала, что ты появишься. Чувствовала, что приедешь. Готовила тебе речь, а когда ты приехал, ничего не смогла сказать. А теперь, я тебе всё скажу...

– О чём ты думал, когда от нас отказался? Знаешь, кто ты? Ты сволочь, папа! Ведь это именно ты кормил меня гречкой, когда её нельзя было купить! Ты же не спал ночами,

работая на трёх работах! Ты воспитывал меня один и плакал ночами от безысходности! Ведь это именно ты ждал всю жизнь маму, когда она спокойно жила в своё удовольствие в Казахстане! Ты в одиночестве упивался водкой в родном Тобольске! Тебя привезли в больницу с циррозом печени, а врачи лишь переглянулись и пожали плечами! Это ведь ты, именно ты умирал у меня на руках! – Татьяна говорила всё громче, а вскоре начала буквально визжать. Её взор напоминал взгляд хищника, который может в любую секунду наброситься на свою добычу.

– Я тебя не-на-вижу!!! Когда я стала успешной, вовсе не ты меня нашёл и прискакал, как зайчик, на задних лапках: «Вот он я! Доченька, как я рад тебя видеть! Принимай меня!». Я всю жизнь представляла, как мой муж спускает тебя с лестницы! И не сделала это только потому, что мама, тихо умирая, шептала твоё имя! Она тебя любила, а ты о ней забыл! А теперь – пошёл вон!!!

У Татьяны была сильная истерика, она то смеялась, то рыдала, а когда стала успокаиваться, хладнокровно, тихо и цинично спросила у собравшегося уходить отца:

– Куда ты теперь? Поедешь в свой Павлодар, где тебя никто не ждёт? А может, на Алтай, на родину? Не думаю, что и там тебя кто-то ждёт. Тебя родная мать не могла дожждаться. Ты даже о ней забыл... Сволочь!

– Прощай, – спокойно сказал Иван Сергеевич и, взяв свой чемодан, вышел за дверь, тихо её прикрыв. Мыслей в голове не было. Он был морально растоптан. Только что Веденяпин увидел все ошибки своей жизни. Они не были бы такими явными, если бы ему о них не говорила родная дочь. Он шёл по ночной улице незнакомого города. Болела голова, тело знобило, слёз не было. Он услышал звук быстро приближающейся машины. Раздался сигнал, и к нему подъехала довольно дорогая машина. Из окна высунулся Игорь и окликнул Ивана Сергеевича:

– Э.., это от Тани. Пригодится. – Игорь подал конверт с деньгами.

– «Э!..». Забери это себе, молокосос! Она у меня денег не брала!

Игорь ничего не ответил, а только лишь как-то по-хамски, присуще только невоспитанным людям, дёрнул автомобиль с места и скрылся во мраке ночи. Иван брёл дальше. Казалось, жизнь потеряла всякий смысл. Становилось холодно. Веденяпин искал вокзал, держа в руке чемодан, где помещалась вся его жизнь.

Вернувшись в Павлодар, Иван вновь перестал выходить из дома. Он отпустил бороду и сильно похудел. Даже Анатолий не мог понять, что происходит с другом. Иван Сергеевич угрюмо молчал и на вопросы отвечал односложно: болит сердце.

Как-то в августе Анатолий Осколков решил в очередной раз зайти к другу, чтобы поинтересоваться его здоровьем, но ему никто не открыл. В двери торчала записка, в ней говорилось, что Иван уехал навсегда.

Иван Сергеевич без особых метаний и раздумий оставил город, в котором прожил сорок пять лет, и, получив очередную пенсию, поехал на родину – в деревню. Через тринадцать часов он был в Барнауле. Купил билет на автобус до райцентра. Устав от плохой дороги, почти не смотрел в окно, а спал в неудобном кресле. Ранним утром следующего дня Иван Сергеевич вышел из автобуса. На улице слегка подмораживало, чувствовалось наступление осени. Поодаль от автобусной площадки стояли ещё не открывшиеся ларьки. Около них тёрлись непонятные личности с нетрезвыми физиономиями. Иван долго думал, как добраться до родной деревни, у кого спросить, но, кроме этих сомнительных личностей, вокруг никого не было. Неожиданно заметил стоявшие неподалёку «Жигули» и сидящего в них таксиста.

– Здравствуйте, как мне добраться до Зазимок? – спросил Иван Сергеевич у водителя, которому, видимо, было всё равно, как человеку добраться до какой-то там деревни. Во всяком случае, у него это было написано на лице.

– Глухомань, блин, – с огромным безразличием в голосе ответил мужчина.

– А все-таки?..

– Автобус туда ходит три раза в неделю.

– Сколько?

Иван не любил торговаться, тем более сейчас, когда нужно ехать. Через пять минут такси мчалось в сторону Зазимок. Районный центр уже мало напоминал старый посёлок. А ведь когда-то он утопал в цветах! Теперь же превратился в пыльную бездорожную деревню, где, судя по всему, многие жители проживали жизнь беспробудных пьяниц. Иван вспоминал, что в посёлке работал механический завод имени Октябрьской революции. Теперь же его цеха стояли в полуразрушенном состоянии и лишь в немногих работали всякие маленькие фирмочки, занимавшиеся розливом лимонада, сборкой мебели и приёмом металла. Огромную территорию завода занимали рынок и пустырь, куда сваливали мусор все, кому не лень.

– Скажите, а разве посёлок теперь не районный центр? – спросил Иван у водителя.

– Та лет десять уж.

Иван не хотел выяснять, почему всё в таком упадке. И так было ясно. А тем временем автомобиль нёсся по просёлочной дороге, где в советское время лежал асфальт. Иван Сергеевич вспоминал эти знакомые редкие перелески, эти бугры, похожие на сопки. Только они и могли успокоить сейчас всколыхнувшиеся чувства Веденяпина.

Около дороги стог сена, одинокий, как наш герой. Грустно, ой, как грустно ему видеть родную землю совсем дикой! Где-то здесь в пятидесятые годы стояла деревенька,

которая сгорела. А там, за горкой, будет большое солёное озеро, и точно, вот оно: похожее на огромное блюдо, окаймленное белым (от выступившей соли) берегом. Боялись ребятишки туда ходить: глина проваливалась, ноги вязли, к воде подойти невозможно, а любопытство так и раздирало. Рассказывали: давным-давно, до гражданской ещё, один мужик захлебнулся в нём солёной водой. С тех пор по ночам он выходит из озера. Люди даже слышали, что кто-то как будто плачет. Ближе ста метров не подходи – нога провалится. Леса стояли когда-то около озера, да все погибли, вот и стоят одни безжизненные палки вокруг. А за теми мёртвыми лесами, за мёртвым озером (вода в нём, как сироп – густая), на склоне, стоит деревня Сосново, где учился Ваня Веденяпин. Летом с друзьями они подолгу смотрели вечерами вдаль. Мёртвое озеро пробуждало в них страх и восхищение.

Здесь лежала его дорога в школу и из школы, к друзьям, на танцы в клуб, причём в любую погоду и в любое время суток. Особенно жутко было возвращаться в кромешной тьме в метель. А вот и церквушка в центре деревни. В ней долгое время размещался маслозавод, потом его перевели в город, а здание хотели сломать, но не смогли разрушить старую кладку. Так и остались стоять эти стены, не тронутые ни временем, ни людьми. Всё это – родной край. Иван Сергеевич увидел дорожный трафарет с названием населённого пункта «Сосново», а за ним – три дома. Метрах в ста был виден сарай, который уже давно развалился, остались лишь две стены.

Сердце Ивана Сергеевича сжалось от боли. Вокруг – голые склоны алтайской лесостепи, а ведь когда-то они были засеяны хлебами... Что случилось с родными местами?.. Иван не выдержал и спросил таксиста:

- Это Сосново?
- Угу.

- Деревня была в сто пятьдесят дворов...
- Была... Нет деревни...
- Да ведь школа была! Где это всё?
- Нет.

Водитель отвечал односложно. Его было трудно разговаривать. Казалось, что всё происходившее вокруг его не касалось и он не понимал, чему тут можно так удивляться. Иван чувствовал, что скоро увидит родную деревню. «Вот за этим холмом стоит село», – думал Веденяпин, но машина поднималась, а впереди был спуск, за которым виднелись лишь далёкие перелески да мелкие сопки бескрайней полустепи. Иван с ужасом подумал: «Неужели моей деревни нет: стоят каких-нибудь три дома, в одном из которых живёт Анна Долгушина». Но машина опять начала подниматься в гору: подъём, изгиб дороги, и... (Иван Сергеевич даже зажмурился) вот они, домики родные! Именно с этой горки спускался Иван, когда ходил в школу. Сердце заколотилось, вот она – деревня-то, Зазимки! Жадно вглядывался он в родные домики: каждый палисад, каждую ставню пытался узнать издалека. Едва заехав в деревню, рассчитался с молчаливым водителем и вышел из машины.

– Нич-чë не могу вспомнить. Чей дом-то такой? – вслух говорил Иван, вглядываясь в избу. Он шёл по деревне, глазами отыскивая родительский дом. Около одного из домов увидел бабушку лет восьмидесяти пяти, сидящую на лавке у забора.

– Здравствуй, мать! – поцеловал он незнакомую старушку – так делали в его детстве, встретив пожилого человека. Иван внимательно всматривался в её лицо, пытаясь узнать.

- Чаво?
- Я говорю, здравствуй! – повторил приезжий.
- Здравствуйте!
- Матушка, скажи, а где тут дом Веденяпиных был?

– Веденяпиных-то? – на удивление ещё крепкая, живая старушка довольно быстро, без затруднений поднялась с лавки и, подойдя к дороге, показала пальцем на стоящие неподалёку домики. – Да он за Васей Косталёвым стоял. Там... Не знаю, ящо осталось ли чё от дома-то.

– А где Васин?

– Да вон... ты ж его прошёл! Если ты оттудова шёл, то прошёл ты его. – Старушка активно жестикулировала, показывая дорогу. – Вот как в село вошёл, налево гляди. Увидел пустырь, ближе к Филипповым-то, то и будет Веденяпин Сергей Яковлич. Да, был ящо до войны такой, шибко грамотный. Учитель. Детишки его любили больно. Он дом тут и построил, нашу Марью взял в жены, тут и осели...

Иван поблагодарил её и пошёл искать дом. Увидел старую водокачку, к которой нельзя было подойти – так заросло ивняком, полуразвалившаяся башня зияла чёрными проёмами окон, на друтой стороне дороги – магазин с названием «Заря». Решил зайти. Открыв дверь, сразу почувствовал, как во всех сельских магазинах, запах хозяйственного мыла. За прилавком читала книгу немолодая женщина. Иван долго думал, что купить, чтобы помянуть родителей, и впервые за год решил купить бутылку водки.

– Здравствуйте, дайте, пожалуйста, бутылку водки... любой, – проговорил Иван и, почему-то смутившись своей просьбы, суетливо достал деньги и положил их в блюдце, стоявшее на прилавке. Ему было неловко даже перед самим собой, так мучительно он возвратился к нормальной жизни.

– Что ещё? – спросила женщина, нахально оглядывая незнакомца. Услышав неуверенное «ничего», без интереса уселась на прежнее место и взяла в руки книгу.

Пройдя метров пятьдесят, Иван увидел стоящих возле трактора мужчин. Они тоже увидели незнакомца с чемоданом и с подозрением уставились в его сторону. Иван прошёл мимо трактора и заметил пустырь, о котором, видимо,

и говорила старушка. Из-за высокой, с человеческий рост, травы виднелись стены покосившегося от времени дома. Крыши не было. Глина с мазаных стен уже почти осыпалась. Веденяпин присел на лежавшее бревно и стал вспоминать. Когда-то здесь, у забора, со стороны дороги, стояли три огромных куста рябины, а ближе к дому – цветы. Отец Ивана – Сергей Яковлевич – очень любил цветы. Он готов был жить в цветнике и огорчался, когда приходила осень. Каждый цветок был обласкан его вниманием и любовью. Растения это понимали и ежегодно разрастались до самой дороги, несмотря на тень от рябин.

Иван долго сидел на развалинах родного дома, который своими руками построил отец. Как же тяжело ему было! Жители деревни поначалу не желали помогать, считая его кулацким «отродьем». Сын крестьян Сергей Веденяпин вместе с родителями прибыл в эти суровые края с Кубани. Дед Ивана – Яков Терентьевич – был кубанским казаком, для большевиков зажиточным человеком: держал худую кобылу да корову.

Иван Сергеевич открыл бутылку водки и не раздумывая сделал три больших глотка, с непривычки поперхнувшись горечью напитка. Закусив спиртное куском колбасы, купленной ещё в Барнауле, мысленно помянул родителей.

Погрустил, подумал о доме, о прошлом и настоящем, а потом побрёл по деревне искать дом Анны Ивановны. Силы были уже не те, Веденяпин быстро устал, сказывались на здоровье бессонные ночи и дальняя дорога. Измотанное сердце беспокоило. Исхудавший, замкнутый и старый, он брёл по селу, словно странник, искавший очаг и покой. Присев у какого-то небольшого дома, почувствовал, что по телу пошла приятная истома, что в голове зашумело, руки сделались ватными. Давно он не пил спиртного, потому так резко захмелел.

«Чья завалинка?» – думал Иван, сидя у незнакомого дома. Стал перечислять фамилии односельчан, кого помнил: Черемисины, Яшкины, Агафоновы, старый Игнат, известный всей деревне запевала и гармонист. «А кто такие Филипповы, о которых говорила старушка?» – думал Веденяпин. Где теперь они все, о ком он вспоминал? Живут ли дети тех, кого помнил Иван: дядя Коля Сермягин, дед Фёдор Степанов. Помнил он и друзей детства: Егора Кошевого, Ивана Лисина, Юру Маршграфа и многих других.

Вдруг за оградой залаяла собака, будто пёс только теперь почувал, что на завалинке кто-то сидит, через минут пять ворота отворились и к Ивану Сергеевичу подошла, опираясь на трость, иссохшая старушка.

– Что вам нужно? – спросила она, подойдя к Ивану и глядя на него через очки с толстыми стёклами.

– Я на родину приехал, мать, – задумчиво ответил Веденяпин, протягивая руку старушке. Но старушка отстранилась и даже вроде как испугалась движению незнакомца. – Не бойся меня, я свой.

– На родину? Ты ж ведь и сам не мальчонка-то. Жизнь помотала, небось?

– Та!..

– Не отмахивайся. А ты чьих? – с интересом спросила бабушка, когда Иван сказал, что он свой. Это как-то успокоило её.

– Родители здесь лежат у меня.

– Ну а фамилия-то есть, ты ж не безродный, не сирота... может, помню.

– Веденяпин.

– Как, Водо... как?!

– Ве-де-ня-пин, – по слогам произнёс Иван. После этих слов старушка задумалась и попыталась сесть рядом. Веденяпин ей помог. После долгой и тяжёлой паузы негромко и серьёзно заговорила:

– Веденяпин, говоришь?

Иван задумчиво подтвердил вопрос и достал из кармана бутылку водки. Увидев это, бабушка резко и недовольно высказала:

– Пойдём в дом, чего тут-то пить её, поганую! И так вся деревня хлыщет на завалинке её, как воду!

Как ни отнекивался Веденяпин, старушка заставила зайти в дом. Внутреннее убранство избёнки было неза-тейливым: газовая плита да цветной телевизор с пультом управления – основные блага цивилизации. Но зато отмен-ный порядок, иконы в красном углу, вышитые полотенца и дорожки заставили Ивана вспомнить, как было тепло в мамином доме. Бабуля усадила гостя за стол и налила ему щей. Гость выпил водки, хорошо закусил и после долгого молчания спросил:

– Зачем вы меня усадили за стол? Ведь вы же меня вовсе не знаете?

– Не знала бы тебя, не пустила бы. А коли ты мальчон-кой тут бегал, рвал яблоки на колхозных яблонях, то не-пременно помню!

– Вы помните меня маленьким?

– Помню, как мамка твоя ставила тебя на стол и ты плясал под гармонь старого Игната. Я помню даже то, что ты никогда не вспомнишь...

Старушка была с характером, это было заметно: строгая и серьёзная, она, видимо, прожила сложную жизнь. Нехотя разговорившись, бабушка, наконец, назвала свою фамилию. Зовут её Тамарой Константиновной Филипповой. Когда Иван услышал эту фамилию, обнял тётку Тамару (так её звали односельчане), ведь Филипповы – честные и добрые люди, воспитавшие хороших, умных и достойных детей.

Ивана удивила простота тётки Тамары, её спокойное и несуетливое радушие, казавшееся сначала неприветливо-стью и сухостью, а молчаливость и сдержанность указывали

на её ум и воспитанность. Ивану казалось, что хозяйка была лишена лицемерия, чего в современных людях почти не встретишь. Такие люди, как Тамара Константиновна, мало о чём спросят тебя и почти ни о чём не расскажут, но отдадут тебе всё, а если надо – последнюю рубашку.

На разговор двух людей из комнаты вышел болезненного вида старик. Им оказался дед Егор. Иван Веденяпин и с ним горячо обнялся, хотя дед не разобрал, с кем здоровался, потому как был глух и не видел на один глаз. Дед Егор был уже давно болен и даже не выходил на улицу. Так, в одиночестве, старики и жили. Дети приезжали нечасто, но не забывали, помогали чем могли.

Спросил Иван и насчёт родительского дома. Оказывается, вся деревня растаскивала из маминого дома, когда она умерла, мебель. «Ну, а с другой стороны, не растащи односельчане мало-мальскую мебель, кому бы всё досталось? Сгнило бы всё, да и только. А так хоть польза была», – думал Иван, оставив злобу на людей. Разного рода мысли, воспоминания долго не давали покоя. Он никуда не пошёл в этот вечер, а лёг на перину, постеленную тёткой Тамарой, и заснул младенческим сном: крепко, словно в старом родительском доме.

...Подкралась осень, беспокойная, с частыми дождями. Утром проснёшься, выглянешь в окно, а на улице ветер гудит, сдувая последние листья. За деревней – озеро. Приглядишься и увидишь: за озером пасутся кони. Только зачем они пасутся, коль трава уже пожухла и безжизненна? Зачем они стоят под проливным, холодным дождём? Нет от него покоя: моросит с утра, а к обеду припустит.

Прошёл год с тех пор, как Иван жил в родной деревне. Анна Ивановна Долгушина приняла Веденяпина к себе в дом. Она была рада, что в доме появился хозяин. К тому времени ей исполнилось пятьдесят пять и Долгушина вышла на пенсию, изрядно устав от жизни на колёсах. Они

жили просто и скромно: держали скот и огород. На жизнь хватало. С ними жил младший, ещё не женатый сын Анны Ивановны Сергей. Иван Сергеевич охотно работал в сарае: управлялся и ухаживал за скотиной. Анне нравилось хозяйское отношение Веденяпина ко всему, что он делает. Видны были деревенский закал и трудолюбие.

Веденяпин был старше Анны Ивановны на пятнадцать лет. Разница в возрасте давала о себе знать: взгляды на жизнь были разными, но благодаря глубочайшему взаимопониманию Иван и Анна быстро находили компромисс.

Сергей с добром относился к Веденяпину, всегда старался помочь ему. «Мать тебя ждёт на кухне, иди отдохай!» – отправлял Сергей Ивана, когда видел, что Веденяпин больше не в силах нести вёдра или перекидывать навоз. Иван Сергеевич шёл в дом, думая, что его действительно звали, но Анна лишь улыбалась, когда он пытался ей помочь. Иван любил колоть дрова и к этому делу старался никого не подпускать. Когда Сергей хотел помочь Ивану, Иван говорил словами Сергея: «Иди, там мать тебя ждёт на кухне, звала...».

Анна Ивановна злилась, когда узнавала, что Иван собирается колоть дрова: «Щас наработается, а потом ему опять вызывай фельдшера! Неугомонный!». Но Иван не хотел понимать, что уже слаб, часто болеет, жалуясь на сердце. Исхудавший, похожий на какого-то дьякона, он храбрился и не показывал свою слабость. Только все чаще работа по хозяйству заканчивалась приездом на велосипеде доктора и долгими уколами после.

Этой осенью из-за постоянных дождей рано убрали огород, выкопали картошку. Иван Сергеевич стал всё чаще навещать старое деревенское кладбище. Горько было глядеть сыну на покосившийся, изгнивший крест на могиле матери. Мечтал Веденяпин вычистить заросшую кустарником и травой могилку, поправить ограду. Присмотрел

подходящий материал и начал работать. Как только светало, брал в руки рубанок и начинал строгать новый, добротный крест, подобрав подходящую древесину. Иван работал не торопясь. Наденет штормовку и копошится до вечера, иной раз даже обедать не придёт. Такая увлекательная работа помогала ему думать, оттого не замечал он холодных осенних дождей, которые раздражали односельчан.

Только теперь Иван Сергеевич понимал, что всегда ждал этого момента – возвращения в родные края. Каждый свободный от забот день был посвящён стихам. Несмотря на долгие перерывы в сочинительстве, он не потерял сноровку, а литературные навыки давались ему легче. Сама форма стиха стала другой. Он вставал осенними утрами, надевал тёплые вещи, затапливал печь и садился работать: писать, переделывать, читать.

Налью черничного варенья,
Чтоб вспомнить лето и тепло,
Одну строку стихотворенья,
Что было лето и прошло.

Я погрушу за чашкой чая
О том, что вьюга за окном,
Траву лесную вспоминая,
И ночи в мае, с костерком.

И пусть душистое варенье
Мне не заменит сказку ту,
Ребёнком стану на мгновенье –
В луга росистые уйду.

Иван вкладывал в свою работу всё своё умение, навыки, знание рифм и приёмов.

Подмораживало, дождей уже не было, недавно выпал первый снег, который к вечеру растаял, наступала середина ноября. Иван Сергеевич проснулся пораньше и пошел на кладбище. Он взял хлеб, топор, чтобы вырубить кустарники на могиле мамы, и крест. Пройдя по деревне, подошёл к любимому с детства колодцу. Воды в нём уже не было. Чуток постояв, Иван отправился дальше. Ему было нелегко нести крест, он часто останавливался, мучила одышка. Вот он – последний дом в деревне, вот они – огороды. Тропа вела Ивана к погосту через небольшой овраг. Когда стал спускаться по тропе, сильно заболело сердце. Постояв, он всё же поднялся в гору и еле доплёлся до кладбища. Стало трудно дышать. Дойдя до могилы мамы, запутался с крестом в кустах... Попытался выпутаться, но ему стало ещё хуже, он упал, но подняться уже не смог... Веденяпин умер на могиле матери, сжимая в руках небольшой пакет с хлебом и крест, который так и не поставил.

Хоронили Ивана Сергеевича туманным ноябрьским днём. После небольших заморозков потеплело, пошёл дождь. Когда установили крест на могиле, повалил пушистый снег. Все разошлись. Могилу стало замечать. И только издали виднелись два свежих креста, стоящих рядом. Это были могилы двух близких людей: сына и матери.

A photograph of a person walking away on a path, with red flowers in the foreground. The image has a soft, slightly blurred quality with some light artifacts. The person is in the upper right, walking away from the viewer. The path leads into the distance. In the lower left, there are several bright red flowers. The overall tone is somewhat muted and nostalgic.

**УДАЛЁННЫЙ
ИЗ ПРОГРАММЫ**

I

Недовольная затянувшимся бабьим летом непогода разыгралась не на шутку. С неумолимым раздражением она затягивала небо тяжелыми тучами. Порывистый ветер с размаху, как бичом, хлестал по железному карнизу. Шум осеннего ночного ливня раздражал Дмитрия как никогда. Юркову не спалось. Измятая постель была неудобна. В голову лезли назойливые мысли о дочери. Он очень любил свою пятилетнюю кроху – Леночку. Это единственный ребенок у них с женой Таней, может, поэтому девочка стала в их доме настоящим лучиком света. Как подготовить ребёнка к будущей учебе в школе, как сделать, чтобы дочке было легко в общении со сверстниками, как уберечь её от дурного влияния – мало ли забот у родителя, горячо любящего своего ребёнка. Юркову давно не нравилось, как относилась к Лене жена – как-то несерьезно, спустя рукава занималась ее воспитанием, будто нехотя. По крайней мере, так казалось Диме. «Надо с Таней поговорить», – решил он, прислушиваясь к легкому посапыванию спящей рядом жены.

Ей двадцать семь, ему – тридцать три. Разница в возрасте не очень большая, но, может быть, дело именно в этом: Таня довольно молода, легкомысленна. Игралют свою роль причины, которые неясны ни одному из супругов. Татьяне, наоборот, казалось, что она все делает правильно: занимается с ребенком, учит буквы, Леночка научилась считать до ста. Разве плохо? Попробуй разобраться в чужой душе, которая потёмки! Сказать нечего, действительно, Юрков придирался, упрекал за внешность, за большое внимание к незначительному, как ему казалось, делу. Он и сам старался выглядеть опрятно, не позволял себе ходить

в каких-нибудь модных рваных джинсах или незатейливых футболках с непонятными надписями, вроде таких: «Эх, не спится мне, ни спиться мне бы!». Только считал, что жена относится к своей внешности очень уж пристрастно, зря убивает время в салонах красоты.

Неожиданно, во втором часу ночи, зазвонил телефон. Трубка лежала на тумбочке возле кровати. Тревожная музыка рингтона заставила Юркова вздрогнуть. Мысли прервались, заиграла «Burial Forgive». Мелодия только сейчас показалась Юркову настолько неприятной, что он спросил себя едва не вслух: «Что за ужас! Откуда эта похоронная музыка! Надо немедленно её убрать!». Сердце взволнованно застучало, по коже пробежали мурашки. Неприятливый голос нарядчика вызывал Дмитрия на работу. Ночные звонки в этом доме были незванными, шумными гостями. Они врываются в дом в любое время, прерывали, взрывая ночную тишину, наполняли его суетливой суматохой.

– Таня, собирай меня в дорогу, – с твердостью в голосе проговорил Дмитрий, вставая с постели.

Этой ночью он так и не уснул.

– Угу, – едва слышно, сонно отозвалась жена.

– Ты что, не понимаешь, что мне нужно собираться в дорогу! – Юрков повысил голос едва не до крика.

Работа машиниста электровоза в маленьком железнодорожном городке Краснореченске считалась почетной, поэтому Юрков избрал ее без особых размышлений. На машинистов равнялись. Сегодня, правда, меньше, а когда-то, в советские времена, когда Диме было лет пять-шесть, мальчишки часто грезили черной формой железнодорожника. Уже в юности, в девяностые, когда черные кители и шинели заменили на пиджаки и пальто, Дима частенько поглядывал на старую отцовскую форменку. Советская, она ещё долго висела в шкафу, аккуратно размещенная на вешалке. А с верхней полки обиженно

взирала на окружающих черная фуражка, украшенная серебристой эмблемой на тулье: молоточек и разводной ключ крест-накрест. У мамы, дежурной по станции, была такая же фуражка, только с красным верхом. В ней она встречала пассажирские поезда, гордо подняв над собой диск белого цвета. Когда-то, ещё в восьмидесятые, поезд не отправился бы со станции, если на дежурной не было красной фуражки.

Много времени прошло с тех пор, как маленький Димка прибежал к маме на работу, чтобы постоять с ней рядом, когда проходил поезд. Вот уже и сам Дима стал железнодорожником. Давно нет той формы, нет и мамы с папой, ушедших как-то быстро и незаметно. Унесла их смерть – сначала папку от инфаркта, а в начале двухтысячных – маму. Дима не дождался её зимним вечером с работы. Кто-то убил и не взял ничего, даже кошелька с единственной пятисоткой внутри.

После окончания школы Юрков поступил в училище, сразу определился: «Буду локомотивщиком!». Женившись, он не разрешал Тане работать. Ему казалось, что ей грозит опасность. Видимо, сказала трагедия с мамой. Молодой человек представлял, как он будет переживать в поездке, когда его супруга станет ходить с работы одна. После рождения Леночки Диму как подменили: он стал считать деньги, потраченные Татьяной на себя, считал время, проведенное с дочерью, считал всё. Как-то незаметно превратился в невыносимого зануду.

А что делать? Дмитрий был очень зависим от своих комплексов, которые всегда мешали ему свободно жить. Например: слегка мешковатый, неповоротливый Юрков всегда стеснялся из-за своей полноты, тем более, когда чувствовал себя неуютно, как не в своей тарелке. Ещё в школе девушки не обращали на него никакого внимания, а мальчишки называли не иначе, как «жердям», «жиртрестом»

и «салом». Он ни на кого не обижался и лишь безрадостно разглядывал себя в зеркале: пухлые щеки, двойной подбородок, неуклюже свисающая одежда.

От громкого ночного разговора, скорее похожего на ругань, проснулась и Леночка. Выйдя из просторной комнаты с любимой куклой на руках, она спросила:

– Ты опять уезжаешь, да? И добавила: Я думала, что мы пойдем смотреть желтые листочки в лесу, как ты обещал, а ты опять уезжаешь...

– Вот пойду в отпуск и буду рядом с тобой, – неуверенно оправдывался папа.

Зеленоглазая, немного курносая Леночка походила на Дмитрия. Так же, как он, улыбалась, у них было похожее выражение лица, когда злились. Папа внимательно посмотрел на ребенка. Возникло чувство неловкости за невыполненное обещание.

Он собрал дорожную сумку и надел форму. Застегивая серую железнодорожную куртку с красными вставками на отвороте, Юрков обратил внимание на грязные манжеты белой рубашки и пятна от пота подмышками.

– И ты хочешь сказать, что дома всё в порядке? – он показал следы грязи.

– Что мне ответить? Да, я плохая жена и отвратительная хозяйка: вещи не стираю, за мужем не слежу, дочку вообще забросила!

– За шмотками должен следить я? Стирать, гладить, а ещё ходить в магазин и готовить ужин.

Татьяна привыкла выслушивать недовольства в свой адрес. В самом начале, после замужества, она возмутилась бы в ответ на претензии Дмитрия, но с годами Таня стала сдерживать себя. Правда, раньше Юрков не высказывал недовольство. «Работа сделала его нервным», – женщина оправдывала мужа, хорошо понимая, что занимается обелением грубости человека, которого любила

и продолжает любить. Но любит ли её Дмитрий? Всё меньше тёплых слов слышит она, всё холоднее объятия, всё больше выгоды в их отношениях. Нет, дело вовсе не в деньгах, а скорее – в физиологии, в интимных потребностях, скупых ласках, словно между совершенно чужими людьми. Такое впечатление, что это не за окном, а в доме Юрковых наступила осенняя, октябрьская непогода, и ледяной ветер вот-вот принесет первые заморозки.

Выйдя в подъезд, Дмитрий остановился, чтобы укоризненно взглянуть на жену, но Таня спокойно закрыла дверь. Для него это был удар по самолюбию – Юркова не дослушали, не взглянули, как часто бывало, виновато, немного опустив голову в пол. Он привык доминировать и любил, когда его слушают чуть ли не раскрыв рот. Со дня свадьбы он пытался утвердиться в роли хозяина. Почти получилось, но сегодняшний разговор и независимое поведение жены удивили Дмитрия.

Юрков почти всегда и всем был недоволен, любое событие воспринимал с недоверием. Дома раздражала безответственная жена, а на работе – разгильдяй-напарник. Даже сегодня, когда коллега Антон Ремезов ничего плохого-то и не сделал (подумаешь, припозднился на явку), Юрков отреагировал озлобленно.

– Где тебя носит? – возмущенно спросил он у двадцатидвухлетнего Антона, искоса глянув на него.

– Ты чего, Димок?

– Слушай, не называй меня этим идиотским прозвищем!

– Ах, извините, Дмитрий, не помню, как вас по бабushке...

Машинист хотел ответить на язвительные слова, но локомотивную бригаду пригласили на предрейсовый медосмотр. Ремезов совсем недавно вернулся из армии, не отошел от довольно неприхотливых обращений и простоватых

– Это говорит человек, не знающий, что прибор при стоянке не проверишь, – доказывал Юрков.

– Не нарушайте регламент переговоров! – грубо оборвал диспетчер.

– Вот и поговорили, – сказал Антон, когда машинист едва не швырнул трубку радиостанции.

Дима напряженно поглядывал на скоростемер, словно ожидая, что прибор вот-вот заработает.

– Посмотри по журналу, есть ли запись о неисправности от предыдущей бригады, – Юрков крепче сжимал ручку контроллера.

– Ничего там нет, я смотрел.

– А кто ехал до нас?

– Краснореченцы – наши...

– Приеду, придушу! – разозлился Юрков и дернул ручку контроллера резче обычного. Ремезов почувствовал, что ссора между ними вроде бы отошла на второй план.

– Поменять бы прибор прямо на ходу... – сказал Антон, но увидел, что Юрков недобро глянул в его сторону, будто оборвал пустой разговор.

– Когда в Войково прибудем, сразу дуй в заднюю секцию снимать прибор, а я здесь пока начну...

Разговоры помогают отвлечься от тяжелых мыслей – это было заметно по растерянному, взволнованному машинисту: он немного успокоился, расслабился и сконцентрировал внимание.

– Гляди-ка, еще и снег пошел, – задумчиво произнес Ремезов. За окном в свете прожектора стали мелькать снежинки. Успокоившийся Дмитрий вновь заволновался: затряслись руки, взгляд долго не мог сосредоточиться на полутемной дороге, едва освещаемой буферными фонарями.

– Что за ночь сегодня: то дождь льет полночи, то снег повалил, скорость не знаю, песок еле сыплет, еще не хватало обледенеть контактному проводу!

– Не паникуй, все будет, как у нас говорят, хоккей!

– Хоккей... – Юрков не понимал этих словечек своего помощника и готов был порой пристыдить его за развязное, как ему казалось, поведение нахала. Дмитрий недолюбливал вертлявых «своих парней», «в доску нашенских», именно поэтому часто злился на Антона и беспричинно раздражался, когда помощник начинал без умолку употреблять модные, жаргонные словечки.

Машинист старался угадать скорость поезда, держался, где возможно, в режиме выбега, хотя профиль пути был капризным: после Копылово начинался подъем – здесь на выбеге далеко не уедешь! За годы работы Юрков научился не только чувствовать электровоз, но и угадывать его характер, нрав. А нрав у каждой машины всегда свой: бывает, набираешь позиции, а электровоз капризничает – то с такой силой нарастает тяга, что на амперметрах стрелка до предела, то наоборот – еле выдерживаешь время хода по перегону. Большой радостью для краснореченских машинистов стало появление новых электровозов. Техника шестидесятых годов со временем просто перестала выдерживать повышенные весовые нормы поездов, длина составов и вес год за годом увеличивались. Растут скорости на участке, усложняется технология поездной работы (всё делается ради быстрой доставки грузов), а мощность электровозов прежняя. От изношенности техники зависят еще и межремонтные пробеги.

Далекie огоньки стали радостью: поезд приближался к Копылово. Впереди был последний перегон – и долгожданная замена приборов на станции Войково. Мимо проплыл поселок, не поселок – одно название. Несколько домишек, один фонарь в деревне и тот напротив зернового

склада на току. Сторожит ток какой-нибудь древний дед Макар, который сладко храпит под грохот частых поездов. Между складом и железной дорогой метров пятьдесят, не больше, а за током – деревенские скромные домишки, покосившиеся от времени. Молодежи в такой деревеньке нет, рабочие-железнодорожники приезжают на станцию работать, а после смены сядут в электричку – и домой, в город. Остаются в Копылово три старухи да тот самый дед Макар, что сторожит ночами склад. Службу свою несет он ответственно – такой храп стоит, что, подойдя к будке, становится понятно – ток с зерном под надежной защитой.

Одинокое домики проплыли. От выпавшего снега стало немного светлее. Дело шло к утру. На часы не смотрели ни машинист, ни его помощник – забыли.

– Почему за часами не следишь? – возмутился Юрков. – Потом спрашиваем: невыдержка времени!

– Какая невыдержка, Димок? – вдруг отозвался Ремезов и сразу притих, осекся, понимая, что вновь произнес прозвище, которое раздражало Юркова.

– Следи за часами! – машинист сделал вид, что ничего не заметил.

– Не за время получим, так за скоростемер, не за скоростемер, так за что-нибудь еще, а мне, между прочим, платят не так много, как тебе, – попытался возразить Антон, но понял, что Дмитрий может обрушиться с новыми претензиями на своего напарника.

Сразу после станции, где-то далеко впереди, появился робкий огонек – навстречу шел поезд. Юрков, и без того сосредоточенный, теперь нахмурился ещё больше: то ли свет бил в глаза, то ли слова напарника раздражали Дмитрия с новой силой.

Встречный поезд тащил за собой поземку – это стало заметно ближе. Первый выпавший снег лежал на насыпи, укрыв собой щебенку едва заметным слоем, но стоило

многотонному локомотиву пронестись над легким снежком – за поездом поднималась белая завеса, пелена. Приближающийся грузовой состав с наливными цистернами странно высоко поднимал клубы снега. Даже предрассветная мгла не смогла скрыть белое облако. Юрков почувствовал что-то неладное, но не решался начать бить тревогу – сомневался до последнего, пока отчетливо не различил клубы пыли вперемешку со снегом.

– Они не видят ничего, что ли! – крикнул Дмитрий, как ужаленный, схватив трубку радиостанции так, что та едва не выпала из его взволнованных и нетвердых рук.

– Четный! Четный! – голосил машинист, разрывая тишину эфира, но ему отвечало лишь легкое шипение канала. – Четный на 1356 километре, у тебя сход, тормози!

Не дожидаясь ответа машиниста четного поезда, Юрков перевел кран машиниста в шестое положение и начал экстренно тормозить. Встречный тоже стал останавливаться: то ли локомотивная бригада услышала истошные вопли в эфире, то ли упала тяга и по приборам заметил машинист, а может, разорвалась тормозная магистраль – кто знает, остается только гадать. Было ясно одно: никто в четном поезде не следил за габаритом своего состава. Педантичный, требовательный к себе Дмитрий старался выполнять инструкции, и когда видел чью-то халатность, моментально свирепел.

– Вот мерзавцы! – на выдохе сорвались слова. Он судорожно хватался то за трубку рации, то за ручку крана – видимо от волнения и шока. Два поезда встретились. Дима понимал, что столкновения с вагонами не избежать – чудовищная сила толкала электровоз навстречу сошедшим цистернам. Клубы пыли и снега были совсем рядом, торможение не помогало. Сошедшие с рельс вагоны, скорее всего, начали крушить почти всё на своем пути: вверх летели опоры контактной сети, вбок отбросило релейный

шкаф автоблокировки, следом полетел светофор, контактная сеть отключилась, но перед этим страшно хлопнул какой-то разъединитель, так, что, казалось, будто взорвались цистерны. Вверх летели шпалы, щебенка собиралась большими кучами, а рельсовая плеть от разрядки вылетела в сторону леса, как порванная струна лихой цыганской гитары.

– Прыгаем! – раздался голос Ремезова.

– Песок не помогает, – невпопад, будто в бреду, ответил Юрков. – Песочницы мне сразу не понравились.

– Прыгаем, Димок! – повторил помощник, открывая дверь кабины. – Убьемся ведь!

Дима, ничего не ответив, испуганно смотрел то на пульт управления, то на приборы – вольтметры и амперметр, словно пытаясь что-то для себя понять.

– Идиот! – фыркнул Антон, что было силы дернул на парника за рукав, пытаясь вытянуть из кабины. Он открыл дверь и, намереваясь прыгнуть, прокричал:

– Да пошел ты!

Поезд уже почти остановился, когда помощник выпрыгнул из локомотива. В открытую дверь электровоза ворвался оглушительный вой тормозов, и следом наступила тишина. Удара не произошло. Перепуганный Юрков ничего не понял. За лобовым стеклом, впереди, медленно оседала пыль, пролетал мелкий снег. Дмитрий судорожно открыл окно. В морозном утреннем воздухе чувствовался тяжелый запах горячей резины – так пахнут тормозные колодки вагонов после экстренного торможения.

У каждого машиниста свои, часто горькие, воспоминания, связанные с экстренными остановками в пути. У Дмитрия отзвуки памяти были свои: теплым летним вечером под его локомотив угодил человек. Говорят, добровольно. Это случилось давно – в первый год работы в депо. Долго потом являлся тот несчастный Юркову в снах. Перед

глазами возникал печальный вечер, словно из сказки: солнце медленно катилось вниз по небосклону, его лучи отражались в водах чистой реки, по берегам которой стояли, как на подбор, одинаково тонкие молодые березки. Темно-зеленая листва ярко блестела на солнце. Где-то гадала кукушка кому-то счастливую, долгую жизнь. Человек стоял за опорой контактной сети и вышел перед самым поездом. Никто не смог ничего сделать... Уже потом Юрков задумывался: разве не самоубийце пророчила кукушка, разве не тому бедняге она гадала нежным июльским вечером?..

Простояв с минуту, машинист решил спуститься на насыпь. Не надевая куртки, он сошел по лесенке на щебенку. Впереди, в свете буферных фонарей электровоза (работающих от аккумуляторов) лежал развороченный путь: рельсы угрожающе вздыбились из земли, а массивные бетонные шпалы были искрошены до арматуры. Щебенка оказалась вся изрыта, будто на месте крушения работало с десятков мощных бульдозеров или прошли танки и бронетехника. Неподалеку, метрах в пятидесяти от Дмитрия, поперек насыпи лежали цистерны. Авария произошла в хвостовой части поезда. После схода одного вагона, остальные пять или шесть соскочили с рельс позже. Они и крушили путь, ломали опоры, сносили шкафы, нагребли впереди себя щебень. Если бы Юрков предпринял экстренное торможение на пять секунд позже, в сошедший поезд врезался бы нечетный под управлением Дмитрия.

В случившееся не верилось. Иступленно стоя возле электровоза, машинист вдруг вспомнил, что не доложил по радиации о происшествии. Юрков опрометью поднялся в кабину и принялся голосить в безмолвствующий эфир: «Внимание! Машинистам четных и нечетных поездов!...». Он не мог сосредоточиться и вспомнить, что должен делать во время крушения: усталый взгляд не задерживался на предметах, руки тряслись, в голове не было никаких

мыслей. Какая инструкция? Их машинист уже не помнил по номерам. Десятки, если не сотни, распоряжений, указаний, приказов обязаны знать не только машинисты, но и все железнодорожники, и по всем приходится сдавать экзамены. Кто-то из старожилов вспоминал, что раньше день сдачи экзаменов был едва ли не праздником: работники специально наряжались в глаженую, чистую форму, шли в приподнятом настроении. Теперь же одни только локомотивщики сдавали зачеты и экзамены по два, а то и три раза в месяц – как бы между прочим: чего там, подумаешь – зайти в учебный корпус, да и сдать. Многие приговаривали: «Нам на экзамены сходить, как пройти предрейсовый медосмотр».

«Где мои инструкции?» – спрашивал себя Дима. Большая сумка для поездок была на треть набита разными удостоверениями, инструкциями, и всё важное, необходимое. Казалось, в дорогу можно забыть еду, сменную одежду или что-то из гигиены, только не забудь паспорт! А что, вдруг обратная дорога будет через территорию Зимбабве! А если отправят в космос? Нужно быть готовым почти ко всему!

Как назло, не было помощника. Его ещё предстояло найти. А если он замерз? Сильно пострадал при падении с локомотива и лежит теперь на голой земле? Это только в американских боевиках люди прыгают на скорости и максимум царапают лицо, рана пропадает не известно куда уже в следующем кадре. На деле же при скорости пять километров в час можно переломать все кости.

Достав тормозные башмаки, взъерошенный, с бегающим взглядом, Юрков поставил их на рельсы и скорее побежал надвигать на них состав. Он суетился и паниковал, то и дело вороша влажные от пота волосы. Рубашка промокла насквозь. В кабине он надел свою куртку и после закрепления состава отправился искать Антона.

– Как вас утораздило? – заговорил мужчина лет пятидесяти с шаблоном для измерения колеи, в сигнальном жилете, надетом на бушлат. Шапка-ушанка, валенки – Дмитрий догадался: перед ним бригадир пути. Доброе лицо мужчины придавало ему простоту. Человек стоял в метрах десяти от электровоза.

– Четный сошел, – растерянно ответил Юрков. – Наваляли...

– А я дежурил с бригадой в Войково. Чистили от снега стрелки, тут звонок от дежурной: бери машину и дуй на перегон – в сторону Копылово. Два поезда, говорит, встали на двадцать четвертой сигнальной точке. Посмотреть сказала, всё проверить. У энергетиков сработали разъединители контактной сети по двум путям. То ли обрыв провода, то ли сход. Локомотивные бригады не отзываются, правда, в эфире кто-то прокричал, что сход.

– Это был я, – проговорил Юрков, заметно нахмурившись. Ему не нравилось спокойствие бригадира. – Вы так непринужденно разговариваете, разве не пора собирать инструмент, поднимать людей, готовиться к восстановительным работам?

– А чего готовиться? – продолжал бригадир, добрыми глазами разглядывая Дмитрия. – О происшествии доложил, мужикам своим позвонил, они потихоньку собираются, не торопятся, ждут команды диспетчера пути. Я оценил масштаб, как говорится, подсказал, что нужно: сколько человек, сколько инструмента. Об остальном пусть беспокоятся руководители, у них головы большие. Сейчас покурю да поеду проверять, как подготовились мои мужички.

Бригадир спокойно закурил, огляделся вокруг и сказал:

– Твою ж мать! Только на прошлой неделе на этом месте заменил три шпалы, – на сером скуластом лице человека появилось недовольство.

– За своё беспокоитесь? – язвительно спросил Дима.

– Ну а за чьё! За твоё, что ли? Ты же не таскаешь на себе железобетонные шпалы!

– Слушайте, по-моему, вы порядочная... – Юрков не договаривал и, плюнув под ноги, зашагал в поисках Ремезова.

«Инструкции не нашел, помощника потерял, забыл порядок действий при крушениях, зато встретил какого-то мерзавца-путейца...», – перечислял Дима, пока бежал вдоль поезда. По-зимнему серое небо разразилось бураном: снег сыпал так плотно, что лес, стоящий в полосе отвода, был едва различим. Пробежав метров пятьдесят, Юрков увидел сидящего прямо на насыпи, возле колесной пары вагона своего напарника. Ремезов, как обычно, спокойно поглядывал вокруг, но при этом стонал. Даже обездвиженный, Антон, казалось, не переставал вертеться: крутил головой, оглядывался по сторонам – бездействие для него невыносимо.

– Что болит? – спросил машинист, подбегая к напарнику.

– Всё! Нога, бедро, – отозвался Ремезов.

– Прыгал зачем?

– А что лучше, погибать за правое дело? У меня зарплата не как у тебя...

– Лучше бросить товарища...

– Я тебя звал. Сам дурак – начал играть в героя-производственника... Ты что, фильмов советских насмотрелся про отважных фронтовых машинистов?

– Лучше помолчи!

– Кому нужен твой героизм, храбрость эта казенная? За деньги стараешься, отработываешь?!

– Молчи! – Юрков быстрым шагом пошел обратно, оставив помощника одного, но вдруг остановился и, немного подумав, вернулся. «Почему ты постоянно мне намекаешь про зарплату?» – думал Юрков, подходя к напарнику. Дмитрий попытался взвалить Антона на спину, но едва подняв

свою ношу и выпрямившись, упал вместе с Ремезовым прямо в снег. Антон больно ударил правую руку. Слой первого, только выпавшего снега не смягчил падение. Ремезов заорал благим матом:

– Идиот! Что ты делаешь?!

– Тебе помогаю, – Дима поглядывал на него, как ребенок – с какой-то непосредственностью.

– А если я руку вдобавок поломал?

– Извини... – виноватым голосом ответил машинист, всё так же, по-детски, глядя на лежащего Ремезова. Антон не знал, что делать: то ли держаться за правую только что ушибленную руку, то ли правой рукой поглаживать поврежденную ногу. Ныло и бедро, ударенное о твердую, подмороженную землю.

– Сам дойдешь? – спросил Юрков.

– Дойду! – нервно ответил помощник. Он попытался подняться, но почувствовал резкую боль в ноге. – Нет, не смогу!

– Волоком тебя тащить?

– Лучше катить, как бревно! – с плохо скрываемым сарказмом ответил Антон. Ремезов взглянул на Диму, на его легкую полноту и короткие ноги. Весь его вид вызвал у помощника раздражение. Он сам не знал почему, но что-то было в Юркове раздражающее. Вроде и не говорил нелицеприятных вещей, не был сейчас злым, но чрезмерная правильность Дмитрия вызывала если не тошноту, то усмешку.

И всё же от безысходности помощник ухватился за плечо Юркова. Несмотря на сильную боль, Ремезов попытался пройти метров десять. С каждым шагом, трудным и осторожным, бедро мучительно давало о себе знать. Диму не оставляла мысль взвалить товарища на спину.

– Давай снова попытаемся прокатиться, – уверенно сказал Юрков.

– Нет! – завопил напарник, заметно округлив и без того большие глаза. – Не надо!

– Что ты предлагаешь?..

Как ни пытался Ремезов сопротивляться, Дмитрий его всё же убедил. Антон повис у Юркова на шее, как тяжелый мешок. Далеко не ушли: было тяжело.

– Хватайся за шею!

– Зачем?

– Делай, что говорят!

Придерживая левой рукой за ноги, машинист нес своего напарника на руках.

– Я не носил никогда на руках даже жену! – искоса поглядывая на Ремезова, пропыхтел Юрков.

– Ничего, а меня будешь носить, муженек! И обеспечивать станешь: зарплата у тебя хорошая, больше моей, – превозмогая боль, попытался пошутить Антон!

– Пошел ты! – закричал Юрков, неаккуратно ставя на ноги раненого товарища.

– Я же пошутил...

– Опять твои шуточки! Что ты всё меня деньгами прекаешь?! – злился машинист. Он и раньше не понимал вычурного стеба. Неосторожно сказанные слова воспринимал в лоб. Много домысливал. Юрков заметил, что помощник стал часто затрагивать тему денег.

Из снежной пелены показались машины. Одна другой больше – Уралы, КамАЗы да вездеходы, – они торопились на место крушения со стороны Копылово. Часть автомобилей осталась далеко позади – в начале сошедшего поезда, а другая направлялась к месту схода. Первыми спешили железнодорожные руководители, за ними следом – милиция, пожарные, МЧСники, скорая помощь и восстановительные бригады. Там, где появляются большое начальство, прокуратура, администрация области, большие расчеты пожарных и МЧС, всегда рядом оказывается пресса

и телевидение. Газетчиков и телевизионщиков терпеть не может руководство железной дороги (пытается скрыть любую информацию), но никуда не денешься – приходится кое-что разглашать.

Так поставлено дело на транспорте: случилась беда – сошли с пути вагоны, собрались в кучу малу, или, чего доброго, залезли друг на друга – этажа в четыре, – можешь или нет, но через несколько часов обязан дать дорогу другим поездам. Вот и носятся ошалелые железнодорожники возле огромной кучи металлолома, кричат и матюгаются на чем свет стоит. Друг другу мешают, толкаются, лопаты делят да ключи. Между рабочими, путаясь под ногами, с важным видом снуют многочисленные руководители. У начальства, как всегда, телефоны разрываются, докладывают своим руководителям, кто-то оправдывается в трубку: «Ну что вы, Николай Михалыч! Надо разбираться, здесь о причинах говорить рано, будем работать...». И действительно, будут работать. Вагон готов завалиться на бок (чудом держится зажатым между других вагонов), а возле него будут носиться начальники, рабочие с ломami, и всем что-то надо, у всех свои задачи.

И что удивительно, вопреки всему, уже скоро после любого крушения пойдет по восстановленным путям первый поезд, словно человек через лесную глушь, пробираясь по опасному участку.

По мягкому снегу машины подъехали быстро. Было видно, что торопились. Огромный КамАЗ с надписью на будке «МЧС» подъехал к Юркову и Ремезову и остановился прямо у насыпи, накренившись одним боком на подъеме. Юрков сильно удивился, когда увидел вместо медработников командиров МЧС. Не здороваясь, они молча подошли и спросили:

– Ещё пострадавшие есть?

– Здесь нет, – растерянно ответил Антон, неустойчиво держась на одной ноге, придерживаясь за вагон.

– Что значит, здесь нет? – с непонимающим видом спросил какой-то большой руководитель.

На нем была каракулевая шапка, как у военного, и синяя куртка с погонами подполковника. Не дожидаясь ответа, начальник отправился дальше, но, остановившись в нескольких шагах, долго оглядывался по сторонам. За ним, как по приказу, озирались и остальные подошедшие люди – руководители пониже рангом. Вслед за делегацией на насыпи показались медработники. Они не решались подойти к Ремезову.

– Ну что, Анатолий Степаныч, развернем штаб? – спросил у старшего начальника младший, с аккуратными, едва заметными усиками штабс-капитана из царской армии.

– Да какой там... – неохотно ответил большой чин и, уже спускаясь с насыпи, добавил: – Не надо шумихи, мы не гуманитарную помощь оказываем. Рядовая техногенка – ерунда.

«Мерзавец!» – подумал Юрков, но тут же отвлекся – подошли медики.

– Скажите, оказывать помощь при начальстве вы не желаете: боитесь показать некомпетентность? – нервно спросил машинист, заносчиво, свысока поглядывая на медиков.

– А вы суетитесь перед глазами своего шефа? – ответила вопросом молодая девушка с белокурой прядью волос, торчащих из-под башлыка.

– Понимаю, великая неназойливость...

Юрков не терпел сарказма, острот, как ему казалось, людей не очень умных, тем не менее сам он острить любил и как-то не замечал в этом ничего предосудительного.

– Вам нужна госпитализация, – бойко заговорил человек интеллигентного вида: большие очки, спокойные жесты и размеренная речь. Человек был одет в специальную

форму. Юрков сразу приметил, что костюмы спасателей смахивали на спецодежду железнодорожников: такие же светоотражающие вставки на комбинезонах и огромные башлыки на куртках.

«Пингвины!» – усмехнулся Юрков, приметив, что медики слегка неуклюжи в своих одеяниях.

Машинист вновь не находил себе места: «Оставаться в электровозе или нет?» – думал он. Ни одна инструкция не шла на ум. «И зачем я это всё учил, если ничего не могу вспомнить!» – ругал себя Дмитрий, пытаясь отыскать в дальних углах памяти хоть бы один пункт из правил технической эксплуатации.

Сколько работал он на транспорте, всё мечтал строже относиться к делу, которому, как ему казалось, служил. Но трудиться по букве закона было очень нелегко, постоянно что-то мешало: одни инструкции и распоряжения противоречили другим, одни цифры перекрывали другие, нормы противоречили условиям работы. Даже сами руководители, часто твердившие о святости инструкций, относились к ним зачастую с легким недоверием, но всё же старались соблюдать. Отношение коллектива к руководящим указаниям напоминало усмешку, будто к комиксам. За Юрковым закрепились репутация педанта и формалиста. Кое-кто считал его стукачом, однако доказательств тому не было, но слухи были крепки. Одним слушком больше, одним меньше – Дима старался не обращать на кривотолки ровно никакого внимания. Будь он хоть немного проще, наивнее и скромнее, его воспринимали бы иначе – чудаковатым, немного блаженным и юродивым, но Юрков был даже на вид серьезным, убежденным. Поговаривали, что его вскоре заберут в ревизоры. «Я хочу упорядочить жизнь», – успокаивал себя Дмитрий, когда слышал очередные сплетни. Татьяна болезненно переживала рвение мужа изменить жизнь, считала его инфантильным идеалистом.

Сам же Дмитрий, бывало, начитается распоряжений, положений и приложений к ним, и начинает принимать электровоз перед дорогой по сорок минут. Движенцы от такого локомотивщика впадали в приступы свирепства: писали докладные в депо и рапортовали, но ничего поделатъ с ним не могли – он действовал по закону. Руководители депо читали бумаги с жалобами на своего работника и лишь переглядываясь, ухмылялись. «Во дурак», – крутили пальцем у виска коллеги машинисты, с любопытством на напарника поглядывал Ремезов.

В замешательстве Юрков отправился к месту, где лежали вагоны, была перерыта земля. Выпавший снег уже успел запорошить искореженные цистерны. Возле них стояли железнодорожные начальники. Они о чем-то беседовали, а вокруг беспорядочно бегали рабочие: путейцы, энергетики, связисты. Одни зачем-то долбили мерзлую щебенку и кидали её, вторые налаживали освещение, третьи тянули какие-то кабели. Дмитрию встретился бригадир пути, который приехал на место крушения первым. Куда делось его спокойствие и невозмутимость? Теперь он носился, как ошпаренный: хватался за инструменты наравне с простыми монтерами – создавал видимость работы, как это делали многие. Бригадир насмешливо глянул на Юркова, как бы говоря: «Эх, ты, молокосос! Много ты понимаешь в жизни-то?!». Метрах в двадцати от места столпотворения Юрков заметил вытекающую жидкость из помятой цистерны. Что-то темно-желтое сочилось из сливного люка прямо на щебенку. «Почему все стоят?» – подумал Дмитрий и, выхватив у молодого рабочего совковую лопату, рванул к вагону. Жидкость, вытекая, уже образовала большую лужу, неподалеку от которой стояли те самые руководители МЧС, которые подходили к Юркову и Ремезову. Чин

в каракулевой шапке, больше похожей на папаху, кому-то звонил, видимо, решая, что делать с содержимым вагона.

Долго не раздумывая, бросив лопату, Дима залез под цистерну и сразу заметил слегка отошедшую фиксирующую скобу на сливном устройстве. Стопорного пальца не было – видимо вылетел шплинт, но вместо него нашелся длинный срезанный болт. Он мог заменить палец. Болт лежал прямо под ногой у Юркова.

– Никуда ты не денешься, девочка! – проговорил Дима, обращаясь словно не к металлической вещице, а к человеку, и принялся прилаживать болт озябшими руками. Он не чувствовал холода. Закрепив болт, заметил, что жидкость все же капает. «Неплотно сидит крышка», – решил машинист. Не раздумывая, он снял зимнюю железнодорожную куртку. Юрков просунул рукав между корпусом устройства и крышкой. Оставалось установить болт. Вещество перестало капать.

– Ты чего здесь делаешь?! – заорал какой-то усатый и очень толстый начальник, который будто специально выжидал, когда Дима устранил вытекание.

– Капало...

– Капало ему! Нечего здесь шлаться! – наигранно возмущался толстый, фальшиво хмуря лоб.

– Что здесь произошло? – спросила какая-то дамочка в белом пуховике и с коричневой папкой в руках, подходя словно к месту представления. – Нарушает?

– Да нет, ерунда... – хмуро проговорил толстый.

– Где ваша куртка? – не успокаиваясь, продолжала она. Дмитрий понял: «Охрана труда. Надо сматываться». Никогда до этого он не попадал в столь глупое положение. А ведь Дмитрий считался едва ли не буквоедом: все делал правильно, по инструкции. Юрков направился в сторону своего поезда.

– Юрков, остановитесь! – послышался мужской голос сзади. Это удивило машиниста – должна была догонять дамочка. Приятный басок был хорошо знаком.

– Стой, говорю! – настойчиво крикнул кто-то, но Дмитрий продолжал идти. В душе царила легкая досада: человек (толстяк, походивший на городничего из гоголевского произведения: усищи, мундир, не хватало бакенбард) привлек внимание этой воспитательницы в белом пуховичке из дорогого магазинчика для эмансипированных особ.

– Да ты что, не слышишь?! – громко гаркнул человек, со всей силы дернув Юркова за плечо. Перед машинистом стоял начальник депо Ченцов.

– Ты что, без колокола не слышишь?

– Да я... чего надо ей от меня?

– Кому?

– Да этой... патронше...

– Кому? – не понимал Ченцов, растерянно глядя на своего подчиненного.

– Ну... сама...

– Кто сама?

Дима понял, что Ченцов ещё не в курсе, и до него дошло, что он вновь оказался в нелепой ситуации.

– Михаил Сергеич, я задумался просто... – неумело попытался выкрутиться Юрков, но заметил удивленный взгляд начальника.

– Почему без куртки ходишь?

– Устранял течь нефтепродуктов, – ответил Дима, подспудно понимая, что, возможно, Ченцов вполне может знать о происшествии. «Дурачком прикинулся», – подумал Юрков, стараясь не выдавать своих мыслей. Подозрительность была частью характера машиниста и теперь, как ему казалось, не подвела. «Раскол», – подумал он.

Голова Ченцова была забита тяжелыми мыслями. Он не слушал Юркова еще и потому, что не интересовался

вопросом о верхней одежде подчиненного, вопрос был задан ненароком, бесцельно, потому что задавался всегда, когда руководитель видел несоответствие. Лишь бы электровозы оказались полностью исправны в момент крушения – вот что заботило Ченцова. Он всерьез боялся итогов расследования. Тяжелый взгляд начальника взволнованно скользил по предметам.

– Пошли во-о-о-н в ту машину, – Ченцов показал пальцем на огромный черный джип, стоявший около лесопосадки, – там сидит транспортный прокурор. Дашь ему устный ответ и напишешь объяснение на мое имя...

– Понял, – растерянно ответил Дмитрий, словно ему пригрозили, дав острастку вопросом: «понял меня?!».

Салон автомобиля напоминал хорошо меблированный дом: кожаные сиденья, просторно, уютно, тепло. Машинист стал сбивчиво отвечать на вопросы, но вскоре осмелел, и начался не диалог прокурора и свидетеля, а настоящий монолог рабочего – простоватого, сумасбродного и даже немного безрассудного мужика, вышедшего из телятника. Такое состояние было несвойственно Юркову, и Дима открывал себя в этой обстановке как бы заново, но ничего с собой поделать не мог. Он отчетливо понимал, что несет какую-то ерунду и вздор. Впрочем, за нелепым с виду монологом стояла правда – честный рассказ.

– Понимаете, поездка не задалась с самого начала: про-верял локомотив – песок под колеса не подается как надо...

– Постойте, – резко перебил внимательный прокурор, – вы сказали, что песок сыпался плохо, или он вовсе не подавался?

– Видимо, песочницы были не отрегулированы: одна еле сыпала, вторая вообще неживая. Так на обеих секциях электровоза.

Юрков сам себе не нравился в этот момент: театрально размахивал руками, когда рассказывал факты, притворно

менял голос. От возбуждения ли, от азарта ли, Дмитрий почувствовал, что на него смотрят, слушают его речь и ещё больше впадал в неестественное, возбужденное состояние. Он почувствовал толчок в правый бок. Рядом с ним на заднем сиденье находился Ченцов. Начальнику, видимо, не нравилось, что говорил его подчиненный, и он давал понять: замолчи! Машинист сконфузился. Потирая грязные, пахнущие какой-то гадостью руки, Юрков умолк.

– Кстати, что было в цистернах? – спросил Ченцов у сидящего на переднем сиденье прокурора. Человек в погонах, с гладко зализанными на затылке волосами даже ни разу не обернулся, пока шел допрос. Считался ли он официальным, никто не знал. У Дмитрия сложилось такое впечатление, что холеный прокурор с массивным затылком считал аварию не больше чем техногенкой, как выразился такой же грузный, видом как самовар, руководитель от МЧС. Это раздражало Юркова. В этом он видел разгильдяйство и разнузданность. Так и хотелось крикнуть этому медведю: «Барин, начни работать!».

– Лигроин, – нехотя проговорил король с переднего сиденья.

– Что? Лигоро... – не смог повторить Дима, плохо слышав слово.

– А когда проходил плановый ремонт ваш электровоз? – перебил прокурор.

– Месяц назад, – немедленно ответил Ченцов, видимо, опасаясь, что Юрков продолжит нести какую-то чепуху.

– Я не вас спросил, Михаил Сергеич! – грубо оборвал человек в погонах. – Что ещё было не так во время поездки?

– Всё хорошо, – теряясь, ответил машинист, трусливо глянув на Ченцова.

Прокурор, не спеша, как настоящий плантатор, владелец земель в неведомом царстве, многозначительно

повернул голову и боковым зрением глянув на сидящих сзади, лениво произнес:

– Михаил Сергеич, вы бы не могли нас оставить одних.

Начальник покинул салон. Захлопывая дверь, он презрительно и зло глянул на Юркова. Почему-то именно теперь Дима почувствовал запах дорогих, с горчинкой, духов.

– Продолжайте, – непринужденно сказал прокурор.

Машинист боязливо поглядывал на черные волосы затылка с проступающей то там, то здесь сединой. Он смотрел на человека в форме и думал: правильный ли шаг сделан. С одной стороны, не Расскажи всё как есть – будет мучить совесть, а с другой – ему доверял руководитель, *которого он, можно сказать, предал. Но разве школьные учителя не призывали не обманывать, жить честно? Разве родители не говорили: «не ври», когда с опущенным в пол взглядом приходил домой после игры во дворе? Рукав рубашки порван, на спине – следы грязи...*

– Потом выяснилось, что скоростемер не работает, – продолжил Юрков, потупив глаза. Былой решимости в голосе уже не было, сильно волновался, руки тряслись. Не зная, куда их спрятать, Дмитрий сложил на груди, потом решил спрятать под себя, неловко подперев ими бедра.

– Скоростемер? Вообще?

– Вообще. Я хотел поменять его в Копылово, но поездной диспетчер приказал следовать до Войково.

– Почему?

– Профиль пути не позволяет останавливать тяжелые поезда, – стал увереннее говорить Дмитрий, – и к тому же, в Копылово я бы не поместился – длина станционных путей не позволяет...

– Зачем помещаться? – любопытствовал прокурор так, что, казалось, стал немного проще, раскованнее.

– Сзади меня идут поезда. Если поставить на боковой путь мою машину, хвост останется на перегоне. В этом

случае нужно обгоняться, да и замена скоростемера заняла бы минут двадцать.

– Обгоняться... Слова-то какие, почти что догоняться, – попытался съязвить прокурор. – Скажите, этот прибор берется из запаса?

– Нет. В задней кабине стоит такой же.

– Что было дальше?

– Проехали Копылово. Снег сыпал, видимость плохая. Вижу, встречный идет, а сквозь предраассветные сумерки прорывается то ли пыль, то ли завируха сильная. Ну я и взбунтовался...

– Где ваш напарник?

– Отправили в больницу. Что-то с бедром и ногой...

– Почему? Ведь ваш поезд не участвовал в аварии...

– Да Антошка напугался, ну и сиганул из кабины...

Когда вышел из прокурорского джипа, Диму окрикнул паренек лет двадцати пяти.

– Мне сказали, что вы остановили утечку нефтепродуктов, это правда?

– Вы кто? – глядя в голубые глаза бородатого парня, спросил Дима.

– Я корреспондент областной газеты.

– Ничего героического в моих поступках не было, поверьте, – отмахнулся Юрков и пошел дальше.

«Я не пал нравственно!» – успокаивал себя машинист, торопясь к составу. Он поднялся по ступенькам в кабину, которая оказалась битком набита людьми. Ченцов уже был здесь. Начальник, как прежде, поглядел на своего работника и резко отвернулся от него, всем видом показывая, что Юрков ему неприятен. Заместитель Ченцова по эксплуатационной работе что-то спросил у Дмитрия, но не получил ответа – машинист был погружен в свои мысли.

– Юрков! – едва не закричал Ченцов. – Слушай меня! Будем пятиться в Копылово, назад. Пока ты там...

докладывался прокурору, к поезду сзади подошел вспомогательный тепловоз, он будет нас вывозить с перегона. Состав отторможен, пантографы опущены – напряжение в контактке снято. Будем выезжать пассажирами. Связывайся с тепловозом и следи за тормозами.

Ченцов доложил, как на плацу, отчеканивая каждое слово, держался подчеркнуто холодно.

– Сексот – вот ты кто, – как бы невзначай сказал машинист-инструктор, зачем-то склонившийся над Юрковым, пока в кабине царила неразбериха: все шумели и толкались, заполняя какие-то акты, протоколы и таблицы.

– Ты кто такой? – буквально закричал Дмитрий, трясушимися руками пытаясь ухватиться за ворот рубашки машиниста-инструктора. – Я с тобой потом поговорю!

– Что случилось? – спросил кто-то, но ответа не последовало. Юрков недоумевал, смотрел на людей в кабине испуганными глазами и едва не плакал от нахлынувшей обиды. Такого публичного позора он не испытывал никогда.

– А ну выметайтесь все отсюда! – закричал машинист, оттолкнув руководителей от панели управления. Он схватил бумаги, лежавшие на пульте, и чуть не швырнул их в своего обидчика. Инструктор спрятался за спиной Ченцова, испуганно поглядывая на разъяренного Дмитрия. На Юркова смотрели недобро. Сцена походила на древнюю русскую игру, когда одна команда вставала напротив другой, и по команде люди набрасывались друг на друга.

– Ненормальный какой-то! – переглядывались начальники, недоумевая. Кто-то в замешательстве выронил ручку и растерянно шарил взглядом по полу, изредка поглядывая то на Юркова, то на своих коллег.

В Копылово началось разбирательство. Ченцов попросил написать ещё одно объяснение и, прочитав, сказал:

– Почему бросил незакрепленный состав, а сам пошел закрывать сливное устройство цистерны?

– Я закрепил.

– Сколько башмаков использовал?

– Два.

– А сколько надо было?

– Навскидку не скажу.

– Ясно! – Ченцов стукнул ладонью по столу. – Будешь сдавать экзамены по всем инструкциям! И ещё, – задумался начальник, сделав многозначительную паузу, – первый заместитель начальника дороги по телефону общался с транспортным прокурором, понимаешь, о чем я говорю?

– Не совсем.

– У нас неприятности. Первый заместитель остался недоволен всей нашей работой: произошло крушение, но это полдела. Главное, мы не сумели скрыть инцидент от местных властей, подняли скандал на всю область и даже... страну! – Ченцов серьезно смотрел на Юркова, пытаясь его морально раздавить. – Мало того, что на месте аварии за МЧСниками появились государственные люди, так за ними потянулись газетчики и телевизионщики. В каком свете они преподнесут информацию? У начальника Краснореченского региона железной дороги первый заместитель спросил о том, как узнал прокурор все обстоятельства дела, понимаешь? А мой непосредственный шеф обратился ко мне с таким щекотливым вопросом. Только мы с тобой общались с прокурором, и он лишь от нас мог узнать про неисправные скоростемеры и забитые песочницы. Среди других болтунов нет! В каком свете ты выставляешь меня? Руководство дороги объявило решение: предупредить начальника нашего региона о твоих художествах. Конечно, я не сказал, что мои работники разболтали всю информацию, но на меня посмотрели вопросительно. Из Москвы выезжает комиссия по экологии с участием руководства

нашей компании. Акционерному обществу грозит много-миллионный штраф, который поделят на все предприятия Краснореченского узла. Меня предупредили, что доля общей суммы будет не равной – депо предстоит платить больше всех. Откуда мы возьмем деньги? Правильно ты подумал, Юрков, из зарплаты наших машинистов и помощников. Я сверну помощь молодежи, пенсионерам, урежу к чертовой матери спорт, разгоню самодеятельность. Нам не видать больше побед ни в отраслевых соревнованиях, ни в общедорожных. Но главное, никто не увидит элементарных премий, не говоря о тринадцатой зарплате!

Только теперь Юрков разглядел своего начальника: слегка волнистые волосы аккуратно зачесаны набок, большой лоб (кажется, умный человек обладает таким лбом), большой, но аккуратный нос.

Об этом человеке много говорили в депо, много сплетен и слухов ходило о нем. В чем только не обвиняли: развалил депо, построил себе особняк на далеком острове в Средиземном море (правда, где именно, никто не знал), и сын у него наркоман и развратник, и жена у Ченцова работала в газетном киоске, а теперь её взяли в бухгалтерию в вагонное депо, а сам Ченцов давно болен раком. Начальнику не нравилось такое отношение к его, как ему казалось, скромной персоне, обижался на людей, но зла по-настоящему не держал, был отходчив, с людьми держался учтиво. Когда сокращали штат работников и Москва откровенно давила на Ченцова, он держал работников до последнего – старался не давать в обиду. Прощался лишь с теми, кто делал подлость. Многие испытывали к нему неприязнь. При чем те, кто не любил, не могли дать точный ответ, за что. Руководители – помощники и замы – открыто улыбались, с охотой разговаривали, только всё это было большой игрой, лицемерной и беспощадной. Ченцов за годы работы начальником и сам научился лгать,

изворачиваться, он стал беспощаден к своим обидчикам: всё припоминал. Его подстегивали прошлые пощечины и уязвления. Кто знает, может, и этот инцидент очень хорошо запомнился руководителю депо...

Разбор проходил в кабинете начальника станции Копылово. Выйдя из служебного здания, Дмитрий обратил внимание на суету: по перрону, как сумасшедшие, носились рабочие, они чистили асфальт – убирали свежавывавший снег. Возле одной из бытовок толпились железнодорожники: начальник станции, пока в его кабинете шел разбор, лично выбрасывал какой-то хлам и ругал подчиненных, небрежно пиная ногой железяки. Стало понятно: все ждут приезда высокого начальства.

II

За дере^ушкой виднелся березовый лес. Деревья расставались с листво^й неохотно, несмотря на первый морозец, кое-где из-под снега еще виднелись тускло-желтые, почти незаметные листья. Юрков огляделся вокруг: ни души, село будто вымерло. Машинисту захотелось окунуться в эту кажущуюся безмятежность деревенской жизни. Забрать бы дочку с женой – и сюда. Многое поменялось бы в его жизни. Только не заманишь Татьяну в эту глухомань никаким калачом. Совсем другая она: не хозяйка и не сельская простушка. А есть ли они – простушки в деревне? Есть, только совсем мало их даже здесь, среди незатейливой, сложной, даже трудной жизни. А может быть, здесь доживают свои деньки несколько стариков? Не о них ли шла речь в самом начале? Кто знает, может, здесь живет тот самый выдуманный, почти сказочный дед Макар. Сторожит ночами ток: храпит себе в своем похожем на курятник складе.

Дмитрий стоял лицом к железной дороге и опомнился лишь когда мимо него стали проплывать вагоны. На станцию прибывал тот самый поезд, сошедший с пути. Вагоны, попавшие в аварию, остались лежать на месте крушения.

До этого он не замечал, что вышел из кабинета начальника станции без куртки. Только сейчас, когда почувствовал озноб и заложенность носа, понял, что заболевает.

– Где верхняя одежда? – слышался строгий женский голос откуда-то сзади. Машинист повернулся и увидел трех уже не молодых особ с блокнотами. Одна из них была той самой патроншей: в белом пуховике и с коричневой папкой в руках. «Только вас ещё не хватало!» – подумал Дима.

– Покурить выходил, – не раздумывая, ответил он, понимая, что вранье написано у него на лице.

– Ложь во спасение, – точно подметила одна из женщин. Всё стало ясно: патронша решила преследовать Юркова. Ей нужны замечания для отчетности, для статистики, для получения поощрений и премий.

– Составим бумагу, – глянула с презрением патронша в белом пуховичке.

– Никуда я не пойду! – гневно ответил Дмитрий.

– Тогда отстраним от работы.

– А я уже...

– Что уже?

– Отстранен, вот что! – едва не крикнул Юрков и зашагал в сторону кабинета начальника станции, где временно расположился Ченцов.

Начальник локомотивного депо расспрашивал недавно приехавших машинистов поезда, в котором случился сход. В кабинет буквально ворвался разъяренный Юрков и сходу закричал:

– Хотите мне жизнь сломать, да?!

– Почему врываетесь? – ответил возмущением Ченцов, не ожидая такого напора подчиненного.

– Хотите мне жизнь сломать?! – повторил Юрков. Его глаза блестели, руки тряслись.

– Выйди вон! – закричал Ченцов, шокированный бестактностью машиниста.

– Жизнь мне сломать!.. – безумно продолжал Дмитрий, бессвязно продолжая задавать один и тот же пустой вопрос.

– Вон! – как выстрел, прозвучали слова начальника. Казалось, Ченцов готов наброситься на своего работника. Он никогда не позволял подчиненным вести себя вызывающе, тем более вести себя бесцеремонно.

В кабинет вошли женщины, среди которых – патронша в белом пуховичке. Они чинно расселись на стульях у стены. Ченцов притих, но было понятно: персоны слышали скандал.

– Михаил Сергееч, ваш работник нарушает требования инструкции по охране труда, – начала свой диалог самая строгая – в пуховичке, сложив при этом ногу на ногу и обхватив руками худое, обтянутое модными брюками колено.

Её речь, официальный тон и высокомерное выражение лица напоминали доклад секретаря уже давно не существующего райкома безвозвратно ушедшей от всех партии. «Вожак», – мелькнула мысль в голове Юркова, от которой он готов был рассмеяться, но чувство смятения пересиливало.

– Что произошло?

– Вы уверены в психическом здоровье вашего работника? Дело в том, что он едва не набросился на нас с кулаками. Мы всего лишь спросили, где его куртка...

– Х...хорошо, – заикаясь, ответил Ченцов, по-видимому, перепуганный новыми неприятностями.

– Что вы врете?! С какими кулаками!

– Мы примем меры...

– Примите! И ещё, проверьте его на вменяемость.

– Проверим...

- Убедитесь в его нормальности!
- Убедимся...
- Что значит убедимся? Он неадекватен!
- Проверим... – потерянно отвечал Ченцов с видом глупым. Было заметно, что он боялся всего: проверки ли охраны труда, ревизии ли, своего начальника ли – всё равно, Ченцов был подчиненным для руководства более высокого и боялся всего, ровно как и его подчиненные.
- Да вы в своем уме?! – вновь закричал Юрков.
- Быстро за дверь!

Разгоряченный Дима выскочил из кабинета, едва не сбив с ног начальника станции. Как настоящий хозяин, начальник властно и бодро шел к себе в кабинет, где проводил разбор Ченцов, но не успел станционный барин открыть добротную деревянную дверь, как какой-то молодой нахал – неповоротливый, мешковатый телепень, буквально вывалился из станционной конторы.

Пыл быстро иссяк. Прошло несколько минут. Юрков сидел на лавочке возле остановки электричек. Он никак не мог поверить, что прошлая ночь изменила его жизнь. Но как – было непонятно. Любое его действие теперь вызывало непредсказуемую реакцию со стороны. Столько лет он потратил на завоевание расположения первого руководителя депо, но всё рухнуло. Наверняка Ченцов считал Дмитрия хорошим специалистом: ответственным, немного занудным, но эта нелепая ночь и полное сумбура утро изменили ход истории – его истории, личной, сложной, противоречивой истории Юркова, его жизни. Дима стоял на пороге чего-то неизведанного и боялся этой неизведанности. Как часто бывало в его жизни, он стал подозревать людей в преследовании, в учинении препятствий.

Подняв взгляд, Дима увидел Ченцова. Неслышно подойдя, словно крадучись, начальник внимательно смотрел на своего работника.

– Что скажешь? – спросил Ченцов после долгого молчания.

– Ничего...

– Плохо.

– Чего она за мной следит? Эта спикерша со своими ученицами?

– Выбирай слова, Юрков!

– Замечаний мало ей?

– А я ведь хотел нормально поговорить...

– Зачем она?

– Она искала замечания и нашла, а вот ты вновь топишь меня, своего руководителя: подводишь, ведешь себя, как девка с базара...

– Зачем она?..

– Зачем она! – передразнил Юркова Ченцов. – Заладил... Ты похож и впрямь на дурочка, юродивого. Хотя знаю, что парень неплохой. Испытываешь моё терпение. Я выброшу тебя из депо, и куда пойдешь, отец семейства, в городе, где кроме железной дороги, нет ровно ничего? Славу себе зарабатываешь невыгодную, дурак.

– Я курткой заткнул цистерну, а она...

– В общем, так, сдавай свой талон по охране труда.

– Почему именно вам?

– Сдавай, у меня нет времени на душевные разговоры: надо ехать обратно, на место аварии, там уже начальник дороги, скоро приедет комиссия из Москвы.

Юрков не стал спорить. Он достал талон и спокойно протянул его Ченцову.

– И надень, в конце концов, куртку или бушлат какой-нибудь, зима наступила. Я и так получил за твои выходы и ещё получать буду.

В ответ Юрков лишь поспешно поднялся с места и отправился, сам не зная куда, но вдруг опомнился и окрикнул Ченцова:

– Делать-то что теперь?

– В каком смысле? – обернулся начальник депо, но сразу догадался, о чем спросил Дима. – Домой, спать. Кстати, автобус за тобой уже пришел. Готовься к разбору в депо, порядок такой...

«Один разбор прошел – мало!» – подумал Юрков, понимая, что впервые в жизни поставил под сомнение правильность, бесспорность, бесприкословность любых законов, правил и указаний. Он удивился этому сомнению и улыбнулся как-то невольно, как делает это ребенок, впервые сталкиваясь с новым, неизвестным предметом.

Дмитрий ехал в автобусе, смотрел на вновь повалившийся за окном снег, но ничего не замечал. В голове играла какая-то странная, тихая музыка. На ум пришли слова знакомого с детства стихотворения:

Клен ты мой опавший,
Клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись,
Под метелью белой...

В снежном тумане проплывали березы, склоняясь под порывами ветра. «Настоящая метель разыгралась. Зима пришла», – подумал Юрков и поудобнее устроился в мягком, удобном кресле автобуса.

III

Вернувшись домой, Юрков не спешил рассказывать жене о случившемся. Молча принял душ, пообедал и лег отдыхать. Он пришел домой без куртки. Водитель автобуса,

видя, что машинист без верхней одежды, ничего не говоря, подвез Юркова прямо к подъезду.

«Даже не заметила ничего...», – думал Дима, лежа в мягкой постели. Он пытался заснуть, но спать не хотелось: то ли возбужденное состояние, то ли мысли мешали машинисту всё забыть и отдохнуть. В голове вертелась мысль: «Уважала бы меня Таня – заметила бы, что не в порядке одежда: куртки нет, рубашка грязная...». Юрков думал ещё и о беседе с прокурором. На первый взгляд нормальный разговор на деле оказался допросом – официальным, юридическим, который стал едва ли не наводкой, доносом, чем-то позорным. А ведь Юрков всегда думал, нравственны ли его поступки. Как оказалась тонка грань! Как сложен механизм под названием жизнь! Как легко вымазать, вымарать руки дегтем! Нужна была правда, как ему казалось, и он её сказал. Только вот вырвались эти правдивые слова сами собой, будто бессознательно они вышли, отдельно от мыслей Юркова. Хорошо подумав, Дима никогда бы не стал рассказывать прокурору все моменты пбездки. Как это бывает: «да» и «нет» – все слова, но ведь он не виноват, что локомотивные бригады не оставляют никаких записей после себя в бортовых журналах, кроме одной: «Узлы электровоза работали нормально...». Вранье – запись, повторяемая каждым машинистом, каждым помощником из поездки в поездку, а на деле: то проблемы с песком, то двигатели подводят, то компрессоры. Вот и выкручивайся как хочешь во время пути, когда надо и выдержать скорость, и сэкономить электроэнергию, а потом ещё и отчитаться за всё – цифры должны сойтись. Пусть всё плохо, пусть журнал для начальства, но сами машинисты не готовы передавать электровоз как положено, а всё почему – ответственность ложится на тех, кто ехал раньше. Не примешь машину, откажешься ехать, а отвечать другим.

Отдохнув три часа (провалявшись в кровати: какой сон, даже несмотря на усталость и переутомление), Юрков встал с головной болью. Хмурый, болезненно осунувшийся Дмитрий был словно сам не свой: глаза красные, появился насморк и сухой кашель. Взволнованная Татьяна беспокойно поглядывала на мужа и, не выдержав, спросила:

– Что произошло?

– Долго рассказывать, – отмахнулся Дима, но, подумав, всё же продолжил:

– Перед нашим носом сход произошел: встречный наделал беды, мы едва живы остались, Ремезов в больнице.

Татьяне захотелось обнять мужа и приласкать. Его слова заставили забыть все разногласия, тот неприятный разговор ночью, перед поездкой. Дима мог не вернуться с работы, где-то погибнуть среди лесов, недалеко от богом забытой деревушки Копылово. Жена наклонилась к нему, но, как назло, зазвонил телефон. Таня хотела прижаться к изможденному Дмитрию, попыталась вернуть теплоту чувств, но девушку будто кто-то одернул. Вновь заиграла мерзкая мелодия звонка. Юрков хотел заменить рингтон, но все время забывал, задавая себе один и тот же вопрос, когда звонил телефон: «Что за кладбищенская музыка!».

– Поздравляю! – заговорил голос в трубке. Это был Киреев, бывший инструктор Юркова, который теперь работал в другой колонне, но частенько звонил Дмитрию. Такой же обязательный и ответственный. Казалось, они понимали друг друга, но Юрков был еще более упрям и категоричен в выполнении всех инструкций. На этой почве Юрков не соглашался с Киреевым, а Киреев с ним. Было время, когда они были хорошими друзьями, но дружба дружбой, а служба, как говорят, службой. Отношения лопнули по-глупому: не сошлись во мнении на счет жизненной позиции, разругались, да так, что чуть не побили друг друга. Долго не общались. Но Киреев решил позвонить.

– С чем ты поздравляешь? – спросил Дмитрий, не ожидавший, что Киреев вдруг позвонит.

– Ты что, совсем не смотришь местные новости? Сейчас только сказали: машинист Дмитрий Юрков принял все меры для остановки поезда, который потерпел крушение и направлялся в сошедшем состоянии к станции, где живут люди. Поезд перевозил шесть тысяч тонн горючего...

– И что, мне теперь бежать по улице и орать: «я герой»?

– Ну ты и дурак! Ладно, поговорили, – Киреев положил трубку.

Услышав слова Киреева, Татьяна бросилась к телевизору. На одном из каналов показывали новости – кадры с места аварии: вагоны, лежащие на боку, изрытую землю, а на фоне происшествия – фотография Дмитрия. Таня обрадовалась, гордость за мужа переполнила её так сильно, что она едва не заплакала. Слезы были готовы навернуться на глаза.

«Уже и фото нашли...», – подумал Юрков. Ему было приятно видеть себя на экране телевизора, но он считал, что ничего не сделал, лишь выполнял свою работу, свой долг, и от этого Диме было как-то не по себе. Ну, остановил поезд, ну, устранил утечку нефти (или, как там её называют по-другому – лигроин), подумаешь – героизм.

Вновь зазвонил телефон. На сей раз звонила Татьяна близкая подруга Ольга.

– Он такой молодец, столько жизней спас!

С этой минуты телефон в доме Юрковых не смолкал: звонили из школы, где учился Дмитрий, просили выступить с речью для будущих выпускников. Не завтра, не через неделю, а прямо сегодня, через два часа. Юрков хотел отказаться, но Татьяна все же настояла.

– Конечно, выступи! Люди будут ждать, – говорила жена, заботливо поправляя ворот рубашки Димы.

– Зачем мне это надо? Я не хочу дешевой славы!

– Какая дешевая слава, что ты несешь! Откуда ты такой выискался, бесребреник?!

– Я только проснулся, – рисовался Дима. – И к тому же, заболел...

– Ничего страшного, вылечим, правда, доченька? – говорила Татьяна Леночке, с любопытством разглядывая какого-то другого мужа, совсем не того, который уезжал всего несколько часов назад в дальний путь.

– Папа, какой ты красивый! – подметила Леночка, с любопытством трогая его за руку.

Юрков обрадовался добрым словам родных людей. Он был готов не то что идти в школу, а бежать. И жена казалась теперь не такой безразличной, а вполне заботливой. Конечно, Леночку она воспитывает не так, как следует: времени ребенку вовсе не уделяет. Вместо воспитания теперь занялась им – Димой: заботится, воротнички поправляет, только ребенок опять в стороне. Ханжество это, по-другому и не назвать, ханжество и эгоизм. Вот вырастет дочь и скажет всё, что вертелось на языке в детстве. Высказать она ещё не может, не крикнет плохим родителям: «Очнитесь, что вы делаете!». Только возмездие придет быстро, оно не за горами. А если и не скажет, то отношением своим заявит, всем видом покажет. Горько будет, зато по заслугам. Тогда-то и начнутся жалобы матери: «Мы тебя растили, думали, человеком станешь...». Что, не права будет Леночка? Да нет, права, ещё как права! Признаться в этом не смогут ни мать, ни отец. Вот он, вечный спор отцов и детей, вся его разгадка. Но одним воспитанием тут не отделаешься, всё на воспитание не спишешь – проблема глубже и сложнее. Родитель не понимает своего ребенка и ребенок родителя не всегда, а лишь какое-то время, лет до двадцати восьми, сын не готов принять мнение отца, дочь – мнение мамы, и наоборот. Молодое поколение считает взгляды родителей устарелыми. Но после двадцати восьми, ближе к тридцати,

всё меняется. Почему? Дети становятся на одну ступеньку со своими родителями. Она незрима, но существует. Двадцатипятилетняя дочь не поймет пятидесятилетнюю мать, но зато она же, дочь, готова разделить взгляды своей мамы, когда ей тридцать. Два-три года решают всё...

«Почему сейчас Татьяна не может вывести Леночку на прогулку? – рассуждал Дима. – Первый морозец, снег так приятно похрустывает! Нет, моя жена не безразличный человек, она очень беспристрастное создание. Такому человеку трудно срывать звезды с неба. Она слишком земная, с этой странной планеты. Поэтому нам тяжело вместе. Все её радости, горести, ненависть и любовь – земные. Как ей легко живется!..».

Дмитрий не понимал, зачем нужна эта встреча в школе именно сегодня, когда стало известно о происшествии. Работники школы оперативно сработали: отыскали телефон участника событий, разузнали, что Юрков учился именно здесь – в железнодорожной школе. Может быть, это из-за долгой и тесной дружбы с учителями. Выпускники часто встречались, и вообще, Юркова хорошо помнили в родной школе: в ней учатся дети многих деповчан. В такой быстрой реакции нет ничего удивительного. Зато странно другое: нашлось помещение, класс и время, которого никогда не хватает в программе обучения. Человека приглашают заранее, названивают раза по три перед встречей. Если подумать о том же классе: железнодорожная школа набита битком, нового учебного корпуса нет, в актовом зале бардак – сняли сиденья и сделали наполовину учительскую, наполовину оборудовали под библиотеку. Не поставили перегородку. Теперь, всё, что происходит в учительской, слышно и видно в библиотеке. Высвободившиеся помещения отдали под кабинеты физики и биологии.

Да, событие потрясло скромный железнодорожный городок – узловую станцию Горьковской дороги, где транспортный узел – главное предприятие города, а работники узла – основная часть жителей пятидесяти тысячного Краснореченска.

– Спасибо, что пришли! – по-доброму заговорила завуч, когда Юрков появился в дверях.

Дмитрию сразу вспомнился знакомый запах столовой, где продавались вкусные пирожки и коржики. Бывало, наберут ученики разной выпечки, а потом жуют, прячась за последними партами. Увидит порой учительница и начинает спрашивать «оголодавшую Камчатку» по прошлой теме. Никто из обитателей «голодного полуострова» с набитым коржами ртом говорить не мог. Ох и двоек потом было в журнале! Все темы уроков и без того забылись быстро, как и забылась скромная учительница истории – тихая, но строгая. Ушел человек на пенсию, а школа продолжает жить своей привычной жизнью. Те же коридоры, длинные и пустые во время уроков. Только двери другие: не добротные деревянные, а словно из картона, зато современные.

Героя школы ждал простой класс. Юрков почему-то ожидал совсем другого: соберется линейка, он засмущается, не сможет ничего сказать, будет неловко и усмешки старшеклассников пройдут по школе гулким эхом. Завуч будет за него рассказывать о трудной работе машиниста, а он, Дмитрий, станет лишь неуверенно качать головой, как бы соглашаясь с ней.

В кабинете русского языка и литературы собрался десятый класс. Девочки, накрашенные, одетые кто во что, не по форме, смеялись, заигрывали с юношами, а те дерзили завучу, вели себя плохо. Вошедший Юрков, не произвел, казалось, ровно никакого впечатления – они всё так же

шумели и смеялись. Юрков и вправду растерялся, но всё же начал разговор о себе, как и предполагал.

– Вот видите, как важно сделать правильный выбор в жизни, – сказала завуч, когда поняла, что Дмитрий часто сбивается с мысли, глядя на школьников, надувающих пузыри жевательных резинок и заносчиво переглядывающихся между собой. Завуч постоянно поправляла свои старомодные, с толстым стеклом, очки и наигранно улыбалась. Это начинало злить Юркова. Он и сам не знал, почему.

– К слову, несколько часов назад герой нашей встречи невероятными усилиями предотвратил гибель людей: заметил аварийную ситуацию, а потом уберег наш край от экологического бедствия.

– Слышали мы, – бойко заговорил огненно-рыжий кудрявый парень в клетчатой рубашке навывпуск, – взял наш герой да и выложил, как на духу, что у него локомотив неисправен, что начальство бездействует, понес чепуху. Кому выдал всю грязь?

– Кому? – ехидно спросила самая расфуфыренная из девушек.

– Прокурору! – ответил рыжий, оглядываясь в сторону собеседницы.

– Офигенный поступок, так же хочу, – нехотя произнесла сидящая рядом с расфуфырой девушка в черной модной блузке.

– Комова, Марченко! – закричала теряющаяся от стыда завуч. – Замолчите! Какое бесстыдство! А ты что болтаешь, Лукьянов?!

Неуверенный в себе Юрков от волнения стал нервно сморкаться в носовой платочек и почесывать красный нос своими трясущимися руками. Вспотела полная шея, подмышками было неуютно – чувствовался пот.

– Я вообще ничего не сказал плохого, наоборот – хвалю, – иронизировал парень. Глумление наглецов

продолжалось недолго. Подавленная завуч скомкано завершила мероприятие и пригласила Юркова выпить чаю. Дмитрий хотел отказаться, но работники школы все же уговорили пройти в учительскую. Разговора за чашкой чая не вышло. Все думали о произошедшем. Завуч сторала от стыда: раскрасневшаяся, она поправляла свои очки, а Юрков был просто смят, и кем? Каким-то пацаном.

– Вы не подумайте, они у нас хорошие, только возраст, понимаете, нигилизм...

– Конечно, понимаю. Сам таким был, – попытался сгладить Юрков, но завуч ещё больше смутилась от произнесенных слов.

– Я хотела как лучше: директор наш, Пал Василич, планировал встречу с деповчанами, но долго не выходило, а тут событие такое – авария...

– Хорошо, хорошо, – одеваясь, проговорил Юрков, стараясь быстрее уйти.

– А на сегодня была назначена встреча с рэпером местным, но он заболел...

– Рэп... хорошо, хорошо...

– А тут эта авария у вас...

– Хорошо...

– И мы решили...

– Да, да, хорошо... рэп...

Выскочив на улицу, как побитый, удирающий от погони, он стремительно шел по улице, кутаясь в зимнее пальто. Наружу выбился шарф, в карманах остались перчатки. Юрков не понимал, куда торопится. Мучил насморк. Трясущиеся, какие-то непослушные, чужие руки лезли в карман за носовым платком. Не заметил, как выпала одна перчатка, решил вернуться, но повернув обратно, понял, что не сможет идти в сторону школы. «Я не знаю», – говорил сам себе какую-то глупость и, тяжело вздыхая, повторял: «Ну я не знаю!».

Раздули пламя, да ещё как! Значит, дома у этих Лукьяновых разговаривают на такие пустые темы. Своих поступков не видят, но зато обсуждают других. Владимир Яковлевич Лукьянов (отец парня в клетчатой рубашке) – начальник цеха эксплуатации депо, наверняка болтает о Юркове дома.

«Давно я не нравлюсь Владимиру Яковлевичу, – думал Дмитрий. – Давно я слышу о себе сплетни, что мечу в инструкторы! Теперь его лишат премии, сделают выговор, и я останусь крайним». Юрков как-то забыл, что Лукьянов злопамятен. Недовольство Лукьянова появилось года два назад. В одну из дневных поездок с Юрковым сел Владимир Яковлевич (по нормативам начальника эксплуатационного цеха он должен был проследовать до промежуточной станции с осмотром участка и проверкой работы локомотивной бригады), но в дороге уснул, сидя на месте помощника. Пропуская пассажирский поезд на станции Калачи, Лукьянова увидел спящим высокий гость из Москвы, который в составе ревизионной комиссии проехал в кабине пассажирского. Всё прошло бы тогда гладко – подумаешь, сказали бы: Лукьянов опустил глаза в смартфон, но разгорелся целый скандал. Бригаду велели высадить из локомотива вместе с Лукьяновым, который от страха грешным делом подумал: куда идти работать? Они долго ждали подмену, поезд выбился из расписания, не могли уехать в Краснореченск (шли тяжелые поезда, которые нельзя останавливать в пути), и Лукьянов прибыл на разбор с опозданием на два с половиной часа. Их с Юрковым и помощником привезла машина, специально присланная перепуганным Ченцовым, когда стало ясно – критики не миновать. В тот день, на разборе, Лукьянов кое-как отвертелся, но странноватый Юрков напомнил гостю из столицы, что задержанный им поезд повлек миллионные убытки и с опозданием ушел на соседнюю дорогу, сбив тем самым поставку кузбасского угля. Все восприняли высказывание машиниста как шутку,

но только не Лукьянов, на которого косо посмотрел гость, как бы сказав: «Не я виноват в отставании поезда, а вы – начальник эксплуатации!».

Юрков шел по тротуару быстро, пиная легкий снежок, но поостыв, успокоившись, начал будто спускаться с немыслимой высоты, стал приходить в себя: старался рассуждать трезвее.

Сам он – машинист на хорошем счету – оказался скор на необдуманные, опрометчивые поступки. Какой черт дернул пуститься в откровения с прокурором?! Да, когда-то не врать учила эта самая школа, которая теперь обогнала его самого, унизила, заставила перечеркнуть прекрасные годы ученичества. По какой совести учили жить педагоги, если совесть забыта, выброшена, перечеркнута. Если разобраться, все эти понятия совести и правды давно стоят у тебя в горле. Никого не устраивают ни правда, ни справедливость, ни порядок, даже самого Юркова. Лукавят все, изворачиваются все, порядок не любит ни один человек. Ни один не любит дисциплину. Поэтому завуч и сказала: «Вы только не подумайте, они совсем не такие...». Конечно, они хорошие, только уже со школьной скамьи научены топить всех, кого видят перед собой, просто так, забавы ради. Появляются такие дылды в рубашках навывпуск, огненно-рыжие старшеклассники не зря, им уготовано особое место в жизни: кого надо потопят, осудят под общее ликование, не вдаваясь в суть, просто так, из чувства коллективной бессознательности. Разум личный давно подменен разумом общим, коллективным. Откуда берутся хамки – расфуфыренные, наглые? Ногти длинные, губы яркие, покрашенные. Взять бы их, да в ванную – заставить смыть всю эту мазню, чтобы не хотелось больше сидеть и надменно, еле открывая рот, через губу произносить: «Офигенный поступок, так же хочу!». Они – будущие мамы и жены. Будут безучастными и полными апатии. Гулять

с ребенком не вытянешь. Показать первый снег – ни в какую, посмотреть на рябину возле подъезда – ни за что, рассказать о природе – не может, зато расскажут о макияже, это нужно в практических целях, для будущей жизни. Нет, они лучше уткнутся в свои телефоны и смотрят свежие новости: среди зимы водопровод прорвало в Иркутске – фонтан из-под земли, или жираф сбежал из зоопарка в Берлине. Видео – глупее не придумать, и всё снимают. Дедушку избивают такие вот Лукьяновы, а эти всё снимают. Встанут, как остолопы, включают свои мобильники и снимают вместо того, чтобы помочь старику. Впрочем, телефон под рукой – неплохо. Будь он рядом, Юрков снял бы аварию в четном поезде, и никаких нелепых вопросов у прокурора никогда бы не возникло. Нет же, телефон использовать нельзя, видеосъемка запрещена. Ченцов даже подписал приказ о запрете использования фото- и видеоаппаратуры. Зачем? Почему? Чего боимся?

Дорога оказалась недолгой, Юрков не заметил, как оказался у подъезда своего дома. Он остановился у рябины. На заснеженных ветвях всё еще оставались красные листья и подмороженные ягоды, ещё не склеванные птицами. Дома играла музыка. Незатейливый мотивчик популярной песни с порога стал раздражать Диму.

– Выключи! – гаркнул Юрков, обращаясь непонятно к кому. Татьяна, видимо, не услышала возвращения мужа и сильно напугалась. Она сидела, уткнувшись в телефон, а Леночка играла в куклы рядом с мамой. На полу лежали куклы и маленький детский кухонный гарнитурчик с газовой плитой. Девочка с удовольствием играла, когда мама была рядом. Татьяна позволяла играть дочери с любимыми куклами, но не забывала Леночке читать сказки и детские стихи. Они учились читать по слогам, за неделю освоили счет до ста. Татьяна, несмотря на недоверие к ней Дмитрия, старалась быть внимательней к ребенку. Жаль, что этого

не замечал Дима: приедет, бывало, из поездки, не успеет как следует отдохнуть – опять вызывают. Когда ему видеть заботу мамы о своей любимой доченьке? Судить легко, когда мало что видишь! А жизнь, между прочим, летит! Леночка растет и тоже не видит папу от поездки до поездки...

– Ты почему кричишь? – после долгой паузы спросила Татьяна, словно над чем-то задумываясь. Не дождалась ни ответа, ни дальнейших упреков мужа. Он молчал: грозно и угрюмо. На сосредоточенном, злом лице был заметен смелый, бесстрашный вызов. Приготовленный ужин Диме не нравился. Ему казалось, что Таня делала всё без души, спустя рукава, из-под палки.

– Это что такое? – с отвращением проговорил Юрков, вытаскивая двумя пальцами (большим и указательным) длинный волос из овощного рагу. Татьяна повернула голову в сторону мужа и не заметила, как в её сторону полетело содержимое тарелки. Успев отскочить, Таня поняла, что капли масла запачкали домашний халат. Такого унижения она не испытывала никогда. Разъяренный и невменяемый Юрков соскочил с табуретки. Стекло, налитые негодованием глаза упрямо таращились на перепуганную женщину.

– Что с тобой случилось? – недоумевала Татьяна.

– Вы все против меня!

– С чего ты это взял?

– Все мечтают сделать мне подлость!

В кухню вбежала перепуганная, плачущая Леночка. Ребенок умоляюще смотрел на возбужденного папу, но Юрков не замечал ни испуга дочери, ни оторопи жены – стоял, сжав кулаки.

Таня увела Леночку в спальню, а Юрков сидел за столом, потупив взгляд. На полном лице виднелись играющие от злости скулы. Мыслей в голове не было, а лишь необъяснимая ненависть к себе, к своим гнусным поступкам.

Неожиданно зазвонил телефон. Мелодия «Burial Forgive» заставила Дмитрия вздрогнуть. Музыка с загробной песней на непонятном языке показалась Юркову будто из фильма ужасов. Он нервно схватил телефон, хотел зайти в настройки, но ответил на тревожный звонок. Болезненный, сиплый женский голос неуверенно объявил:

– Я забыла вам позвонить...

– Говорите! – прервал человека Юрков. – Вы это кто?

Он был груб. Не дождавшись ответа, с напором продолжил:

– Говорите же!

– Ольга Павловна, секретарь Ченцова, – растерянно продолжила женщина. – Завтра вас ждут на разборе аварии в кабинете начальника в восемь тридцать.

Не попрощавшись, Юрков положил трубку. Жирные следы на стене никто не убирал. Татьяна сидела в спальне с дочерью.

– Таня, – громко позвал жену Дмитрий, но на его слова никто не вышел и не отозвался.

Ночью Татьяна спала в комнате Леночки – на кровати, вместе с ребенком. Всю ночь Таня не спала. Всё думала и думала. Тяжелые мысли заставляли впервые задуматься о дальнейшей жизни с Юрковым. Сколько лет потрачено? Неужели впустую? Неужели придется начинать всё заново, но уже совсем с другим мужчиной? Наверняка тот, новый, будет любить её по-настоящему! А если нет? Пройдут первые месяцы влюбленности, а дальше... дальше вместо стихов начнется проза, пресная мещанская жизнь. Ничего нового не ожидает ни Таню, ни её дочь. Чужой ребёнок никому не нужен. Новый «папа» будет холоден и груб с ребенком. Разве такую жизнь заслужила девочка. Нет, пусть подрастет Леночка, пусть изменится жизнь, а там можно будет спокойно расстаться, без мучений и скандалов. А может, всё изменится настолько (взгляды на жизнь

Дмитрия и Татьяны), что не придется разводиться. Всё может наладиться, ну а если не наладится, что же, чему быть, того не миновать! Но сколько можно ждать, на что-то надеяться? Мы всю жизнь чего-то ждём! Зачем? Зачем нужно держаться за эту труху – старые отношения, изрядно испорченные взаимным недовольством, претензиями и обидами.

Утром Татьяна не вышла проводить мужа на работу.

Юрков надел мятую форменную рубашку и узкий, давно с трудом застёгивающийся на животе железнодорожный пиджак. Он шел по длинному пустому коридору локомотивного депо, который всегда казался холодным: стены были выложены несуразного вида зеленоватым старомодным кафелем. Темный коридор с изредка горящими люминисцентными лампами напоминал подземный переход. Шаги гулко разносились по коридору, в конце которого откуда-то издали были слышны звуки двигателей электропоездов, гудки и громкие возгласы работников. Старые корпуса депо были вне времени, вне современности. Они всегда оставались в далеких двадцатых годах двадцатого века, когда были построены цеха. Здесь ремонтировались паровозы, здесь, поговаривают, в одном из цехов даже расстреливали оклеветанных железнодорожников в тридцатые... Жуткие постройки, напоминающие огромный средневековый замок... Идут годы, но угнетающий дух остается в стенах депо. В конце восьмидесятых, еще при Союзе, построили новый административный корпус. Все цеха и контору соединили этими коридорами, по одному из которых теперь шел Юрков. Неожиданно Дмитрий вспомнил, что хотел поменять мелодию звонка. Гулкие, мрачные и пустынные коридоры заставили вспомнить о давнем желании Дмитрия.

Приемная начальника резко отличалась от всех помещений: здесь было светло, много цветов, аквариум литров

на пятьсот с разными рыбами. Чувствуя себя неудобно, Дмитрий мечтал снять давивший ему в плечах и на животе нелепый пиджак, но рубашка была сильно помята. Он расстегивал пиджак, но сразу замечал складки на рубашке, а когда застегивал – давила одежда.

– Вы кто? – спросила немолодая секретарша, оглядев взъерошенного Диму. Юрков почесывал волосы, показывая сильное волнение. Ему не понравилась секретарь – женщина с чернотой усов над верхней губой и пышной шевелюрой крашенных волос. Человек отторгал своей неопрятностью, но взгляд секретаря был добрым – это немного разоружило машиниста.

– Что вы стоите?

– Нужно прийти в себя.

– Я уже десять лет каждый день хожу в этот кабинет, как на разбор. Скорее бы на пенсию, – сетовала секретарь.

– Почему?

– А сколько можно так относиться к людям – капризничать, как ребенок...

– У него работа такая, – хотел оправдать начальника Юрков, хорошо понимая, что Ольга Павловна говорит о Ченцове.

– Да нет, все дело в воспитании...

– Вы думаете?

– В нем, в нем...

Секретарь боязливо покосилась на дверь кабинета и добавила:

– Заходите, он очень не любит непунктуальность.

В просторном, залитом ярким солнцем кабинете за огромным столом сидел Ченцов. Перед ним, за столом заседаний, – руководители подразделений. Лукьянов сидел справа. Такой же высокий, как сын, еще недавно курчавый, но уже лысеющий. Он внимательно глядел на Юркова своими слегка смеющимися глазами. Напротив Лукьянова

находился главный инженер, по бокам – профком и ревизор.

Волнистые волосы Ченцова всё так же были зачесаны аккуратно набок, такое впечатление, что он каждое утро любовался перед зеркалом.

– Скажите, что вы делали, когда проследовали станцию? – начал задавать вопросы Ченцов, ничего не ответив на приветствие машиниста.

Рука Дмитрия потянулась к волосам, но он вовремя опомнился и опустил её, крепко сжав в кулак, как бы концентрируясь – руку не поднимать, стоять смирно, как на суде. И он стоял. На лбу выступил пот. Капли жгли глаза, но вытереть их он не мог – волновался. Потные ладони раздражали, их хотелось вытереть об одежду. Разбор больше всего походил именно на судилище: руководитель задавал вопросы, присяжные заседатели – его подчинённые, они же руководители подсудимого. Народный суд, ничего не скажешь...

– Ваши действия. Расскажите о них.

– Я всё изложил в объяснительной.

– Знаете, мы собрались не на прогулку, – нахмурился Ченцов. Начальнику не нравился тон Юркова, его вольное поведение. Он казался Ченцову собранным, любящим порядок – как в армии, но последние действия подчиненного были разнузданностью подростка, вольно шатающегося по улицам. Ченцов всегда приводил в пример армейский порядок и дисциплину, вот только сам не верил ни одному своему слову. Армейские замашки – это маска, идеализация той глупости, которую сам Ченцов воспринимал как порядок и пытался верить, но поверить в явную пустоту было трудно.

На хмуром лице появился вопрос. Вообще, его мимика непонятным образом отображалась на лице. Все, о чем думал Ченцов, имело след. Если начальник сомневался,

лицо суровело, хмурились брови, если недоумение – брови поднимались вверх. Потирание рук, дергание носа постоянно что-то означали.

– Первым делом начал вызывать встречный, а когда не дождался от него ответа, стал тормозить.

– И что же дальше?

– Когда остановились, закрепил поезд.

– Где был помощник? – отозвался Лукьянов, с интересом спрашивая машиниста, будто дождавшись своей минуты.

– Выпрыгнул помощник...

– Почему же не выпрыгнули вы?

– Потому что, – замешкавшись, сделал паузу Юрков, – капитан не бросает корабля.

– Ох! – брызнул смехом Лукьянов, но ничего не сказал. Другие тоже начали смеяться над словами машиниста. Не смеялся лишь Ченцов, который внимательно, будто изучая, смотрел на машиниста. Такой, пусть не лишенный рисовки и позерства ответ понравился начальнику. Ченцов даже изменил тон разговора, словно оттаял.

– Как вы оградили поезд? Количество петард, башмаки, видимые знаки...

– Ничего, кроме башмаков...

– А почему? – с любопытством спросил Лукьянов.

– Сколько башмаков по инструкции? – спросил ревизор.

– Владимир Яковлевич, – обратился Ченцов к Лукьянову, – Юрков будет аттестован отдельно.

Впервые за долгое время Дмитрий почувствовал какую-то милость руководителя, которая, как думалось раньше, была потеряна. Наступила тишина. За окном проходил пассажирский поезд, мерный стук колес напоминал почему-то гул шагов в длинном и мрачном коридоре депо, стены которого были выложены старым нелепым советским кафелем. Все ожидали решающего слова руководителя,

как ждали помилования тирана толпы приговоренного народа. Неожиданно раздался голос Лукьянова:

– Что... – только и успел произнести Владимир Яковлевич, как Ченцов сделал жест, после которого Лукьянов замолчал. Наверняка он что-то вспомнил и хотел задать вопрос, как всегда с любопытством глядя на Юркова, но «подсудимого» вновь взял под защиту «главный судья». Молчание не могло продолжаться, и, несмотря на жест Ченцова, Лукьянов выпалил как на одном дыхании:

– Капитаны не плюют в сторону своего порта!

Не сдержавшись, растерянный Дмитрий дотянулся до волос и стал нервно почесывать голову. Ченцов снова сделал жест рукой, скривил рот и после этого осторожно сделал замечание:

– Владимир Яковлевич, здесь говорю я, а не ты...

– А что там за история с охраной труда? – назойливо вставлял слова ревизор.

– Ерунда, – нехотя ответил Ченцов, – это не моё, охрана труда...

– Конечно, ерунда, Михал Сергеевич, – поучительным тоном заговорил ревизор – мужчина лет сорока, всегда ходивший в одном и том же сером костюме, полгода назад выдвинутый на высокую должность. – Вам мало тех грубейших нарушений по безопасности движения. Вся работа за год провалена этим крушением! Показатели плохие, отчетный период – к черту, а вы хладнокровны!

– Будет задел на будущий год: отработаем хорошо и выйдем на отраслевое соревнование победителями, первое место возьмем!

– Какой ценой?!

– Ценой... – Ченцов недовольно посмотрел на зануду-ревизора и добавил: – О цене поговорим вдвоем, – и, помолчав, договорил потерянную мысль. – Все работают,

ничья голова не пострадала. Беда у вагонников – у цистерны предельный износ реборды на колесной паре.

– Там и нашего много, Михал Сергеич! Не надо преуменьшать свое значение в аварии. В том числе и охрана труда.

– Есть вопросы, коллеги? – перевел разговор Ченцов, понимая, что неприятный разговор слышат подчиненные. – Подождите в приемной, Юрков.

Дима вышел в приемную, где сидела Ольга Павловна. Женщина перекладывала бумаги, регистрировала телеграммы, записывала их номера в журнал.

– Ну что? – спросила секретарь, занимаясь делами.

– Попросили подождать в приёмной.

– И когда умрет в нас эта сталинщина? – обращаясь по большей части к себе, проговорила секретарь, продолжая перекладывать кипы бумаг.

– Вы думаете, она еще жива?

– Более того, – засмеялась Ольга Павловна, – она культивируется, насаждается и процветает благодаря успешным детям и внукам этой системы.

– Вы ставите диагноз?

– Мы сами поставили его себе, а я лишь пишу анамнез.

– Вы так негодуяще говорите об этом...

– Да, говорю, – перебила секретарь, – потому что папа отца сгинул во время строительства железной дороги имени Кагановича.

– Была и такая?

– Ещё как была... Мой дедушка её строил как репрессированный, не достроил...

– Как он туда попал? За что?

– По 58-й статье, – сказала Ольга Павловна. Дмитрий что-то слышал про Уголовный кодекс РСФСР 1922 года и его поздних редакциях и не стал подробно расспрашивать все нюансы.

– 58–7 означала подрыв государственной промышленности, транспорта, – ответила секретарь, уловив в глазах Юркова вопрос по поводу значения статьи. – Дедушка попал в лагерь, на строительство, после таких вот разборов. Тогда любили привлекать на собрания возмущенных трудящихся. В присутствии работников занимались обличением, голосовали, выражали недовольство, по очереди, с трибуны...

За дверью слышался спор. Люди разговаривали на повышенных тонах. Неожиданно раздался звонок телефона, прервавший разговор.

– Вас ждут, – сказала Ольга Павловна.

– Я хотел спросить, – проговорил Дима, прежде чем зайти в кабинет Ченцова, – разве начальник не чувствует ваше отношение к нему?

– Скоро ни его, ни меня здесь не будет, – неопределенно ответила женщина. Юрков не понял, что она хотела сказать, но времени не было – надо было идти.

Начальник депо долго молчал, но поправив синюю форменную рубашку, начал своим приятным баском:

– Изучив все обстоятельства произошедшего, комиссия в составе руководства дороги, руководства ревизорского аппарата, представителей служб, причастных к крушению, вины работников локомотивного хозяйства не усмотрела. Однако вызывают серьезные нарекания действия локомотивной бригады, в составе машиниста Юркова и помощника Ремезова.

Зачитывая «приговор», начальник стал заводится, выходить из себя, нервно повышая голос до крика. В нем была какая-то искра, которая готова была превратиться в огонь, и этот огонь теперь разгорался в пламя. «Кормилец», – беззлобно подумал Дима, когда покрасневшийся Ченцов закончил свою пламенную чиновничью речь словами:

– За недопустимые нарушения в части выполнения должностных обязанностей, вы, Юрков, переводитесь на должность нарядчика и отстраняетесь от движения.

– Что же будет с Ремезовым? – поинтересовался Дмитрий, не ожидавший такого решения, ведь Ченцов, ему казалось, подобрел к нему, оттаял, смягчился, но это была, видимо, лишь минутная перемена

– Поговорим после выписки из больницы.

– То есть я и в шапке дурак...

– Вы свободны, – грубо оборвал Лукьянов.

Сейчас хотелось сказать многое: и работают они на технике шестидесятых годов, в которой новое – только дорогая электроника, и в поездки ездят с переработкой, и выдерживают нормы, которые нельзя выдержать, и инструкции противоречат друг другу, и умирают, не доработав до пенсии, и профсоюз – только на бумаге. Но Дмитрий молча вышел.

– Почему вы говорите, что ни его, ни вас здесь скоро не будет? – спросил подавленный Юрков у секретаря, когда вышел из кабинета начальника.

– Потому что система больна раком, и уже давно. Она поедает сама себя. Первой, конечно, уйду отсюда я, но менее досадно и более достойно – на пенсию, мне осталось полтора года.

– А он? – Юрков показал в сторону кабинета.

– Скоро его съест тот, кто рядом, или снимут за плохие показатели. Система не прощает ничего...

– А я больше не машинист.

– Как? – удивилась Ольга Павловна. – Впрочем, вы уже попали в жернова репрессий, это нормально. Лучше сейчас: вас перемололи, а значит – переключатся на другого.

Секретарь говорила о системе, как о чем-то живом, органическом, это сильно удивило Дмитрия. Да, она права: Юрков попал в жернова репрессий и, как ему кажется,

легко отделался. Счастливчик... Но есть одно обстоятельство: возможно, наказания продолжатся. Радует, что все в этой системе работают с оглядкой, и, по словам Ольги Павловны, тот, кто сегодня выносил ему «приговор», будет очень скоро приговоренным. Но кто съест Ченцова? Конечно, Лукьянов! Все – порождение одной больной системы. Но ведь и он, Юрков, её порождение. Он честный работник, настоящий формалист, работающий по букве закона, в какой-то момент начавший служить двум богам, изгнанный из рядов тех, кому можно доверять. А самое позорное в нем, что он стукач, агент прокуратуры в рядах железнодорожников. Да, по ошибке, по большой глупости попавший в доноски. Как противен он сам себе! Как хочется плюнуть на всё и уйти, оставить эту мерзкую систему. Но разве за территорией депо эта уродливая, похожая на заморыша с болтающимися ручками, пожирающая себя система будет другой?

IV

– Какую систему ты хочешь поменять?! – едва не плача, говорила жена, когда Дмитрий всё рассказал. Он надеялся на понимание, но и дома его не поддержали.

- В которой такие, как ты, себя чувствуют нормально!
- Ты о чем?
- О том, что нужен порядок!
- Какой порядок? Который выгоден для тебя? Идеального порядка нет, потому что нет одинаковых людей!

Татьяна подняла худые руки вверх, будто обращаясь к кому-то свыше:

- Он хочет сделать мир другим!
- Да! Надо улучшать жизнь вокруг!

– Ты улучшаешь? Что ты смотришь? Ты улучшил жизнь вокруг?! Кому ты сделал лучше? Маленький ребенок рассуждает умнее тебя!

Карты были биты. Юрков не знал, что ответить. Ему казалось, что жена его не понимает только потому, что порядок противоречит всему её существу. Именно поэтому она обвиняет Дмитрия в глупости и инфантилизме. Разве может быть порядок благоприятным для всех. Нет, напротив, он неудобен и даже сложен.

Юрков ничего не хотел делать, ни смотреть телевизор, где бесконечно крутили новости о теракте в одном из столичных супермаркетов, ни сидеть за компьютерной игрой, от которой, как ему казалось, он стал тупеть. Ко всему появилось чувство отвращения, брезгливости, как после прочистки канализации, вызывающее мурашки на коже. Юрков содрогнулся. Он сидел опять один в кухне.

За окном виднелась сумрачная вечерняя улица. Сгорбленный старик в старомодном коричневом полушубке еле шагал в сторону автобусной остановки. Не поднимая тяжелых, неуклюжих ног, он шел, как на лыжах, видимо, боясь поскользнуться. Дмитрий представил себя таким же стариком. Так ходит по льду ребенок, едва научившийся стоять на коньках. «Куда можно прийти, если твой шаг лишен твердости?» – думал Юрков, понимая, что он сам сейчас в роли такого шаркающего старика.

Зазвонил телефон. Знакомый голос в трубке бодро объявил:

– Звонят из редакции областной газеты.

Вспомнился голубоглазый бородатый паренек с места крушения.

– Что же вы хотели? – немного заносчиво спросил Юрков, не понимая природу своей грубости.

– Хотелось бы взять у вас интервью. Будет подготовлена большая статья о вас и о том случае.

Неохотно согласившись на встречу прямо сегодня, Дима подумал, что статья никому не нужна – всего лишь материал для заполнения полосы, да и подвига в его поступке не было. Но чувство гордости, даже тщеславие проснулись в нем, как в те минуты, когда его фотографию показывали по центральным каналам.

Молодой человек не заставил себя ждать. Они встретились возле подъезда, под ветвями рябины. Голубые глаза, как прежде, внимательно смотрели на Юркова. Покачивая головой, журналист словно соглашался с каждым словом собеседника. Это заметно раздражало Диму, и он почесал затылок, как во время волнения. Корреспондент чему-то улыбнулся. Дмитрий окончательно сбился с мысли, когда едва передвигающийся старик в коричневом полушубке влез в разговор. Он увидел, что журналист стоит с микрофоном, и начал нести какую-то чепуху про отопление.

– Отец, ты мешаешь, – отозвался Юрков.

– А ты, сексот, вообще молчи, коли не спрашивают! – старик грозно глянул на Дмитрия своими бесцветными глазами, видневшимися из-под густых и седых бровей. Дед напоминал старого, побитого жизнью морского волка. Своенравный, он, казалось, был готов наброситься на Юркова.

– Вы мешаете! – с легким напором заговорил журналист.

– Как назвать ваш поступок, журналист, корреспондент! Вы же служите наро-о-оду! – не успокаивался старик, ожесточенно ругая человека. – У кого вы берете интервью? Из-за него, по милости этого подлеца, – он указал на Диму, – совет ветеранов лишился материальной помощи, работники нашего региона сидят без премий и доплат, предприятия буквально выброшены из социалистических... – дед запнулся, и, подумав, продолжил: – Из отраслевых соревнований. Как страдает теперь вся социальная сфера! Урезаны дотации на развитие спорта, туризма,

культуры, шефской помощи, страдает железнодорожная школа, детский сад «Ветерок», все выплачивают огромный штраф, якобы нанесенный экологии, а я вообще потерял три с половиной тысячи к пенсии!

– Дедушка, вы мешаете! – повторил молодой человек, едва удерживаясь от грубых слов.

– Это вы мешаете, иждивенцы!

Недобро глянув, пенсионер ушел.

Город железнодорожников Краснореченск – с кем тут можно поговорить на сложные темы. Даже полная обиды Ольга Павловна затрагивает глубокие темы нехотя, между делом, хотя мыслит очень интересно. Здесь, в головах людей, в их суждениях царят категоричность и крайность. А Юрков не такой ли? Разве инструкции сами по себе не категоричны? Только противоречат одна другой, и цена этой категоричности становится равна нулю.

Что-то изменилось в Юркове, что-то надломилось. Весь уклад жизни в этом городке стал его раздражать: люди чтут традиции, принцип которых уже давно утрачен, они живут в темноте, не имея своего мнения, – безликая толпа. Даже дряхлый старик безоговорочно принял чужое мнение. Впрочем, оно и понятно, он живет на одном этаже с Лукьяновыми...

Ничего не скроешь в городе. Не успела жена крановщика Самарина из вагонного депо сходить «налево» (пока муж учился в областном городе), как через день знал об этом весь Краснореченск. И надо же было получить квартиры в одном доме! «Каждой организации железнодорожного узла – свой дом!» – под таким лозунгом распределялся жилищный фонд в городе в пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы, лишь в восьмидесятые стали распределять по подъездам. Появился новый лозунг: «Каждому предприятию – свой подъезд!». В те годы сократили

финансирование, и организации строили не дома, а лишь часть – разбивали дома на зоны ответственности.

И теперь, в шутку ли, на работе – те же лица, что и во дворе, те же люди, что и на лестничной площадке. Выйдут вечером мужики покурить в подъезд, встретятся, и начинают про одно и то же – о работе. Только и слышно:

– Я ему кричу: «майна», а он, слышь, как пер колесную пару, так полувагон и зацепил. На весь цех грохот, Петрович, бежит, матерится...

Или такие разговоры на весь подъезд:

– Говорю им: «пока поезд не пройдет, в колею соседнего пути не суйтесь», а они взяли ключи и вылезли после прохода головы, ну помогала, видно высунулся из кабины, и увидел – доложил кому надо! Нарушение...

Но чаще всего мужички разговаривали совсем не о работе, а попросту перемывали кости. Строили заговоры, настраивали друг против друга, обсуждали слухи – разжигали костер страстей. Год за годом так текла жизнь в Красносельченке, в городе со своими сложившимися традициями.

V

Как ни старался Дмитрий не задумываться о болтовне, о худословии людей, а было невыносимо: никто с ним не здоровался – коллеги и даже друзья. Новый коллектив встретил его не просто с прохладцей – с неприятием. За ним следили: как он смотрит, что говорит, куда пошел – всё хотели знать об этом человеке. Юрков не мог так жить, обстановка его угнетала и раздражала. Неприязненному отношению способствовал женский коллектив.

– Идем пить чай? – спрашивала старшая нарядчица у своих женщин.

– Идем! – раздавались голоса, и, поднявшись, женщины дружно уходили на кухню. Юрков оставался один. Они его не замечали. Вел Дмитрий себя просто, несмотря на то, что вышла большая статья в газете. Автор сделал его настоящим героем:

«Понимая, что сошедший с рельсов наливной поезд движется к населенному пункту, осознавая, что вскоре произойдет ужасная катастрофа, – говорилось в статье, – Дмитрий Юрков сделал всё возможное для остановки грузового поезда. После предотвращения беды Дмитрий устранил течь в одном из вагонов с лигроином...».

Приятно было читать о себе газетную статью, полную патетики, но Дима понимал: в городе будет неадекватная реакция жителей. Если не сегодня, то завтра или послезавтра к Ченцову нагрянут толпы возмущенных железнодорожников с устными жалобами. Начальник будет в душе негодовать, а когда ему надоест слушать разный бред, начнет подчиняться не только общественному мнению, но и принимать меры – возможно, станет давить на работника, а возможно, подведет под сокращение.

Действительно, во дворе начали сплетничать. Невооруженным взглядом были заметны ехидные взгляды старух и женщин. Особенно мужики-деповчане, с кем работал, кого знал, мирно покуривали у своих подъездов, а сами перешептывались да перемигивались, когда Юрков проходил мимо.

– Чужими заслугами спекулирует, поганец! – говорили люди про Юркова. Он был убежден, что слухи, домысливание и моральные оценки – всё это последствия большого беспорядка. Атмосфера праздности на работе привела к быстрому распространению разных слухов и суждений, а главное – отсутствие здоровых разговоров дома, в семьях. Главной темой, особенно у деповчан, стали не бесконечные осуждения действий американского правительства,

а именно он – Юрков. Стало известно, что ни один работник депо не будет иметь премии. Поговаривали, что во всем виноват Дмитрий.

Но не все железнодорожники опустили до смакования поступка Дмитрия. В городе оставался человек, оставалась личность, одна единственная личность, кто вел себя достойно, – это секретарь начальника локомотивного депо Ольга Павловна, которая жила в доме напротив.

Морозным декабрьским днем Юрков хлопал во дворе палас. К нему подошла Ольга Павловна в скромном сером пуховике и старых сапогах с ободранными носами. Её вид резко отличался от образа всех секретарш, хорошо одетых, и если даже немолодых, но все же следящих за своей внешностью.

– Я ваша соседка, мои окна на втором этаже, и я частенько вижу вас в окне.

– Вы, Ольга Павловна, не боитесь общественного порицания – так запросто разговариваете со мной у всех на виду?

– Я живу на земле не первый день, видела многое, им не запутать пуганого.

– Можно позавидовать вашей смелости.

– Никакой смелости, терять мне нечего, скоро поеду выращивать помидоры да огурцы. До пенсии бы дожить...

– Раньше мне казалось, что мир намного проще, но это не так...

– Вы слишком молоды, вас ждут новые открытия, приятные и не очень. Те, что не очень, они меньше запоминаются, но тем не менее шокируют. Хочу сказать: я пережила перестройку, помню девяностый год, ноябрь, когда кроме «Завтрака туриста», в гастрономе ни черта не было, помню потому, что в тот год перед седьмым ноября выбросили бурки. И осенние праздники, и новый девяносто первый год встречали без продовольствия – хоть закусывай этими

самыми бурками. Хозяйственное мыло – по талонам, табак – пять пачек сигарет в одни руки, расчесок нет, носков нет, а продовольствия вообще не увидишь. Когда я поняла масштабы катастрофы, ощутила их, почувствовала, что так живут миллионы советских людей, это меня шокировало. Тогда я поняла, что мы полностью осуществили сталинский замысел – загнать всех людей в одну казарму или барак и морить их, держать людей на нарах от звонка до звонка, а утром – на работу. Так обращаются со скотом. Но лет за десять до девяностого года, в восьмидесятом, когда я была ещё совсем девчонкой, в Москве проходила олимпиада и гости столицы могли пить пепси-колу, а в нашем Краснореченске случались драки за сливочное масло. Тогда ещё пели бравые песни о красивой жизни. Так вот и тогда, и сейчас были Ченцовы, были Лукьяновы, а толпа безлика, поэтому замечает тех, кто просто имеет своё мнение. Предположим, не водили бы вы поезда, а сидели на месте Ченцова, отдувались за все проколы в работе депо... Вы что, думаете, начальник любит своё руководство? У него свои грехи, но он осторожничает. Сегодня пришло ваше время попасть в опалу, а завтра – его. Хорошо мне – если доживу, поеду на дачу, буду выращивать редиску. Кстати, у меня в уходящем году выросла такая хорошая, крупная редиска...

- Думаете, надо меньше принимать на свой счет?
- Да, есть история, ощутите себя частью большого великого процесса и поймете, что ваши раздумья и самокопание – всего лишь ма-а-аленькая трагедия...

Ольга Павловна, не попрощавшись, молча пошла в сторону своей хрущевской пятиэтажки. Юрков совсем забыл спросить, что же произошло с её бабушкой, почему Ольга Павловна так ожесточена и во всем видит сталинщину.

VI

Разговор с секретарем продолжился через пару дней. Юрков вышел на прогулку с Леночкой. Он считал, что ребёнок слишком мало гуляет. По заснеженной тропинке к своему дому шла Ольга Павловна.

– Я не спросил, а что же произошло с вашим дедушкой, как он попал на дорогу Кагановича?

– Эта история перепахала судьбу всей моей семьи. Если вам скажут, что не надо беречь раны прошлого, у того времени были плюсы – не верьте, оправданию насилия не будет места в душах здоровых, нормальных людей! Только безропотная толпа способна всё принять и преступления, не зажившие в душах миллионов семей, назвать неделимой историей! Это сытое утверждение откровенных лжецов и подонков! Посмотрите, мой дедушка был начальником станции Москва-Рижская (крупная грузовая станция), где формировалось по пятьдесят составов в сутки. Он не имел ни одного взыскания по работе, настоящий труженик, и вдруг ночью произошел взрез стрелки и поезд вышел на тупиковый путь. Вагоны сбили призму и въехали на территорию овощебазы. Оказывается, мой дедушка в течение трех лет разрабатывал террористический акт.

– Его заставили признаться? – спросил Юрков, пытаясь удержать убегающую Леночку. Ольга Павловна терпеливо продолжала рассказывать:

– Дали показания все – от заместителя до истопника и буфетчицы, и все подписали – начальник станции готовил теракт против советского транспорта.

Ольга Павловна строго смотрела на Дмитрия и с ожесточением говорила, словно вбивая гвозди – каждое слово звучало четко, в них был смысл, судьба, пережитая не одним человеком.

– Его судили: устроили настоящий цирк, с возмущением железнодорожников, писали позорные статьи в газетах, проводили собрания по всей сети дорог – осуждали, клеймили, подписывали заявления в адрес народного комиссариата путей сообщения, обращались к наркому, настаивали на расстреле. Дали десятку, а в тридцать девятом он замерз, могилы его нет – вся Россия превратилась в кладбище. В лагере умирали по двадцать человек в месяц, если не от истощения, то от холода. Даже те, кто освобождался после десятки, быстро возвращались в лагеря с новым сроком, а чаще всего ещё на первом сроке заново судили и добавляли кому пятерку, кому тройку.

– За что?

– Прицепиться было за что: нарушение распорядка, отказ от работы в выходные. Только представьте, зеки работали в обносках, в рваной одежонке – кто в чем приехал, морозы стояли до сорока пяти градусов. В четыре утра каждый день подъем, если не ошибаюсь, в пять – построение, в полшестого – выдвигались на работу, в шесть утра они приступали к обязанностям и до вечера. Лагерники ложились спать поздно, но это не был нормальный сон, потому что не хватало нар. Лёжа спали по очереди.

– Какой кошмар! – проговорил Дмитрий. Раньше ему казалось, что телевидение преувеличивает эпоху тридцатых.

– Дальше и нам стало просто невыносимо, моему отцу не давали нормально жить. Мы очутились здесь, в Краснореченске. На транспорт его не брали, он работал грузчиком в гастрономе. От него отвернулись все, считали сыном врага даже спустя много лет после реабилитации деда. Судьба папы сказалась и на мне: я когда-то работала телеграфисткой, и однажды ночью в телеграфе обратила внимание на портрет Андропова на стене, решила его перевернуть – глаза генсека сверлили меня. Что тогда

началось! Меня вызвали на бюро парткома и выгнали из комсомола.

– Но почему вы Ченцова причисляете к порождению того странного времени?

– Ченцов – порождение той системы. У него параноя – думает, что вокруг враги, а самое главное – его мерзкие поступки. Именно с него началось стукачество, он поощряет жалобы, устраняет несогласных и назначает себе врагов, скрытых и тайных. – Ольга Павловна отвлеклась на ребёнка. Взяла Леночкину руку и легонько подергала её. Девочка вырывалась, пыталась убежать. – А знаете, как я стала секретарем Ченцова?

– Нет.

– Он меня ненавидит и готов уничтожить, но не может. Я не просилась на эту должность. Однажды... – женщина задумалась и по-другому начала рассказ:

– Я работала в телеграфе, а когда у нас поставили компьютеры, двоих сократили, одной из них оказалась я, потому что была честна. Меня перевели на телетайп, из дистанции связи – в локомотивное депо. В смене со мной работала одна наша сотрудница, с которой имел отношения Ченцов. Однажды я застучала парочку прямо в телетайпной. Михаил Сергеевич вскоре вызвал меня и предложил стать секретаршей. Кандидаток было много, но выбор пал на меня. Оклад остался маленьким, я молчала и молчу. Уже восемь лет Ченцов со мной почти не разговаривает, только когда что-то позарез нужно, избегает. По-моему, он чувствует какой-то комплекс. За эти годы я насмотрелась на многое: на то, как он выползает из кабинета пьяным, как орет на жену по телефону. Знаете, он мерзавец, истинный номенклатурный работник, партаппаратчик времен брежневского болота. А вообще, он отображает наше сегодняшнее время, которое точь-в-точь напоминает ту эпоху.

- Я шокирован!
 - Ничего. Знайте, с кем имеете дело, ведь вы его считали сторонником порядка.
 - Да, это так.
 - Такие люди могут лишь других призывать к порядку, говорить об армии, ставить салдофонщину в пример.
 - Мне казалось, он человек порядка...
 - Да, но Ченцов сторонник того порядка, который выгоден ему.
 - Мне всё понятно...
 - Простите, я заболталась, мне пора идти.
- Ольга Павловна заторопилась и, наспех махнув рукой, ушла.

- Привет, Димок!
- Кто передо мной, – равнодушно сказал Юрков. Перед ним стоял Ремезов – здоровый, холеный, в новенькой форме.

Антон бодро и уверенно разговаривал, чувствовалось, что он не боится называть бывшего напарника запросто, как любил называть – Димок.

– А я теперь, Димок, машинист, – высокомерно сказал Ремезов, слегка пренебрежительно глянув на Юркова.

– Молодец, я рад, – все так же равнодушно проговорил Дмитрий. – Самое главное, что теперь ты можешь меня называть, как вздумается...

– А я и раньше мог тебя называть, как хотел.

– Нет, не лукавь, боялся, – не сдавался Дима, но Ремезов нахально облокотился на стол, за которым сидел Юрков, всем своим видом показывая независимость и бесцеремонность.

– Мне хочется остаться с тобой в хороших отношениях, – Ремезов уверенно глядел в глаза бывшему напарнику, с легкой усмешкой проговаривая каждое слово.

– Тебе лучше примкнуть к остальным, – неконкретно ответил Юрков.

Антон не понял смысла сказанных слов и, молча получив документы у нарядчика, ушел принимать электровоз.

После ухода Ремезова, женщины поторопились пить чай. Наступало время очередной процедуры перемывания костей: как милые дамы не обсудят появление бывшего коллеги Юркова? И самое главное, есть о чем поговорить дома, оставить «на закуску» для телефонной беседы, как можно отказать себе в этом!

Женщины пошли на кухню, дружно, беспрекословно следуя за самой нахальной из всех – Маргаритой, одинокой балаболкой, вечно плачущейся подругам на несправедливость женской доли.

– Смотрите, как он ходит, – доносилось из кухни. Под общий злорадный хохот кто-то стал показывать походку Юркова. Дмитрий почувствовал, что изображают именно его и, не вытерпев, со всей силы, швырнул шариковую ручку в пластиковую перегородку, за которой сидел дежурный по депо. Немолодой дежурный, как всегда, тщательно заполняющий журналы, здорово перепугался.

– Ты что, совсем спятил! – прокричал дежурный, но быстро притих, когда увидел негодование на лице нарядчика.

– Кто спятил?! – Юрков мигом вышел из себя. – Я ненормальный?!

Разъяренный, усталый Дмитрий ударил ладонью по пластику. Дежурный растерянно откатился от стола, сидя в кресле на колесиках.

– Как вы мне надоели! – крикнул Юрков и направился в сторону кухни. – Вы интриганки! Змеиное отродье!

Он ворвался в помещение, но готовые к таким событиям женщины быстро сориентировались: будто по задуманному сценарию, они стали еще злораднее смеяться, не говоря ни слова. Хлопнув дверью со всей силы, так, что в комнате

что-то громко упало, нарядчик принялся судорожно искать листок бумаги. Перерыв весь стол, вдруг вспомнил, что бумага лежит в шкафу с инструкциями.

«Чертовы куклы! – роясь в шкафу, думал Дмитрий. – Устроили мне провокацию!». Из шкафа повалились инструкции, распоряжения, телеграммы – всё то, что раньше доставляло удовольствие читать, разбираться, вникать. Часами просиживал Юрков над этими бумагами. Когда-то он читал их, как художественные произведения, а теперь ненавидел – пинал по полу ногами, швырял по большому кабинету своего отдела. «Ненавижу! Презираю! Это не инструкции – это палки, которыми бьют людей и используют, как оружие!». На миг он задумался: «Зачем бумага? Стоп! Ах, да! Надо написать заявление на отпуск, я обещал Леночке провести вместе Новый год».

Рука двигалась словно сама собой: волнуясь, неровным почерком он писал:

*«Начальнику
локомотивного депо
Краснореченска*

Докладная.

Несмотря на сложную эксплуатационную работу депо, а также на неоднократные указания руководства о соблюдении внутреннего распорядка работниками, в эксплуатационном цехе имеют место нарушения дисциплины. Так, нарядчики во время рабочего дня, ведут непроизводительные беседы, пьют чай по четыре-пять раз в смену, чем, на мой взгляд, снижают производительность труда и негативно влияют на общий производственный климат.

Нарядчик Юрков».

Корявый почерк размашисто расплылся на бумаге. Взяв докладную, Дима направился в сторону приемной Ченцова.

«Пустышки, способные уничтожить любого человека», – негодовал Юрков, шагая по гулкому, холодному, сумрачному коридору, напоминающему подземные катакомбы. В конце коридора показался Лукьянов. Он вальяжно вышагивал, заметно напустив на себя начальственные замашки: твердую поступь, стремительный шаг, каменное лицо (Это приметы, перенятые железнодорожным руководством не то из армии, не то пришедшие из далекого прошлого, когда народным комиссариатом путей сообщения руководил сам товарищ Каганович). Подойдя ближе, Лукьянов натянуто улыбнулся Дмитрию и протянул руку.

– Здоров, сосед! – бодро проговорил Лукьянов, но понимая, что Юрков не реагирует на протянутую руку, продолжил менее весело. Чувствовалось, что он получил мощный удар по самолюбию.

– Пришла бумага с телевидения, хотят снять передачу о твоём героизме.

– Вы не находите верхом лицемерия наш с вами разговор?

– Почему? – Лукьянов сделал удивленное лицо.

– Владимир Яковлевич! – с явным напором заговорил Юрков. – Как, по-вашему, называется поступок...

– Да кому ты нужен, посмотри правде в глаза! – прервав Юркова, заговорил Лукьянов. – Ты у меня не на первой полосе в газете окажешься, а на бирже труда!

Лукьянов отправился дальше, гулко шагая по коридору. Было заметно, что заместитель начальника по эксплуатации не ожидал такой встречи...

В приемной все также было пусто. Ольга Павловна, как прежде, перебирала бумаги. Документы лежали ровными, аккуратно сложенными стопками.

– Наша беседа не выходит у меня из головы, – признался Дима серьезной, даже немного неприветливой Ольге Павловне.

- Всё ещё будет...
- Мне нужен разговор с Ченцовым.

Секретарь настороженно посмотрела на Юркова, отвлекшись от перебирания вороха бумаг, и ответила:

- Не натворите глупостей...
- Мне кажется, он готов измениться. На самом деле, Ченцов другой.

– Господи, откуда берутся такие наивные идеалисты? Неужели вы думаете, что он другой! Какие глупости! – с горькой ухмылкой сказала Ольга Павловна, продолжая заниматься перекладыванием приказов, указаний и распоряжений. – Запомните, и Ченцов, и какой-нибудь Пупков или Бобков – дети нашей эпохи, времени, срисованного по лекалам если не тридцатых, то конца семидесятых годов прошлого века. Они максимально используют людские ресурсы, а решая главную задачу – добиться хороших показателей, в упор не видят человека! И не дай Бог, если кто-то вмешается в этот процесс! Вы думаете, что попытавшись открыть глаза руководителю, измените все вокруг. Начальник сливается с системой, становится её частью и обязан её охранять, защищать. Вас раздавят, а я поеду через полтора года выращивать огурцы.

– И помидоры, – добавил Дмитрий, задумчиво глядя на бумаги.

– И помидоры, – усмехнулась секретарь. – И все живут и работают в этой затхлой атмосфере. Вы, повторяю, глупенький мальчик – идеалист, каких много. Недавно мне довелось общаться с идеалистом значительно старше вас. Он считает, что Сталин ничего не знал, а его приближенные творили бесчинства. Посмотрите, какие шокирующие масштабы глупости! Повторяю, и Ченцовы, и Сверхченцовы всё знают...

– И все живут и работают в этой затхлой атмосфере, – насмешливо проговорил Юрков.

– И дышат, и насквозь пропитываются ею ...
– Именно поэтому мне нужно поговорить с Ченцовым.
– Воля ваша, – секретарь зашла в кабинет, а через полминуты вышла и сказала:

– Заходите.

Ченцов сидел в огромном кресле, мягкая спинка которого была столь высока, что начальник казался необычно маленьким, Юрков это заметил только сейчас. Элегантный серый костюм и светло-зеленая рубашка непривычно смотрелись на нем.

– Лучший нарядчик! – протягивая руку, заговорил Ченцов. Начальник был в приподнятом настроении. «Что сегодня с руководителями? Лукьянов и Ченцов приветливы – это не к добру», – подумал Юрков.

– Михаил Сергеевич, мне хотелось бы с вами поговорить, – взволнованно заговорил Дмитрий, заметил свой мандраж и от этого еще больше стал волноваться. – Скажите честно: моя травля как-то связана с неосторожной беседой в машине прокурора? Я нахожусь между двумя жерновами.

– Ну-у! я тут никаким боком не связан с мнением людей, – после долгой паузы ответил начальник.

– Но ведь слухи пущены? – Дмитрий давил на Ченцова вопросом.

– Работай спокойно, не думай, – примирительно заговорил Ченцов, видимо, опасаясь отвечать на сложные вопросы.

– Мне не дают жить!

– Кто? Назови мне этих людей, я разберусь!

– Какая разница! Я столько лет изучал свою работу, пытался выполнять все требования, пытался быть специалистом, а вам специалисты не нужны! – Юрков повысил голос до крика. – Никогда в моей голове не возникало желание выслужиться, потому что хотелось просто работать

с полной отдачей, но и отдача не нужна. Дешевая слава тоже не волнует меня: ни газетные статьи, ни телепередачи обо мне – все пустое...

– Не думай, что перевод в нарядчики – это сведение счетов, просто ревизор требует принять меры по некачественной приемке локомотива. Думаю, твой перевод – мера временная, так что... посиди, отдохни, погляди на девчонок (коллектив нарядчиков женский), а через годик снова поведешь свои поезда. Вижу, ты их любишь... За тебя никогда не страшно, если слышу: «Юрков в поездке» – значит всё в порядке: и машину примет как надо, и время хода выдержит, и проведет состав так, что ни одного ползуна на колесных парах, и от вагонников нареканий не услышишь.

– Хорошо, тогда как можно понять перевод в машинисты Ремезова? – Юрков понял, что вновь, как и с прокурором, начинает перегибать палку, но и остановить разговор начистоту уже не мог.

– В одной колонне умер машинист – нужно было быстро заменить, – отводя глаза, оправдывался Ченцов. – Эх, и хороший был мужик, до пенсии год не доработал...

– Не переводите разговор в другое русло, Михаил Сергеевич!

– Не думай о плохом! А на людей не смотри – они тут и про меня... – наступило долгое молчание, после которого Ченцов всё-таки перевел разговор на другую тему. – Да-а-а! Ты знаешь, Дима, мне и самому всё это надоело. Я ведь знаю, что сплетни появляются от безделья. Вот ещё одна беда – почти никто не работает. Одни водят поезда, ночей не спят, жен не видят, детей своих, а другие – пришли на работу и начинают: чай, посиделки, разговоры, а в пять часов – ни души, все уже к дому подходят. Обидно...

– Я тоже ездил, а тут девки с ногами от ушей сплетничают, – вытащив из кармана брюк свою докладную, Дмитрий её смял.

– Они требовать оклады умеют да рассказывать, как надо правильно работать. Знаешь, надо наводить порядок, – взглянув на часы, руководитель дал понять, что Юркову пора уходить.

– Ну как? – шепотом спросила секретарь, когда Дима вышел из кабинета.

– Всё бесполезно, – комкая листок с докладной, Дмитрий понял только сейчас, что бумага в руке промокла. Юрков волновался. – Этот человек, возможно, был другим, но к прежнему состоянию ему не вернуться уже никогда.

– Надеюсь, вы были осторожны...

– Хватил лишку, а теперь боюсь – всё ли правильно сделал.

– Слово вылетело – его не поймаешь, – пыталась взбодрить секретарь. – Честно говоря, вы единственный, кто заговорил с ним на сложную тему. Он не любит таких производственных разговоров с подчиненными.

– Наш разговор был о производстве, но оказался непростым, здесь вы правы.

VII.

После долгих морозных дней, наступили теплые зимние деньки. С утра шел густой снег, а днем прояснялось. Город оживал. Даже невзрачные, облезлые хрущевские дома, неприветливые и давящие своим казенным видом становились на вид менее холодными, не вызывали отторжения.

Краснореченск – город, разделенный железной дорогой на две части. Одна его часть, та, что лежала к востоку, была застроена деревенского вида домами – одноэтажными, с печным дымом зимой, непролазной грязью весной и осенью и ухабинами летом. Назывался этот район поселком кирпичников. Никаких кирпичников там уже давно не было, потому что кирпичный завод, давший название району, уже давно не работал. Разбитые корпуса завода

напоминали покинутый город. В районе царили довольно простые нравы: выпивка, компании в подворотнях. Незатейливое поведение жителей никого не удивляло, да и кому удивляться? Приезжих мало, а местные аборигены вытворяли такое, что у многих не укладывались в голове их поступки. Например, как-то осенью в Кирпичниках возле одного из домов среди белого дня стояла машина «скорой помощи». Стояла, никого не трогала. Трое местных наркоманов решили её угнать. Хотели покататься. Кое-как завели и погнали. По пути заехали в магазин за водкой. Изнасиловали продавщицу, украли коробку спиртного, но на повороте врезались в автобусную остановку. Один из наркоманов, недолго думая, достал канистру и поджег машину вместе с лежащими в ней под кайфом друзьями. Они были живы, но их товарищ решил, что жизнь им ни к чему...

Вторая половина города была застроена пятиэтажками. В центре встречались, правда, и дома постарше хрущевских жилищ. Квартиры с высокими потолками и узкими лестничными маршами считались роскошью. Фасады домов были однообразными, улицы в городе параллельны одна другой. Этот район назывался Железнодорожным, или, как раньше – Кировским. В этой части города была администрация, работали больница, две школы и детсад. Хлебозавод выпекал хлеб, в общем, здесь жизнь была ключом в самом прямом смысле: с утра и до вечера трудились железнодорожники – главная рабочая сила Краснореченска.

«Взять бы Леночку на прогулку, посадить в санки, да в парк! – думал Юрков, возвращаясь домой. – Жаль, что Таня не хочет разговаривать: только буркнет что-то себе под нос и дальше обижается. Да, я был не прав, швырять тарелками нехорошо».

Войдя в квартиру, Дмитрий почувствовал сильный запах газа.

– Что случилось? – спросил он у жены. Татьяна выходила из кухни.

– Ничего не случилось, просто газовая плита старая – конфорки пропускают газ.

– Странно, я раньше не замечал, – сказал Дима и задумался: «Всё пустил на самотек. Даже стыдно. Мужчина!».

– Нужна новая газовая плита, – примирительно заговорила Таня.

– Надо покупать.

– С твоей зарплатой нарядчика? Может, мне пойти работать? – робко спросила Татьяна, поглядывая на мужа.

Юрков подошел к грустной жене и обнял её за плечи.

– Нам будет легче, понимаешь? – заговорила Татьяна. – Появятся деньги...

– Ченцов сказал, что скоро вернет меня в колонну – буду опять машинистом.

– Господи, ну какой же ты наивный, Димочка! – Таня прижалась к Юркову. – Неужели ты веришь этой брехне? Это же трép!

– Ну, хорошо. Кем ты будешь работать?

– Меня зовут в больницу, там есть вакансия в регистратуре, – весело заговорила Татьяна, понимая, что муж смягчился и вот-вот разрешит пойти работать.

VIII

Вскоре к Юркову подошел Лукьянов и с ходу заговорил нагло, видимо, стараясь вызвать на неприятный разговор:

– Пытаешься давить на меня через Ченцова?

– Вы о чем? – недоумевал Дима. Лукьянов смотрел на Юркова заносчиво и презрительно.

– Скоро поймешь! Ты зачем наговорил начальнику, что в эксплуатационном цехе творится бардак? Почему меня вызвали сегодня к Ченцову? Мне пришлось давать объяснение, почему Юрков ходит и жалуется на моё бездействие как руководителя! – тихо, чтобы никто не слышал, сказал Лукьянов. – Ты был у Ченцова? О чем вы разговаривали?

– Я у него был, но про эксплуатационный цех мы не говорили, – ничего не понимая, оправдывался Дмитрий. – Мы говорили о работе, не затрагивая никого конкретно.

«Неужели Ченцов переврал наш разговор? Что он наплёл Лукьянову?» – рассуждал Юрков после ухода начальника эксплуатации. Судя по слухам, Михаил Сергеевич довольно хитер, годы руководства не прошли даром – он перестал брезговать двойной игрой, научился изворачиваться, ловчить. Наверняка раньше начальнику депо попросту незачем было лавировать и фокусничать, но должность заставила измениться: пришлось отказаться от добродушия и неискренности. «Как быстро человек скатывается в болото, перестает быть собой, – продолжал думать Дмитрий. – А кто знает, может, и раньше на маленьких должностях фокусничал».

После такого недоброго разговора ему захотелось оставить работу – просто написать заявление и уйти, покинуть её навсегда и больше никогда не вспоминать, но что-то держало Юркова, это было чувство, похожее на память. Свою жизнь посвятила железной дороге мама Димы, она отдавала себя без остатка и погибла, возвращаясь с работы. Юрков не мог свести счеты с главным делом своей жизни из-за мнения людей. Он не хотел предавать память о матери, старался удержаться, всё вынести, но выдержать, выстоять! А какая работа есть в Краснореченске, кроме той, что связывает почти всех горожан? Да, традиции у железнодорожников изменились: всё стало примитивным, и разговоры, и интересы, всё упростилось. Не было

больше интересных бесед между соседями, не было добрых взглядов и улыбок – все погрязли в злобе. Даже тяжелые девяностые годы не действовали на краснореченцев так разрушающе, не разобщали и не разводили по разным углам. Что-то произошло со всеми. Правда, Ольга Павловна считает, что в этом городе всё так и было: ненависть, рабство и холуйство. Что же, это её мнение. Она прожила долгую и сложную жизнь. Секретарь начальника имеет право на своё мнение...

Через несколько дней, перед отпуском, Дмитрий обратил внимание на стенд, висевший неподалеку от приемной начальника. На серо-красном фирменном фоне красовалась надпись: «Наши лучшие работники». Под надписью размещались пластиковые кармашки с фотографиями. Среди них был снимок Юркова. Фотография появилась на стене как-то незаметно, будто висела там уже давно. Дима ощутил странное чувство неприязни к публичности, а ведь совсем недавно он относился к популярности если не с восторгом, то с некоторым терпением – ему нравилось, что в телевизоре и на странице газеты мелькала его фотография.

«Моя фотография не должна висеть на этом стенде», – подумал Юрков и зашагал по безлюдному, немного жуткому коридору депо. Шаги раздавались приглушенным гулом, который сливался в конце коридора с голосами людей, работающих в цехе, где-то там, где заканчивалось эхо.

«Надо снять фотографию», – Юрков повернул в обратный путь, но подойдя к стенду, заметил, что фото уже сняли. Одно дело, что он сам хотел снять своё изображение, и совсем другое – его портрет подло выкрали.

– Кому понадобилась моя фотография? – Дима обратился к своему старому товарищу – Кирееву, который выходил из приемной. Юрков не поздоровался, хотя

машинист-инструктор хотел было протянуть руку, но растерялся от напора коллеги.

– Ты чего? – удивленно спросил Киреев. – Я тебе звонил домой, никто не отвечает.

– Не боишься общественного мнения?

– Какого ещё общественного?

– Меня ловко записали во врага, – горячился Юрков, громко и возбужденно разговаривая. – Почему бы тебе не поучаствовать в травле, подумай?

– Ты что, Дима! Пусть делают, что хотят! – убедительно заговорил Киреев, уверенно глядя на Юркова. Он умел доказывать свое мнение. Это было в его характере, как и любовь к порядку. Даже внешний вид говорил о том, что Киреев педантичный и элегантный человек: даже простая железнодорожная форма сидела на нем как-то по-особому – по-щегоольски. Пиджак всегда чист, рубашки свежи, словно на Кирееве сидел дорогой костюм из Европы, а не казенная одежда, пошитая где-нибудь в Ивановской области.

– Мне надоело, понимаешь, – Юрков начинал едва ли не впадать в истерику.

– Понимаю, – ответил товарищ, строго глядя в глаза собеседнику, – но ты помнишь, может быть, кто-то из великих сказал: «Ум всегда в дураках у сердца».

– Да, Ларошфуко был прав, – твердо ответил Дмитрий, – но мне от самоуспокоения не легче!

– Знаешь, эти мысли пагубны для тебя. Ты глотишь свои же кости. Я искренне был рад за тебя, ты поступил нормально: остановил, как мог, встречный – передал о нарушении габарита пути, да и потом устранил утрату груза, предотвратил вытекание этой гадости из цистерны, а то, что говорят о тебе эти... тыловые крысы, – это их проблемы. Они ничего полезного не делают сами, но мешают другим!

– Что в них, зависть?

– Не думай об этом. Будет плохо, если ты опустишься до обиды на них. Допустишь озлобление – упадешь в моих глазах! – Киреев говорил четко и уверенно, будто бывал в похожей ситуации, а когда договорил, не попрощавшись, зашагал по коридору.

В приемной было непривычнолюдно. В кабинете начальника проходило какое-то важное совещание, одни входили, другие выходили из приемной.

– Ольга Павловна, скажите, кто убрал моё фото со стенда? – успокаиваясь после разговора с Киреевым, спросил Дмитрий, нагибаясь через конторку, чтобы никто не слышал.

– Какое фото? – спросила секретарь и, не дождавшись ответа, продолжила заполнять журнал. – Не знаю ничего, я пока занята...

Сзади слышался шепот. Юрков отчетливо разобрал разговор: «Самолюбие тешит, его морда, видите ли, пропала с доски Почета!». После этих слов раздалось хихиканье, ядовитое и желчное.

– Мерзавцы! – взорвался Дмитрий, глядя на двух мужчин, один из которых оказался тем самым инструктором, который обозвал Юркова в кабине электровоза «сексотом». Руки взволнованно затряслись.

– Ты неадекватный, что ли? – с вызовом спросил инструктор, лицо которого было безликим, заурядным и не выражало эмоций. На человеке была словно маска, которую можно без труда сорвать. – Обратись к врачу!

– Ты сорвал моё фото?! – едва не кидался Дима.

– Ну-ка прекратите! – вмешалась секретарь, от эмоций вскочившая с кожаного кресла. – Не делайте глупостей, Юрков! Я же вас просила! Будьте стойким мужчиной!

– Кому помешала моя фотография?! – не унимался Дима, всё больше распаляясь. В этот момент распахнулась дверь. Очень толстый начальник (именно тот, который

устроил настоящий спектакль возле вагонов и походил на гоголевского чиновника – усатый, с пузом, как шар) строго окинул приемную и остановил взгляд на Диме. Усач был готов буквально лопнуть от переполняющей его злости. Не стерпев, он закричал:

- Что вы себе позволяете!
- Украл мою фотографию!
- Что он несет?! – толстый обратился к безликому.
- Кто его знает?! – ответил безликий. – Разорался!..
- Кто украл мою фотографию?!
- Пойдем! – едва ли не в ухо прокричал толстяк, хватая Юркова за руку. Они вошли в кабинет, переполненный людьми.

– Михаил Сергеич, – нервно обратился усатый к Ченцову, – полюбуйся на своего шута! Ты спрашивал, кто там кричит...

– Юрков! Ты... забываешься! – осторожно проговорил Ченцов.

- Кто украл моё фото со стены?!
- Больной! – оскорбительно произнес усач. – Заладил «кто украл мою фотографию».

– Кто украл, – начал говорить Дмитрий, как вдруг понял, что выглядит нелепо, задавая один и тот же вопрос. Сидевшие в кабинете люди разразились жутким смехом. Сам Юрков от заразительного хохота едва не засмеялся, слегка улыбнувшись уголком рта.

– Что, – не мог просмеяться Ченцов, – что ты там за войну устроил?

– Ничего я не устроил, кто-то сорвал мою фотографию! Сейчас Дима чувствовал себя таким же простоватым, непосредственным и глуповатым, как в день крушения, в кабинете начальника станции Копылово, во время разбора. Понимая это, он не нравился сам себе.

– Точно, больной, – раздался знакомый женский голос откуда-то сбоку. Дама, похоже, не снимала свой фирменный пуховик. В углу сидела именно та – из отдела охраны труда. – Вы так ничего и не решили по этому работнику?

– Решим... – неуверенно ответил Ченцов, нервно встав с огромного кресла и подойдя к окну. Отведя глаза, начальник депо, как провинившийся школьник, смотрел куда-то вдаль. За окнами ничего не было – всё те же знакомые виды: угол старого цеха, где по слухам старожилов, в тридцатые годы расстреливали железнодорожников, дальше – несколько путей станции, по которым навстречу друг другу шли два поезда, а за линией стояли бараки поселка кирпичников, ровно поднимался печной дым. Может, где-то среди тех бараков затерялся и скромный домик Ченцова, где прошло его беззаботное детство. Не знал маленький Миша (сын деповского рабочего и станционной кладовщицы), что его жизнь превратится в тяжелую, мучительную дорогу, по которой ему придется тащить груз проблем.

Сильно изменился Ченцов с тех далеких пор. Можно сказать, перед окном стоял совсем другой человек. Нет, никто не виноват в том, что именно так сложилась его судьба. Ещё со школьной скамьи Миша грезил поступить в летное училище, но родители с недоверием относились к мечтам сына, они уготовили для него совсем другой путь. Быть авиатором в семье Ченцовых означало играть на скрипке или писать стихи. Отец видел в этом что-то несерьезное, чуждое укладам, а потому относился с лёгким презрением. Его сын должен быть деповчанином! Курсы помощника, работа на тепловозе, после электрификации Горьковской дороги стал машинистом электровоза. Прошло совсем немного лет, и вот вчерашний мальчик Миша уже машинист-инструктор, потом – замначальника. Работа ему не нравилась никогда, но всё изменилось, когда

Ченцов стал первым руководителем депо. На своем месте в чине командира (как он по-армейски называл должности), Михаилу Сергеевичу стало очень много разрешено, от него зависели судьбы сотен человек. Он и подумать не мог, что женщины станут более доступными, и даже те, кто когда-то смотрел на него свысока, стали заискивать, улыбаться, говорить комплименты и едва ли не предлагать себя. Перед одной такой он не смог устоять, дал волю чувствам раз, другой. Однажды Ченцов перешел границы дозволенного: занялся любовью прямо в телетайпной. Он и не знал, что милая шалость превратится в настоящую беду: одна из работниц всё увидела. Нет, она его не шантажировала, не угрожала, но этого человека пришлось приблизить к себе. Да, Ченцов тогда не был осторожен, как сегодня, и поплатился за это – был вынужден отдать хорошую должность. В одном лишь выиграл: зарплату сделал более скромной, чем требовалось. Тогда его не поняли. Ему звонили из управления дороги, говорили, кто должен занять место секретаря, но Ченцов нарушил «убедительную просьбу». Другого выхода не было. Ольга служила нормально, была неназойлива, умна, но раздражала своим умом Михаила Сергеевича. Легче держать на этом месте какую-нибудь дуручку с пустыми глазами, чем всё понимающую женщину. Она была не из его окружения. Птица иного полёта, Ольга резко отличалась от конторских девчонок: никого не обсуждала, нейтрально относилась к вещам, благам, рангам и чинам. Не раз в её адрес хотелось сказать: «Отправляйтесь туда, откуда пришли», но Ченцов стал заложником своей похоти. Голову продолжала кружить свобода. Он пользовался авторитетом у своего начальника – руководителя регионом, много знал из общей «кухни». У них появились слабости, финансовые интересы, и, как назло, на его дороге попалась эта умная, спокойная Ольга. Напьется Ченцов с комиссией, она ему помогает – уторм

отпаивает чаем, надо срочно уехать на три дня с любовницей – опять Ольга его спасает. Или сауна, без которой в последние годы он не мог существовать: туда он навещался, чтобы расслабиться, с еловым веничком да с водочкой и девочками – красота! И тут помогала Ольга. Секретарь звонила кому надо, кто смог бы его прикрыть в субботу утром, когда Ченцов не в состоянии был явиться на общедорожное селекторное совещание. Было и такое, что оформляли кредит по её документам. Но каждый раз, когда в голову Ченцова закрадывалась мысль, что секретарю надо сделать хороший оклад, он с брезгливостью отторгал эту идею. Что-то не давало ему покоя, какое-то чувство стыда сидело в нем, это чувство перемешалось с глубокой антипатией к человеку. Ченцов боялся её ума, этих пронизательных глаз. Казалось, Михаил Сергеич будет умирать и на одре вспомнит её взгляд.

– Возмутительно! – тихо сказала дама, заставив Ченцова мысленно вернуться в кабинет.

– Какие же вы мерзавцы! – коротко проговорил Юрков и, выскочив из кабинета, пошел по ненавистному, жуткому коридору. Гул шагов давил ему на уши, закрыв их ладонями, Дмитрий побежал в здание эксплуатации. Запнувшись, он неуклюже растянулся прямо на полу, больно зашибив локоть правой руки. Но даже падение не остановило его, Дима поднялся и побежал дальше.

В кабинете нарядчиков было много людей. Никто не работал. Из телетайпа пришли три женщины. Они громко о чем-то беседовали с напарницами Юркова.

– Обо мне говорите? – вбежав, спросил Дмитрий, потирая локоть.

– Вот ещё! – надменно проговорила нахалка Маргарита.

Натянув на себя верхнюю одежду, Юрков выскочил в коридор. Справа, метрах в пятидесяти, был отдел кадров. Пробежав из здания эксплуатационного цеха

в административный корпус, он всё же понял – надо остановить весь этот кошмар – расстаться с дорогой и любимой профессией.

Кабинет отдела кадров был пуст – ни души. Среди заваленных разными папками столов было свободное место – перед компьютером. Юрков нашел чистый лист бумаги и принялся небрежно, наспех писать: *«Прошу освободить меня от занимаемой должности, поскольку мои взгляды противоречат всей системе хозяйствования в депо, – писал он в своем заявлении. – Я не выношу хаоса, царящего здесь, который, на мой взгляд, мешает осуществлять безопасную перевозку грузов и пассажиров, замедляет техническое развитие и тем самым отбрасывает транспорт в далекое прошлое».*

Не думая, подпишут ли такое заявление, он излагал всё, о чем думал. Написав, оставил бумагу на столе и убежал. В приемной всё так же суетились: громкие разговоры и стук закрываемых дверей. Дмитрий понимал, что ещё не раз предстоит пройти по этим пустым и мрачным коридорам, ведущим из здания в здание. Но сейчас Юрков бежал, не замечая застывающих на холоде капель пота на лице. Заснеженная улица не спасла Диму от давящего чувства: серые, облезлые хрущевские пятиэтажки угнетали своим видом.

«Стоп! – подумал Юрков и остановился. – Надо успокоиться!». Он поднял взгляд к серому небу. Совсем не такой представлял Дмитрий будущую профессию тогда, в далекие девяностые годы. Ещё учась в школе, Юрков видел себя машинистом, ловко и сноровисто поднимающимся по лесенке в кабину электровоза. Теперь всё не то: работа потеряла прежний смысл. Много молодых ребят его возраста. Они будут водить тяжелые поезда, но мало кто задумается, для чего они это делают? Что дает им эта работа, кроме зарплаты? Вполне открытым, им предстоит

здесь работать – в обстановке лицемерия. Добросердечие и открытость уйдут, покинут молодежь, и многие из них станут сначала такими вот Ченцовыми – трусливыми и пустыми, а потом, с годами, – толстыми усачами, похожими на гоголевских городничих. Скольких людей сломала эта система, пожирающая души людей! Сколько добрых сердец превратила в холодные и пустые снежинки!

Устав бежать, Юрков шел прогулочным шагом и думал. «Как отнесется Таня к моему уходу из депо? – спрашивал Дмитрий сам себя. – Она же ничего толком не знает ни о слухах, ни об истерии работников – моих, теперь уже бывших коллег». Мысли прервал звонок мобильного. Звонила Татьяна.

– Мы с Леночкой съездим к Ольге, не теряй нас, – ласково предупредила жена.

– Дождитесь меня, нужно кое-что сказать, – подавленным голосом проговорил Юрков.

– Что-то случилось на работе?

– Всё расскажу, когда приду.

«Нашла время ехать к подружке!» – возмутился Дима, привыкший осуждать жену. Можно было гневно обрушиться на Татьяну с упреком, но его что-то остановило. Совсем недавно они нашли общий язык после долгих размолвок, и сейчас ему нужна поддержка близкого человека.

Размышляя, Юрков только сейчас заметил, что снег летит прямо в лицо, залепляя глаза, мешая дышать, – началась метель. Вновь зазвонил телефон. Чтобы разглядеть экран телефона, пришлось повернуться спиной к ветру. Высветился незнакомый номер. Раздался женский плаксивый голос:

– Звонят с телевидения.

– Я так и подумал, – зачем-то соврал Дмитрий, сам удивляясь своему поступку.

– Не забудьте, завтра в локомотивном депо мы делаем о вас передачу. Ваш начальник предупрежден и скажет на камеру несколько слов о вас.

– Не скажет, – прервал Дима.

– Почему? – опешила женщина.

– Потому что я в депо больше не работаю.

– Как? Что за шутки! – не находила слов удивленная женщина. – Вы разговариваете с редактором программ областного телевидения.

– Какая разница, с кем я разговариваю.

– Нет, это немыслимо! У меня же материал! – начала смягчаться редактор, едва не умоляя Юркова.

– Вот видите, у вас материал, а всё остальное – подождет...

– Ну как же так, ведь мы не сможем отменить передачу...

– Смените тему программы: расскажите, например, какие успехи у депо, а их, между прочим, немало.

Не дожидаясь ответа, Дмитрий выключил мобильник.

Возле подъезда Юрков невольно обратил внимание на любимую рябину. Голодные птицы слетелись на городское кормление и склевали все мягкие, почерневшие на морозе ягоды. Склюнутые, они посыпались на тротуар и теперь лежали раздавленные прохожими. Багровые пятна, будто капли крови, предвещали недоброе. Поглядев на дерево, Дмитрий скорее поспешил в подъезд, словно стараясь уйти от чего-то страшного.

– Где ты ходишь? – спросила Татьяна, открывая входную дверь заснеженному мужу. – Что ты хотел сказать? Что стряслось?

– Я хотел сказать, что люблю вас с Леночкой, – подумав, ответил Дима, стоя на пороге квартиры, так и не сказав правды.

– Какие мелочи! Ради этого ты заставил нас долго... – недоговорив, замолчала жена, понимая, что сказала глупость. – То есть я не то хотела сказать! Мы тоже тебя любим, но мы долго ждали...

– А разве этого мало, чтобы дождаться?

– Нет, ладно... прости!

Ничего не ответив, Дмитрий внимательно посмотрел на Таню. Не снимая пальто, он стоял в прихожей.

– Проходи, ты так и будешь стоять на пороге? – смущенно говорила Таня, судорожно бросаясь от одного дела к другому непонятно зачем: она чистила рукой свою шубу, потом принялась одевать ребенка. – Кстати, скоро я выхожу на работу!

– Рад за тебя...

– Что произошло? – допытывалась жена, видя печаль на лице близкого человека.

– Ерунда, – отмахнулся Дмитрий, разуваясь и снимая пальто, – просто болит голова. Наверно, опять простыл...

– Закрой на кухне форточку. Я её открывала, потому что опять пахло газом.

Поцеловав Леночку в пухлую белую щечку, Юрков попрощался с Татьяной и, заперев входную дверь, отправился на кухню. Ветер за окном стал стихать, снег прекратился. От умирившейся погоды, от наступившего уюта ли Дмитрий тоже успокоился, на душе впервые за долгое время было легко. «Слава богу, доберутся благополучно, – сказал себе Юрков, мысленно радуясь. – Хорошо, что с дочкой и женой по-хорошему, по-доброму попрощался».

У Димы заболела голова, будто кто-то слышал его разговор с женой и послал эту боль свыше. Поставив чайник на газовую плиту, он ушел в спальню.

«Эти мысли пагубны для тебя. Ты глoжешь свои же кости. Я искренне был рад за тебя, ты поступил нормально: остановил, как мог, встречный – передал о нарушении

габарита пути, да и потом – устранил утрату груза, предотвратил вытекание этой гадости из цистерны, а то, что говорят о тебе эти... тыловые крысы, – это их проблемы. Они ничего полезного не делают сами, но и мешают другим!» – лежа на мягкой кровати, Юрков вспомнил слова Киреева, удивившись своей памяти, которая слово в слово воспроизвела разговор с товарищем. Дмитрий уснул, даже не услышав, как хлопнув, неисправная конфорка потухла, выпуская газ в квартиру. Наступил тяжелый сон. Юркову снилась погоня: он убегал от машиниста-инструктора, удивившись тому, что безликие физиономии имеют лишь бесчувственные ничтожества – маньяки и убийцы. За ним гнались по мрачным коридорам депо, где стены были выложены нелепым кафелем – зеленым советским кафелем. В коридоре раздавался чей-то ехидный смех, похожий на тот, что он слышал в приемной у Ченцова. Дмитрию вдруг вспомнился чайник, он стоял на газу посередине коридора, но выйти из сна он не мог: ослабли руки и ноги, тело отказывалось шевелиться. В горле стоял сладковатый привкус. Вскоре стало трудно дышать, как будто встречный ветер дул в лицо, отвернуться же от него не было сил. Юрков продолжал бежать, как на замедленных кадрах кино, и вдруг в конце длинного коридора появился ослепляющий свет...

IX

За два часа до этого Ольга Павловна не знала, что делать с фотографией Юркова, когда бывший напарник Дмитрия Ремезов молча, с раздражением снял её со стенда и швырнул на пол прямо на входе в приемную. Секретарь подняла фотографию, но вставить обратно не решилась – много

недовольных лиц обратили внимание на это. А получилось всё так: недоброжелатели, как появилось фото, злорадно гримасничали перед стендом, смеялись и даже обзывали Юркова самолюбивым стукачом. После злополучного инцидента Ольга Павловна хотела попросить разрешения у Ченцова убрать фото хотя бы временно, пока не успокоятся люди. В день большого совещания у начальника в коридоре появился Юрков. Он посмотрел на стенд и ушел. В приемной, вальяжно развалившись на стуле, сидел Ремезов, покачивая ногой.

– Полюбоваться пришел, – с ненавистью констатировал Антон, заметивший в коридоре Юркова. Ремезов нервно соскочил со стула, метнулся к стенду и, вернувшись, с силой, как будто играя в карты, словно побив карты тузом, махнул фотографией бывшего напарника.

Ольга Павловна хранила молчание. Даже когда в приемной на глазах у многих Юрков униженно кричал, женщина сохраняла хладнокровие. Снимок лежал у неё в сумочке. Секретарь унесла его домой, рассчитывая потом поговорить с Дмитрием и отдать ему эту злосчастную фотографию.

Глядя из кухни на дом напротив, она заметила, как задумчивый Юрков мелькнул в окне и долго не появлялся. Затем в квартире свет погас. «Наверно, гуляет с дочкой», – подумала Ольга Павловна и вышла из подъезда. Возле дома разговаривали люди: двое деповчан и старик в старомодном полушубке, едва стоявший на ногах.

– Позер этот давно мне не нравится! Ходит, рожу ворочит, в каждой газете о нем заметки да статьи, а сам что? Ничего не стоит, герой, – ревниво трезвонил дед, опираясь на забор. – Недавно стоит с каким-то писакой из газеты – интервью дает. Думаю, подойду, пожалуйюсь газетчику на отопление, и что вы думаете? Выпроводили меня. Иди, говорят, отец! Бессовестные! Расстреливать таких надо!

Мало в телевизоре этих звезд полно, так ещё этот сморчок! Значит, отопление – к черту, а слава какого-то иждивенца, паразита – главное!

– Кто паразит и иждивенец? – спросила Ольга Павловна, подходя к разговаривающему старику.

– Да этот, Сурков, или как его там...

– Это тот, кому такие, как вы, поломали жизнь? Вы за-видуете, что ваше лицо больше не засветится на странице какой-нибудь «Правды»? – давила Ольга Павловна. – Хватит! Ваше время ушло. Катитесь со своими расстрелами в прошлое...

– Из-за него совет ветеранов лишился материальной помощи. Я потерял три с половиной тысячи к пенсии!

– Сразу бы сказали: за три с половиной тысячи вы готовы и человека в могилу свести, и, если надо, родину продать!

– Вот, ещё одна, подданная госдепа! – старик невпопад, сокрушенно крикнул вслед уходящей женщине.

Войдя в подъезд Дмитрия, Ольга Павловна почувствовала сильный запах газа. Жильцы возбужденно переговаривались. Хлопали двери квартир.

– Надо вызывать аварийную! – высунувшись из квартиры, говорила пенсионерка, тоже бывшая деповчанка.

– Вызывайте! – стоя возле двери напротив, нервничала молодая особа.

Ольга Павловна поднялась на этаж Юркова. Стало понятно – случилась беда. Стоя сбоку от двери, она дотянулась до звонка. Стоило только нажать на звонок, как раздался громкий хлопок. Деревянная дверь вместе с косяком вылетела прямо в подъезд. Обломки двери больно ударили женщину, окровавили лицо и правую руку. Ольга Павловна не поняла, как очутилась на полу. Из квартир стали выбегать перепуганные жильцы. В панике женщины выскакивали с детьми. Ольге Павловне никто даже не помог...

X

Утро следующего дня было особенным для депо: цеха готовились принять телевизионщиков. Ченцов решил подробно рассказать об истории локомотивного депо, о славных традициях коллектива, показать старые, двадцатых годов, цеха. Как ни старался журналист заговорить про Юркова, начальник выкручивался – менял тему разговора.

Проводив телевидение, Ченцов шел по коридору. «Надо сделать ремонт, убрать этот старый кафель, – думал Михаил Сергеевич. – Да, надо собрать экономистов, бухгалтера, и посчитать во сколько обойдется...». Он шел в кабинет.

– Михаил Сергеевич, – обратилась девушка – инженер по нормированию труда, – что делать с программой?

– С какой программой? – отозвался руководитель, обернувшись на голос.

– У меня не заводится в программу Юрков.

– Юрков? – начальник скривил лицо, будто вспоминая старого работника, ушедшего на пенсию лет двадцать назад. – Ничего не получится.

– Почему?

– Потому что его нет.

– Как нет? Ведь был...

– Может, и был...

– И всё же, Михаил Сергеевич.

– Удалите из программы! И забудьте!

Ченцов скрылся за поворотом, а изумленная девушка в красной блузке, ничего не понимая, вернулась в кабинет, чтобы удалить фамилию Юркова из списка.

Секретарь долго не могла прийти в себя. Женщина с порезом руки и лица лежала в больнице, а когда раны зажили, в приемной появилась какая-то другая Ольга Павловна, совсем не похожая на прежнюю. Как обычно спокойная, с умными глазами, она стала теперь ещё более задумчивой.

Тяжелый взгляд подолгу задерживался на предметах, будто каждая вещь несла какой-то иной, сокровенный смысл, понятный лишь этой немолодой, с уродливым шрамом на лице женщине. Она собрала кое-какие вещи и стала выходить. На её пути появился Ченцов, он входил в приемную.

– Оленька, ты чего удумала? – впервые ласково заговорил начальник, который никогда раньше не обращался к своему секретарю с нежностью и лаской. – Зачем увольняешься? Кого я посажу вместо тебя?

– Найдете, – нехотя ответила Ольга Павловна.

– Тебе ещё до пенсии полтора года...

Отвернувшись, Ольга Павловна вышла, не сказав ни слова – скромно и тихо. По слухам, она куда-то уехала.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАННАЯ

7

БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

61

УДАЛЁННЫЙ ИЗ ПРОГРАММЫ

117

Книга отпечатана в типографии
ТОО «Издательство «Северный Казахстан».
Адрес: 150001, Республика Казахстан,
Северо-Казахстанская область, г. Петропавловск, ул. Кошукова, 5.
Тел. +7(7152)- 31-07-72, e-mail: mail@izdatelstvo-sk.kz